

КАЙ МОЛЬТКЕ

За кулисами
*Второй
мировой
войны*

КАЙ МОЛЬТКЕ

ЗА КУЛИСАМИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перевод с датского

А. КОБЕЦКОЙ и Н. КРЫМОВОЙ

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1952

KAI MOLTKE

BAG KULISSERNE
IMPERIALISMENS AGGRESSION
OMKRING OG UNDER DEN ANDEN
VERDENSKRIG

KØBENHAVN 1951

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Предлагаемая вниманию советского читателя книга датского прогрессивного публициста Кая Мольтке «За кулисами второй мировой войны» посвящена разоблачению преступных действий правящих кругов Англии, Франции и США по подготовке второй мировой войны, а также их враждебной по отношению к СССР политики во время войны. Выступая против фальсификации исторических фактов империалистической пропагандой, Мольтке убедительно доказывает, что политика Англии, Франции и США в этот период была направлена на поощрение гитлеровской агрессии, на подталкивание Гитлера к нападению на СССР. Основываясь на документах кануна второй мировой войны, опубликованных МИД СССР, на материалах Нюрнбергского процесса и других документах, а также используя зарубежную мемуарную литературу, Мольтке восстанавливает картину некоторых закулисных махинаций западных держав накануне и в период войны.

Одно из центральных мест в книге отведено разоблачению политики западных держав по отношению к гитлеровской Германии. На ряде конкретных фактов Мольтке показывает, что на протяжении всей войны западные союзники стремились к сговору с Германией за спиной Советского Союза, пытаясь установить контакт с Гитлером, а позднее действуя через так называемую «верхушечную оппозицию» в Германии, которая делала ставку на западные державы. Мольтке также излагает закулисную политическую игру империалистических хищников в странах Восточной Европы, которые они рассчитывали закабалить после войны.

Книга Мольтке не является глубоким научным исследованием. Это боевое публицистическое произведение, содержащее красочный и интересный материал об агрессивности стран империализма и справедливо изображающее их как злейших врагов свободы и независимости народов.

Книга Мольтке не свободна и от некоторых недостатков. К их числу следует отнести, прежде всего, сравнительно слабое освещение вопроса о роли США в подготовке второй мировой войны, о поддержке американскими правящими кругами нацистских агрессоров. Помимо этого некоторые вопросы освещены с недостаточной полнотой. Это, в частности, относится к вопросу о предательстве титовской клики.

Несмотря на эти недостатки, книга Мольтке в целом весьма полезна и актуальна, поскольку она содействует восстановлению исторической правды о второй мировой войне и опровержению клеветы, распространяемой буржуазными фальсификаторами истории.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ВОСТОЧНЫЕ ПЛАНЫ ГИТЛЕРА И ГУГЕНБЕРГА

Что представляла собой немецкая „верхушечная оппозиция“?

Яркая картина распада государственного механизма, раздираемого внутренними противоречиями, развернулась перед взорами общественности после краха гитлеровского фашизма во время суда над главарями нацизма в Нюрнберге. Здесь разворачивался поучительный исторический процесс, документально доказавший, что фронты второй мировой войны в известном смысле были только внешним фасадом большой мировой схватки. Через границы стран, через железное кольцо фронтов, протянулись за кулисами невидимые связующие нити, уходившие в глубь лагерей обеих группировок воевавших западных держав.

В годы войны агрессивная великогерманская империя Гитлера казалась поверхностному наблюдателю сплоченным полюсом силы. Внешне каждый винтик этой громадной военной машины работал безукоризненно четко. Каждая часть государственного механизма, казалось, функционировала бесперебойно. Но так казалось до тех пор, пока не опустился занавес. Тогда вдруг выявилось совершенно другое...

Мозгом и центральной нервной системой гитлеровской военной машины были генеральный штаб и верховное командование. В государстве нацистской диктатуры задача этого центра заключалась в том, чтобы планировать, готовить и осуществлять агрессивные войны «Третьего рейха» по конвейеру. Внешне это делалось безукоризненно. Но в этом центре подготовки войн занимались и другими вещами. Уже задолго до начала войны в тех же инстанциях вынашивались совершенно иные планы: тайные проекты свержения гитлеровского режима, ареста фюрера, создания единого фронта западных держав

против СССР. Эта игра продолжалась в течение всей войны.

Германская военная разведка тоже, казалось, совершает чудеса в тылах своих настоящих и потенциальных военных противников. Оказалось, что фашистская военная разведка, руководимая адмиралом Вильгельмом Канарисом и его соратниками, неплохо снабжала информацией западных противников Германии. От нее исходили своевременные предупреждения о планах гитлеровского нападения на Польшу и Скандинавские страны, на Францию, Голландию и Бельгию, здесь же зарождались планы государственных переворотов и покушений на нацистских главарей.

Далее шла дипломатия, внешнеполитическая служба «Третьего рейха», занятая плетением сложной сети интриг, ловушек и планов аннексии, направленных против соседних государств и западных великих держав. Но совместно с представителями генералов и разведки те же дипломаты в течение всех лет войны, втайне от правительства, содействовали переговорам о сепаратном мире, ведшимся отдельными нацистскими главарями. Планы заключения мира и проекты новой агрессивной войны постоянно переплетались в космополитической деятельности фашистской дипломатии, которая никогда не ограничивалась осуществлением официального и формального контакта с правительствами других государств.

«Да, — сразу же вмешается тот или иной сторонник западной «демократии», — именно раскол, дезорганизация и предательство в рядах самой нацистской диктатуры и были ярким доказательством политического, идейного и морального превосходства демократии западных держав перед агрессивными диктатурами».

Однако такое пропагандистское упрощение проблем толкнуло бы нас на опасный путь. Вряд ли найдется какое-либо западное государство, которое могло бы похвастать тем, что враг во время войны не проникал на его территорию. Активная фашистская пятая колонна постоянно действовала даже среди правящих кругов западных держав с самого начала и вплоть до окончания второй мировой войны.

Просачивание через фронты и вообще активность пятой колонны характерны в период второй мировой войны

для всего капиталистического мира, и это вполне понятно, так как вытекает из его внутренних противоречий, из столкновения интересов различных групп в системе распадающейся социальной структуры капитализма.

Для того, чтобы извлечь какие-то уроки из деятельности, которую вела в годы войны так называемая германская «верхушечная оппозиция», нужно установить, какие конкретные причины вызвали появление этой «оппозиции», и определить, какие общие политические цели объединяли эти слои «Третьего рейха» с западными военными противниками Германии.

К каким социальным слоям и политическим кругам принадлежали лидеры «оппозиции» в высших слоях «Третьего рейха» и в его государственных органах? Являлись ли они сторонниками старой веймарской «демократии», которые хладнокровно и расчетливо замаскировались с целью «перезимовать» на руководящих постах до тех пор, пока не наступит подходящий момент для свержения нацистской диктатуры?

Было бы фальсификацией истории и политическим приукрашиванием изображать так упрощенно характер немецких союзников западных держав. Никакие «демократические» традиции, никакое общее мировоззрение не связывали немецких заговорщиков против Гитлера с Лондоном или Вашингтоном.

Если рассмотреть по одиночке всех руководящих «оппозиционеров» и заговорщиков, то нетрудно обнаружить, что их объединяет одна характерная особенность — все они принадлежали к лагерю немецкой реакции, приведшей в свое время Гитлера к власти. Не верность идеям демократического управления Германией, а принадлежность к тому или иному оттенку нацизма — такова исходная позиция гражданских и военных «оппозиционеров».

Можно начать с центральной фигуры «оппозиции», объединявшей заговорщиков вплоть до 20 июля 1944 г.¹ — фигуры адмирала Канариса, опытного руководителя военной разведки «Третьего рейха».

Его авантюристическая карьера началась в годы между первой и второй мировыми войнами в открытой

¹ День покушения на Гитлера. — *Прим. ред.*

борьбе против Веймарской республики Эберта и в особенности против большевизма и движения спартаковцев.

Канарис участвовал в первой мировой войне в качестве морского офицера и командира подводной лодки. В дальнейшем он был рьяным противником революции 1918 г. В 1920 г. Канарис принимал участие в перевороте Каппа, а также был замешан в зверском убийстве Карла Либкнехта 15 января 1919 г.

Его известная поездка в Испанию, предпринятая им некоторое время спустя, была тесно связана с попытками немецких реваншистов перевести германскую военную промышленность за границу с целью восстановления военного потенциала Германии.

Как закоренелый и проверенный нацист Вильгельм Канарис в декабре 1934 г. был лично Гитлером выдвинут на пост руководителя военной разведки.

Карл Герделер, гражданский лидер «оппозиции», был связан с теми же кругами, что и Канарис. В годы между первой и второй мировыми войнами он примыкал к старой монархистской партии времен Гогенцоллернов — немецкой национальной партии, которая в 1933 г. способствовала захвату власти Гитлером. Бургомистр старой цитадели экспансии на Восток — Кенигсберга, председатель Союза предпринимателей, а позже бургомистр Лейпцига — такова карьера Герделера. Между Герделером и лидером немецких националистов Альфредом Гугенбергом произошел разрыв по тактическим соображениям, когда Герделер в период «вынужденной диктатуры» Брюнинга получил пост комиссара по контролю над ценами, что, однако, не помешало ему сохранить те же экономические и административные ключевые посты в первые годы правления Гитлера.

Когда Карл Герделер в 1938 г. окончательно ушел с постов комиссара по контролю над ценами и бургомистра Лейпцига, он уже пользовался таким доверием крупного западногерманского магната вооружений Густава Крупна фон Болена, что тот оплатил его поездку в Англию в период мюнхенскогоговора. По возвращении в Германию Герделер снова использовал связи с крупным капиталом, чтобы получить пост начальника отдела по иностранным финансовым вложениям крупной немецкой машиностроительной фирмы Роберта Боша. Весьма пока-

зательно, что большое дочернее предприятие этой немецкой фирмы в США находилось под покровительством влиятельных братьев Даллес.

Карл Герделер стремился прежде всего спасти старые социальные устои Германии. Полновластие привилегированной касты он хотел сохранить в неизменном виде. В письме генералу Ольбрихту 17 мая 1943 г. он писал без обиняков: «... Я не желаю, чтобы интеллигенция — класс, развивавшийся в течение столетий, — была лишена руководящей роли. По той же причине не должны лишаться руководящей роли ведущие военные лица...».

«Цветом» германского общества Герделер считал прусское чиновничество, военно-юнкерскую касту и промышленных магнатов. «Герделер — это ведь своего рода реакционер», — отмечал в своем дневнике даже консервативный немецкий дипломат Ульрих фон Гассель.

Тот же твердолобый консерватизм — наследие немецких националистов времен Гогенцоллернов — характеризует и другое влиятельное лицо оппозиции — юриста Ганса Бернда Гизевиуса, который был постоянным связующим звеном с руководителем американской разведки в Европе Алленом Даллесом. В предисловии к своим небезинтересным воспоминаниям Гизевиус пишет:

«Чем основательнее мы освободимся не только от вчерашних властителей (нацизм), но и от призраков позавчерашнего дня (Веймар), тем яснее увидим, что мы должны начинать сначала. Нам должно быть ясно, что уничтожены не только наши политические учреждения, но также и идеи, на основе которых они были созданы. Независимо от того, когда они возникли — в XVIII, XIX или XX веке, — они устарели и не имеют ценности для современности...

... Нам в Германии нужны искренние борцы за новую законность, за сознательный антиколлективизм и сверхнациональные взгляды. Такое консервативное движение не только полностью откажется от национализма, но и смело сделает вывод из окончательного краха гитлеровской диктатуры, империи Бисмарка и Пруссии Фридриха Великого».

На первый взгляд это кажется чем-то новым. По существу же Гизевиус — просто-напросто старый немецкий националист, которого военные поражения и страх перед

социализмом превратили в капиталистического космополита, подобного множеству других представителей привилегированных кругов Европы, почувствовавших, что троны под ними беспомощно зашатались! Единственный путь к своему спасению они видят в мировом господстве США.

Группа генералов, так или иначе связанных с заговором, — Людвик Бек, Эрвин фон Виттебен, Ганс Остер и, в известной степени, Франц Гальдер, так же как и Канарис — ранее принадлежала к числу доверенных лиц командующего германской армией генерал-полковника барона Вернера фон Фрича, который 24 января 1938 г. был снят нацистами с этого поста.

Генеральская «оппозиция» полностью поддерживала агрессивный курс на возрождение германского вермахта. Было бы ошибкой и преувеличением изображать расхождения внутри немецкой армии как борьбу между сторонниками войны и сторонниками мирного развития. Общей базой для обеих конкурирующих групп был реванш после поражения в 1918 г. Это была безусловная и абсолютная цель. О необходимости экспансии германской империи мнения также сходились. Генеральный штаб империалистической великой державы никогда не выполняет функции мирной организации.

В оценке военных возможностей Германии генеральный штаб и армейские командиры в годы между первой и второй мировыми войнами связали себя известными стратегическими принципами. Неудачный опыт кайзеровской армии в первой мировой войне убедил руководителей германского государства, а позже и вермахт, что в будущей войне ни при каких обстоятельствах нельзя допускать войны на два фронта. Стратегически такая военная ситуация привела к катастрофе при Вильгельме II. Этого нужно было избежать во втором раунде европейской борьбы за власть.

Руководствуясь этим основным принципом, немецкие генералы тесно увязывали разработку своих военных планов с внешнеполитическим курсом. Однако командование вермахта упрощало внешнеполитические задачи, сводя их к вопросу об избрании подходящего момента и прежде всего правильного направления агрессии. Уже в первые годы после поражения генерал Гофман тщательно и детально разработал планы будущей германской экспансии.

Этот военный ветеран кайзеровских времен инстинктивно чувствовал, что единственный шанс снова стать ведущей военной державой для Германии заключается в том, чтобы взять на себя роль западноевропейского жандарма, душителя социализма. Только при этом условии можно было рассчитывать на то, что прежние военные противники посмотрят сквозь пальцы на восстановление вооруженных сил Германии и что версальские решения о разоружении будут отменены. Такой курс сулил также перспективу поддержки со стороны западных держав и устранял угрозу нападения на Германию с Запада.

Концепция Гофмана постепенно стала основой военно-политических взглядов касты немецких офицеров. Чем более враждебной СССР будет внешняя политика «рейха», тем легче и скорей можно будет добиться терпимого отношения со стороны Запада к усиленной ремилитаризации Германии — важнейшей предпосылке будущей экспансии в Европе.

Совершенно естественно, что эта догма офицерской касты была воспринята Гитлером и официально закреплена в политической программе «Третьего рейха». У нацистов просто-напросто не было иного выхода, кроме как формально принять эту важнейшую заповедь армии и сделать ее своей собственной. Это открывало путь к политической поддержке со стороны рейхсвера и вооруженных добровольческих корпусов.

В своей книге «Майн кампф» Адольф Гитлер претворил взгляды армии в свою «непоколебимую» программу, которая раз и навсегда положила конец колеблющейся и «близорукой» политике кайзеровских времен, из-за которой, как полагали нацисты, Германией были упущены возможности занять «место под солнцем».

Разве фюрер не отказался от ведения войны на два фронта, когда в своем пресловутом «основном произведении» он писал:

«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под направлением нашей внешней политики в довоенное время. Мы начинаем с того, на чем остановились шесть веков назад. Мы приостанавливаем вечное стремление германцев на юг и запад Европы и обращаем свой взор на земли на востоке».

Таким образом Гитлер дал письменную гарантию против ведения войны на два фронта. Разве эти слова не являлись криком сердца самих немецких генералов? И разве Гитлер не играл на самых дорогих и традиционных для прусских юнкеров и помещиков идеях, когда он писал:

«Мы порываем, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего. Целью нашей будущей внешней политики является не восточная и не западная ориентация, а натиск на Восток, ставящий целью захват необходимых для немецкого народа земель...»

Нельзя упускать из вида органическую связь между интересами крупной земельной аристократии в Восточной Германии и чаяниями военной верхушки.

Разве история Пруссии за последние столетия не доказывает, что захват славянских земель на восточной границе был наиболее удобным для германских правящих кругов способом удовлетворения настоячивых требований малоземельных немецких крестьян предоставить им часть земельных богатств помещиков-юнкеров?

Поэтому нет ничего удивительного в том, что прокламации нацистов производили действие магнита на большую часть привилегированных слоев общества, из которых всегда вербовался командный состав германской армии.

Наглый вызов, брошенный западным державам нацистами, отказавшимися соблюдать версальский договор и оккупировавшими Рейнскую область, западные лидеры нашли, может быть, слишком дерзким по форме, но антибольшевистские лозунги нацистов делали их крайне уступчивыми. Мысль о новой немецкой экспансии за счет России и прибалтийских государств вынашивалась, в сущности, не только Гитлером и Розенбергом. Это была общая внешнеполитическая программа германских националистов. Не случайно старый лидер германской национальной партии Альфред Гугенберг использовал даже международную экономическую конференцию в Лондоне, где он 16 июня 1933 г. изложил свою агрессивную программу «восстановления Европы», полную неприкрытых требований создать германские колонии на Востоке посредством захвата богатств Украины. В этом меморандуме Гугенберга говорилось:

«С немецкой точки зрения, два мероприятия являются неоспоримо необходимыми. Эти два мероприятия улучшат экономическое положение Германии и дадут ей возможность уплатить свои международные долги. Первое мероприятие заключается в том, чтобы предоставить Германии колониальную империю в Африке. Это облегчит возможность восстановления германской экономики.

Второе мероприятие — предоставление немцам новых земельных площадей для колонизации. Мы страдаем не от перепроизводства, а от вынужденного сокращения потребления. Революция и социализм имеют своим исходным пунктом Россию и большую часть Востока. Этот разрушительный процесс продолжается. Пришло время прекратить его ...»

Как известно, Гугенберг, в конечном счете, открыто потребовал, чтобы западные державы «передали» немцам Украину «для более рационального использования этой плодородной территории».

Планы немецкой экспансии на Восток в данном случае были сформулированы не Гитлером и не его приспешниками, а видным лидером старых немецких националистов. Планы будущей немецкой колониальной экспансии не ограничиваются здесь заморскими территориями, населенными «цветными» народами. Роль главного объекта германской экспансии предназначается здесь Восточной Европе, которую рассчитывают превратить в обширную колониальную область.

Альфред Гугенберг недвусмысленно выразил те настрояния и проекты, которые в тот период были характерны для офицерского состава вермахта и для немецкого верховного командования. Его пресловутый меморандум вполне соответствует заветным мечтам Гитлера, изложенным в его книге «Майн кампф».

На это следует обратить особое внимание, поскольку антигитлеровская «оппозиция» во время второй мировой войны вдохновлялась кругами, близкими к старой немецкой национальной партии Альфреда Гугенберга и к бывшему до 1938 г. верховным командующим вермахта генерал-полковнику Вернеру фон Фричу.

Интересно также, что орган английских консерваторов газета «Таймс», с удивлением констатировавшая откровенность меморандума Гугенберга, сочла необходимым

подчеркнуть в своих комментариях, что точка зрения Гутенберга полностью совпадает с точкой зрения и планами на будущее тогдашнего министра экономики «Третьего рейха» Яльмара Шахта. В дальнейшем Шахт стал одним из вдохновителей «верхушечной оппозиции».

Подрывная деятельность нацистов за границей

Вернер фон Бломберг, в течение ряда лет занимавший пост военного министра «Третьего рейха», следующим образом характеризовал на Нюрнбергском процессе отношения между нацистами и вермахтом:

«До 1938—1939 гг. немецкие генералы не были в оппозиции к Гитлеру. Для этого не было никаких оснований, поскольку Гитлер преследовал угодные генералам цели...»

Если бы Бломберг указал, что поворот наступил в последние месяцы 1937 г., то его характеристика в основном была бы правильной. Вначале преобладающая часть военной касты следовала за фюрером и другими нацистскими лидерами.

Существовало единство мнений о том, что еще не наступил срок для открытой агрессии, не было никаких разногласий и по вопросу о будущем направлении агрессии, существовала также договоренность о методах действий в период воссоздания вермахта. Такими методами служили подрывная деятельность и использование пятой колонны в тех странах, которые были намечены «рейхом» в качестве ближайших жертв.

Как известно, эта «тактика внутреннего раскола» достигла своего кульминационного пункта во время германо-итальянской военной интервенции в Испании после франкистского мятежа 1936 г.

Возникшая позже немецкая военная оппозиция руководствовалась отнюдь не интересами мира и не выступала против агрессии. Характерно, что начальник военной немецкой разведки адмирал Вильгельм Канарис был одним из тайных организаторов реакционного военного мятежа в Испании. В своей книге «Бунтовщики в крепости Гитлера» реакционный датский журналист Хельге Кнудсен подчеркивает руководящую роль Канариса в испанских событиях. Он пишет:

«Канарис знал Испанию по опыту своей активной шпионской работы там в юности, и в период гражданской войны он постоянно посещал ее. Канарис ненавидел красных. Он выступал в роли примирителя и помощника, улаживая трения между прусскими офицерами и их новоиспеченными испанскими коллегами. Он хотел помочь Франко, которого часто посещал. Между ними царили отношения взаимной симпатии...».

Не менее дружелюбно Канарис относился к старому фашистскому регенту Венгрии Хорти и лидеру итальянских военных фашистов маршалу Бадольо. Вильгельм Канарис был немецким фашистом западной ориентации.

Еще большую активность развивали Канарис и верховное командование вермахта под руководством Вернера фон Фрича, когда дело касалось более важной задачи — осуществления главной мечты Гитлера и Альфреда Гугенберга — отторгнуть Украину от Советского Союза и посредством широко организованной деятельности «пятой колонны» добиться свержения в России социалистического строя. В осуществлении этих планов все реакционные немецкие круги видели реализацию «великих мечтаний о том, чтобы найти жизненное пространство для немецкого народа». Колониальную политику хотели проводить не в заморских областях, а на европейском континенте. Идеологической основой для этого служила людоедская «теория» Альфреда Розенберга о том, что негерманские народы представляют собой «низшую расу» и с ними нужно обращаться так же, как западные колониальные державы обращаются со своими «цветными» кули.

Вильгельм Канарис и его абвер¹ принимали активное участие в реализации планов захвата Украины. Упомянутый выше датский журналист Хельге Кнудсен правильно ссылается на то, что Канарис быстро создал для работы на Украине белоэмигрантскую шпионскую организацию, подчинявшуюся абверу и насчитывавшую 500—1000 профессиональных агентов. Он создал также разветвленный аппарат по осуществлению диверсий из числа немецких технических специалистов, работавших в Советском Союзе.

¹ Германская разведка и контрразведка. — *Прим. ред.*

Не меньшую роль играл в этой области верховный командующий вермахта фон Фрич. Экспансия на Восток полностью соответствовала военным традициям фон Фрича. После поражения Германии в 1918 г. он совместно с Сектом был одним из лидеров антибольшевистского центра, организованного Густавом Ноксе в Восточной Пруссии. Фрич и другие военные деятели из этого центра делали отчаянные попытки обеспечить немецкое господство в прибалтийских государствах в период интервенции в Советской республике. Идея экспансий на Восток была характерна и для более поздней деятельности фон Фрича в качестве командующего вермахтом.

Немецкий миллионер Фриц Тиссен делает следующие знаменательные признания в своей книге «Я платил Гитлеру»: «Фрич всегда был за союз с Россией, но не с коммунистической Россией. Были сделаны попытки установить связь между Фричем и русским генералом Тухачевским. ...»

В указанный период Фриц Тиссен принадлежал к числу доверенных лиц нацистов и в качестве военно-промышленного магната был также тесно связан с верховным командованием вермахта. Он был посвящен в политические тайны, и поэтому заслуживает внимания его сообщение о том, что подготовленный Фричем и К⁰ «календарный план» будущего завоевания мира исходил из предположения, что Германия сможет в дальнейшем «разделяться» с западными державами только при условии «ликвидации» СССР. Такой же была и позиция Тиссена.

Фрич строил свои планы в расчете — помимо Тухачевского и буржуазных украинских сепаратистов — на троцкистских предателей, которые с 1921 г. поддерживали тайный контакт со штабом рейхсвера и германской разведкой. Сообщения о крупных московских процессах тридцатых годов по делу троцкистско-бухаринских предателей передавались буржуазной прессой в заведомо подтасованном виде, несмотря на то, что западные правительства прекрасно знали о действительном положении дел.

Это ясно видно, например, из красноречивого доклада, посланного тогдашним послом Рузвельта в Москве Джо-зефом Э. Дэвисом 11 марта 1937 г. своему правительству:

«Второй дипломат мистер Х проинформировал меня. Мы говорили о процессе, и он заявил, что обвиняемые, без

сомнения, виновны, что мы все, присутствующие на процессе, фактически согласны в этом, но что внешний мир, судя по сообщениям прессы, повидимому, считает, что это специально организовано. И хотя мы знали, что это неправда, нам было выгодно, чтобы внешний мир продолжал держаться этого мнения».

Это типично для сообщений буржуазной прессы о Советском Союзе. Подобный лживый метод применяется столь же энергично и сегодня.

Политика Германии в этот период приобрела откровенно антисоветский характер и сопровождалась попытками создать внутренний раскол в СССР при помощи контрреволюционной «пятой колонны». Германо-японский союз, существовавший с 1935 г., и пресловутый «антикоминтерновский пакт» от 25 ноября 1936 г. предусматривали совместные германо-японские действия против Советского Союза в сочетании с подрывной деятельностью Тухачевского и троцкистов.

Во время процесса по делу японских военных преступников в 1946—1948 гг. было выявлено множество материалов, полностью подтвердивших следующую характеристику «антикоминтерновского пакта», данную обвинителем от СССР Н. А. Васильевым 18 февраля 1948 года:

«Этот пакт, в первую очередь, был направлен против Советского Союза. Он был дополнен тайным соглашением, первая статья которого предусматривала общие военные мероприятия против Советского Союза...»

Далеко идущие империалистические планы «раздела Советского Союза» явились также подоплекой пресловутого польско-германского договора от 26 января 1934 г., в период подготовки которого в сентябре 1933 г. видный польский помещик и политикан князь Сапега цинично заявил следующее:

«Перед нами встал вопрос, — будем ли мы форпостом Европы, расширяющейся в восточном направлении, или мы будем барьером, преграждающим путь европейской экспансии на Восток. Господа, история уничтожит этот барьер и наша страна превратится в поле битвы, на котором будет вестись борьба между Востоком и Западом. Поэтому мы должны стать форпостом Европы, и наша внешнеполитическая задача заключается в том, чтобы

подготовиться к этой роли и всячески содействовать европейской солидарности и европейской экспансии...»

В результате Польша стала тайной участницей гитлеровского заговора. Ей было обещано вознаграждение за счет территорий Литвы и Белоруссии, после того как нацисты захватят Украину, а Япония — дальневосточные области и Сибирь.

Стоит также напомнить о том, что в планы «раздела Советского Союза» открыто включилась и Англия. Действуя главным образом через троцкистов, она протягивала свои щупальцы на Кавказ, в азиатские советские республики и к лесным областям Севера России.

Первоочередная задача немецких дипломатов в эти «годы ожидания» заключалась в изоляции Советского Союза от всех европейских государств. Главный удар дипломатической артиллерии Гитлера был направлен против русско-французского и русско-чехословацкого договоров 1935 г.

Германо-итальянская интервенция в Испании преследовала, помимо всего прочего, цель нажима на французскую границу на Пиренеях. В результате возник предательский план «невмешательства» Леона Блюма. В августе 1936 г. правительство Блюма было вновь подвергнуто серьезной обработке в период пребывания в Париже президента германского Рейхсбанка Яльмара Шахта. В конце 1936 г. французский министр иностранных дел Ивон Дельбос был уже обработан в такой степени, что 24 декабря он заявил немецкому послу графу Вельчеку, что готов ликвидировать франко-русский договор.

«В случае франко-немецкого сближения, франко-русский договор будет выхолощен так же, как Рапалльский договор. Это сравнение было применено Дельбосом во время нашей последней беседы». Так граф Вельчек сообщил в Берлин о грехопадении правительства Блюма, союзнического нацистами. Подобный же нажим был оказан в этот период и на Чехословакию.

Тогдашний президент Чехословакии д-р Эдуард Бенеш рассказывает в своих мемуарах, что 13 ноября 1936 г. в Прагу прибыли два загадочных немецких представителя. Один из них был австрийский дворянин граф Траутмансдорф, другой — д-р Альбрехт Гаусгофер — сын известного геополитика Карла Гаусгофера (характерно, что послед-

ний был посредником нацистов в переговорах с Троцким). Они хотели знать, готова ли Чехословакия вести переговоры с Гитлером об установлении «дружественных отношений» между обеими странами. Бенеш заявил, что согласен начать переговоры.

Съездив в Берлин для доклада, оба делегата вернулись 18 декабря в Прагу с конкретным предложением фюрера. Гитлер предлагал подписать пакт о ненападении, в котором оба государства принципиально отказывались от применения силы в своих взаимоотношениях. Немецкому меньшинству в Чехословакии гарантировалось самоуправление в целях «ликвидации» старых противоречий.

Сославшись во время переговоров на обязательства Чехословакии, вытекавшие из Устава Лиги наций, а также на договоры Чехословакии с Францией и Россией, Бенеш задал вопрос, является ли отказ от существующих договоров условием заключения пакта о ненападении с Гитлером. Об ответе немцев Бенеш пишет:

«Представители Гитлера сразу же ответили с иронической улыбкой, что «подписание пакта с Германией не потребует такого шага с нашей стороны». Польша ведь также не сделала этого. Такой договор будет только означать, что «Чехословакия, в случае войны между Германией и этими государствами, попросту не будет выполнять своих договоров с ними».

Таким образом, дело сводилось к тому, чтобы Чехословакия тайно обязалась не воевать на стороне Советского Союза в случае немецкого нападения на СССР. Но Бенешу был сделан намек, что чехословацкое правительство не обязано формально порывать со своими старыми договорами и союзниками. Было достаточно договориться о том, что в случае конфликта с Германией эти договоры не будут соблюдаться!

Бенеш утверждает, что не попался в немецкую ловушку. Вопрос о немецком меньшинстве, по его словам, был внутренним делом Чехословакии, в котором нельзя было связывать себя каким-либо договором, дававшим другому государству возможность вмешательства. Чехословакия не хотела изменять своим договорам с Францией и Россией, а также отказываться от своих обязательств, вытекавших из Устава Лиги наций.

В своих мемуарах Бенеш публикует контрпредложение, сделанное им в ответ на предложение немцев. Это — составленный в обычных дипломатических выражениях документ об установлении нормальных политических и экономических отношений между Германией и Чехословакией. В нем не затрагивались вопросы об Уставе Лиги наций и договорах пражского правительства. Однако, президент явно «забыл» указать на секретное приложение к его предложению, которое увидело свет только после войны.

Эта сторона германо-чешских переговоров, происходивших в конце 1936 г., была освещена известным чешским историком и архивариусом Яном Пахтой, который следующим образом излагает предложение Бенеша.

«Д-р Бенеш предложил представителям Гитлера, чтобы министерства внутренних дел германского государства и нашей республики после заключения договора начали вести переговоры о сотрудничестве в целях ликвидации деятельности Коммунистического интернационала на чехословацкой и германской территориях. Это соглашение об общей борьбе против коммунизма не должно было включаться в договор, но должно было представлять собой секретное дополнение. Д-р Бенеш добавил к этому, что он представляет себе это секретное дополнение в форме, подобной аналогичному соглашению с Польшей, заключенному в 1934 г., а также договорам с Югославией и Румынией. В соответствии с этим полицейские власти обеих стран должны были установить постоянный контакт, обмениваться материалами и поддерживать друг друга в осуществлении мероприятий против коммунистической пропаганды. ..»

Таким образом пущенный Гитлером пробный шар все не оказался безрезультатным, как это Бенеш пытается представить в своих мемуарах. Тайные посланники Гитлера, во всяком случае, вернулись в Берлин с согласованным проектом германо-чехословацкого «антикоминтерновского пакта».

Однако эти германо-чехословацкие переговоры не привели ни к чему конкретному. Они велись в тот период, когда Гитлер возлагал еще надежды на заговор Тухачевского и готовил немецкое вторжение в СССР, подобное вторжению в Испанию, которое убедило его, что западные

державы не будут препятствовать действиям германских и итальянских агрессоров.

Внезапно сделав свое «предложение», Гитлер также внезапно прекратил начавшиеся переговоры, которые казались такими многообещающими. Бенеш рассказывает, что чешский посол в Берлине Маетны вскоре получил другую сенсационную информацию:

«В середине января 1937 г. я получил секретное сообщение из Берлина о том, что Гитлер теперь ведет другие переговоры, которые, в случае удачи, окажут влияние и на наши отношения, и что поэтому переговоры с нами отложены.

Судя по тому, что выболтал нам Траутмансдорф, речь шла о переговорах с русскими заговорщиками — Тухачевским, Рыковым и другими. Гитлер рассчитывал, что эти переговоры успешно закончатся и поэтому пока не был заинтересован в завершении переговоров с нами. Осуществление переворота в Советском Союзе действительно привело бы к изменению всего положения в Европе. Однако Советское правительство обезвредило заговорщиков. Я сразу же сообщил русскому послу в Праге о том, что я узнал из берлинской беседы между Маетны и Траутмансдорфом...»

Граф Траутмансдорф проговорился чехословацкому послу Маетны о переговорах Гитлера с Тухачевским и Рыковым и рассказал о планах «переворота» в СССР. Следует отметить, что Траутмансдорф был сотрудником одного из руководителей германской национальной партии министра Франца Зельдте, который был особенно близок к абверу.

Необычайно важные для понимания европейской политики факты, вскрытые во время московских процессов, на Западе пытались скрыть и потопить в потоке бесстыдной лжи. Эти факты разоблачают слишком многое в «большой политике» века империализма.

Мы знаем теперь из мемуаров Эдуарда Бенеша, что президент Чехословакии в 1937 г. был одним из тех, кто знал о деятельности троцкистских предателей. Разве могла бы западная пресса вести свою клеветническую кампанию против Советского Союза в связи с процессами, как это имело место во всех капиталистических странах, если бы этот факт стал достоянием гласности в то время?

В Чехословакии, в кругах, близких к президенту, в министерстве иностранных дел, а также в кругу ведущих политических деятелей были прекрасно информированы о предательстве троцкистов. Однако это не помешало всей чехословацкой прессе — от крайне правой до социал-демократической — заниматься грязной клеветой, к которой так часто прибегает и пресса Дании.

Это также не помешало чехословацким властям запретить в том же 1937 г. подготовлявшийся пражскими коммунистами массовый митинг с докладом теперешнего министра просвещения Чехословакии Зденека Неедлы на тему «Троцкий в союзе с гитлеровцами».

Так капиталистический мир скрывает от широких народных масс действительное положение вещей. Так обстояло дело в первой чехословацкой республике Маса-рика и Эдуарда Бенеша! Это проливает свет на многое!

К сожалению, до сих пор не имеется никаких сведений о том, как Гитлер реагировал на провал своей «пятой колонны» в Советском Союзе. Наверное, это вызвало у него один из его обычных припадков бешенства, ибо его расчеты на территориальную экспансию за счет СССР рухнули.

Наиболее красноречивое описание настроения нацистских верхов в решающие июньские дни 1937 г. мы находим в строках, написанных 14 июня американским послом в Берлине Уильямом Доддом в его дневнике. Он коротко говорит о расстреле троцкистских предателей и добавляет:

«Видеман, сидевший вчера рядом со мной на завтраке в посольстве, рассказывал, что он в субботу и воскресенье должен был собрать всю имеющуюся информацию о процессе и сообщить ее по телефону Гитлеру, находящемуся в Берхтесгадене».

Капитан Видеман был адъютантом и личным уполномоченным Гитлера. То что ему два дня подряд приказывали сообщать по телефону Гитлеру всю доступную информацию о московском процессе, красноречиво говорит о том, с какой тревогой и нервозностью воспринимались сообщения о судьбе, постигшей заговорщиков. Не весело было, наверное, в эти дни в Берхтесгадене!

Вооружение Германии было еще недостаточным для ведения агрессивной войны больших масштабов. Нацисты

полагались, главным образом, на деятельность «пятых колонн», которые должны были парализовать сопротивление изнутри, подобно тому, как это было в Испании. План вторжения основывался на этом принципе.

В Японии также царила растерянность. В Токио рассчитывали напасть на Советский Союз одновременно с Германией летом 1937 г. Японский генеральный штаб взвешивал происшедшие изменения. Было решено вначале осторожно «прощупать фронты», чтобы выяснить, можно ли обнаружить тенденции к «дезорганизации» в Сибири.

Казалось, что вначале и верхи германских нацистов питали некоторые надежды на ослабление Красной Армии. Геббельс описывает в своем дневнике 6 мая 1943 г., как Гитлер обсуждал с ним дело Тухачевского:

«Фюрер напомнил о деле Тухачевского и высказал свое мнение, что мы ошиблись в предположении, что оно приведет к ослаблению Красной Армии... Произошло обратное. Советское правительство освободилось от всякой оппозиции в Красной Армии и положило конец пораженчеству. Введение института политических комиссаров также усилило боеспособность Красной Армии...»

Японцы сознательно пытались спровоцировать местный конфликт по вопросу о некоторых островах на Амуре, образовавших границу между сибирским побережьем и Маньчжурией.

29 июня 1937 г. японский посол в Москве Сигемицу посетил Народный Комиссариат иностранных дел и в угрожающих выражениях потребовал от Литвинова, чтобы советские войска немедленно освободили «спорные» острова, на которые претендовали японцы от имени «Манчжоу-Го». Литвинов был согласен на объективное расследование дела, но не поддавался на японскую провокацию.

30 июня японцы попытались осуществить вооруженную провокацию. Прикрываясь канонерками, они организовали нападение на ряд островов на Амуре. Русские отбили нападение с ошеломляющей силой. Японцы спешно покинули место боя, после того как одна канонерка была потоплена, а вторая — посажена на мель.

Этот язык японцам был понятен — не было ни малейшего намека на «дезорганизацию» в советских войсках на Дальнем Востоке. Среди войск на северном берегу Амура

абсолютно не было предателей, которые хотели бы открыть фронт противнику. Красная Армия убедительно продемонстрировала, чем может закончиться нападение на СССР. О событиях тех дней в приамурской пограничной области американский посол Дэвис в своей книге «Моя миссия в Москву» делает следующее интересное сообщение:

«Позже, в 1938 г., высокопоставленный японский чиновник в Европе рассказывал мне, что японское правительство после долгого обдумывания и взвешивания выпустило этот пробный шар, чтобы получить представление о силе сопротивления и военной мощи Советского Союза. Японцы были поражены — техника и боеспособность Красной Армии на Дальнем Востоке произвели на них сильное впечатление...»

После эксперимента 30 июня японское правительство вынуждено было отступить, поняв, что при данных обстоятельствах нельзя идти на риск войны против Советского Союза. Зато в начале июля японские агрессоры организовали военные провокации в Северном Китае, положившие начало восьмилетней антияпонской войне.

Империалистическая Япония решила воевать в 1937 г. Долго обсуждался вопрос — направлять ли агрессию на север или на юг. Обезврежение троцкистов и решительное выступление Красной Армии в пограничном столкновении на Амуре убедило токийских поджигателей войны, что выгоднее отказаться от наступления на Сибирь и направить войска на юг, в Китай.

Мюнхен и данцигский кризис

После провала троцкистов Гитлер вынужден был временно отказаться от своего «русского предприятия» и удовольствоваться испанской «пробной войной», которая, в свою очередь, затягивалась, несмотря на открытую поддержку фашистов западными державами.

Однако усиленная пропаганда нацистами лозунга о «расчленении» Советского Союза на «национальные штаты» не была прекращена. Немецкий дипломат Ульрих фон Гассель 25 февраля 1939 г. описал в своем дневнике, как один нацист изложил ему гитлеровские планы в отношении Советского Союза:

«Россия разделена на 29 штатов, которые поодиночке, разрушаются нашими агентами. Большевизм падет, а вместе с ним падет и единство России».

Только в конце 1937 г. Гитлер наметил новый курс, более соответствующий условиям обстановки. 5 ноября 1937 г. пересмотренная программа действий Гитлера была представлена на рассмотрение Геринга, министра иностранных дел Нейрата, военного министра Бломберга, адмирала Редера и верховного командующего вермахтом Вернера фон Фрича. Адъютант Гитлера полковник Фридрих фон Госбах записал следующее заявление Гитлера по поводу этой программы:

«Дело касается завоевания новых земель для нашего сельского хозяйства и промышленности. Их следует искать в непосредственной близости от Германии, а не за океаном. История Римской и Британской империй доказывает, что завоевать территорию можно только при помощи силы. Нападающий всегда наталкивается на сопротивление. Моя непоколебимая воля заключается в том, чтобы самое позднее в 1943—1945 гг. разрешить территориальную проблему Германии, но если до этого начнутся какие-либо военные действия, то первой задачей Германии будет разбить Австрию и Чехословакию, чтобы ликвидировать угрозу с флангов в случае возможного наступления на Запад. Аннексия этих двух стран была бы весьма полезной в военно-политическом отношении. Она укоротила бы границы, освободила бы войска для других целей и дала бы Германии двенадцать новых дивизий... Перед Германией стоит вопрос, как осуществить наибольший захват ценой наименьших усилий? ..»

Здесь мы видим последствия неудачи, понесенной Гитлером в России в 1937 г. «Разрешение территориальной проблемы Германии» обескураженный фюрер отложил вплоть до 1943—1945 гг. Ближайшей целью немецкой экспансии он ставил захват Австрии и Чехословакии, а также предвидел возможность конфликта с Западной Европой, которая доньше рассматривалась в качестве потенциального союзника Германии.

Эта новая программа будущей немецкой экспансии подрывала блок Гитлера с националистами школы Гугенберга и с руководителями вермахта, которые считали необходимым направить германскую экспансию на

Восток, действуя в союзе с буржуазной Западной Европой.

Временно отказываясь от своих прежних планов и обещаний, данных в книге «Майн кампф», Гитлер теперь, в ноябре 1937 г., говорил о возможной войне с западными державами, откладывая поход на Россию до лучших времен.

Поворот был настолько крут, что натолкнулся на сопротивление влиятельных кругов националистов и верховного командования вермахта. Курс на войну с СССР служил основой объединения реакционных сил в правительстве и в верховном командовании. Новая внешнеполитическая программа вызвала первый глубокий раскол внутри «национального блока», приведшего Гитлера к власти 30 января 1933 г.

Оппозиция против новой внешнеполитической линии Гитлера зародилась в различных правительственных кругах: Министр иностранных дел Нейрат опасался, что Гитлер приведет Германию к вооруженному конфликту с западными державами, и хотел подать в отставку. Однако он в течение многих недель не мог добиться встречи с рейхсканцлером. Когда же 15 января 1938 г. он попал, наконец, к Гитлеру, тот отказался принять отставку, заявив одновременно, что он не может больше двигаться вперед так медленно, как предлагал ему лорд Галифакс при встрече в Оберзальцберге 19 ноября. Среди гитлеровских дипломатов также нарастала оппозиция. Посол в Риме Ульрих фон Гассель неодобрительно относился к заключенному Риббентропом договору о присоединении Италии к «антикоминтерновскому пакту» от 6 ноября 1937 г. Гассель считал, что сепаратная германо-японо-итальянская «ось» помешает созданию западно-европейского блока, направленного своим острием против Советского Союза.

К этому периоду относится уход Яльмара Шахта с поста министра экономики. Рискованные формы финанси-

¹ Во время этой встречи Галифакс передал Гитлеру, что Англия и Франция готовы присоединиться к фашистской „оси Берлин — Рим“, а также сообщил ему, что английское правительство не будет возражать против захвата Австрии, Чехословакии и Данцига. См. об этом историческую справку Совинформбюро „Фальсификаторы истории“, стр. 24—25. — *Прим. ред.*

рования вооружений, применявшиеся Гитлером, побудили Шахта подать в отставку.

Однако самым серьезным для нацистского режима был открытый протест верховного командования против планов быстрого военного захвата Австрии и Чехословакии. Генералы считали этот план чистым безумием и всячески возражали против него. Вернер фон Фрич и начальник генерального штаба Людвиг Бек, не вполне правильно оценивая фактическое положение вещей, считали, что подобная линия агрессии неизбежно приведет Германию к открытому конфликту с западными державами.

Положение еще более обострилось в результате попыток Гитлера и других нацистских лидеров заглушить протесты генерального штаба. Геринг и Гиммлер использовали скандал в связи с браком военного министра Бломберга, а также обвинили в гомосексуализме верховного командующего Вернера фон Фрича, в результате чего Гитлер дал ему отставку. После неудачи с Тухачевским Гитлер считал, что ему более не нужен упрямый генерал, стремившийся помешать новым военным планам в отношении Австрии и Чехословакии.

После дела Фрича немецкая «верхушечная оппозиция» начала оформляться.

С этого момента против Гитлера выступал твердый блок бывших сторонников режима: Людвиг Бек, генерал Эрвин Вицлебен и другие военные; Вильгельм Канарис и генерал Ханс Остер — из военной разведки, Яльмар Шахт, Карл Герделер, Ульрих фон Гассель и Ханс Гизевиус из гражданских лиц. Главным источником недовольства этой группировки было ее несогласие с новой внешнеполитической ориентацией Гитлера. Оппозиция стояла за сотрудничество с западными державами и за сохранение старого «восточного курса». Уже в период чехословацкого кризиса эта оппозиционная группа подготовила свое первое выступление.

История чехословацкого кризиса вплоть до мюнхенской капитуляции известна. «Верхушечная оппозиция» совершила здесь свой первый просчет. Начальник германского генерального штаба генерал-полковник Людвиг Бек пожертвовал своим постом, чтобы помешать нападению на Чехословакию и 31 августа 1938 г. ушел в отставку. С безукоризненной военной логикой он высчитал, что

против Германии будет столько-то чешских, столько-то французских дивизий, а, возможно, и вся Красная Армия. Нападение было равносильно самоубийству. Результатом явилось бы только страшное поражение германской армии. Этот расчет был правильным лишь отчасти. Бек просчитался в одном единственном, но зато решающем пункте: он никогда не мог представить себе, чтобы Франция и Англия заранее полностью капитулировали.

Оппозиция в целом совершила ту же роковую ошибку — она убедила нового начальника генерального штаба Франца Гальдера и ряд других генералов арестовать Гитлера и осуществить государственный переворот, если нацисты начнут войну в связи с чехословацким конфликтом. Оппозиция зашла так далеко, что заранее предупредила британское правительство, чтобы оно не принимало всерьез угроз Гитлера. Он будет обезврежен в ту минуту, когда даст приказ о нападении. Гизевиус с досадой пишет об этой странице мюнхенской трагедии:

«Начиная с мая, мы неоднократно сообщали Лондону, что Гитлер только говорит о судетских немцах, а в действительности решил захватить всю Чехословакию. В сентябре еще один подобный отчет был послан в Лондон. Самое позднее 5 сентября британскому правительству должно было быть ясно, что оно может стоять на своем. Когда кризис приближался к своему кульминационному пункту, через канал полетело последнее сообщение, извещавшее британцев о нашем плане государственного переворота, на этот раз с ведома Гальдера...»

Посланцем оппозиционных генералов, поехавшим в Лондон в августе 1938 г., чтобы убедить Чемберлена «стоять на своем» был Пауль фон Клейст, позже ставший фельдмаршалом. Он заявил, что армия свергнет Гитлера, если тот начнет войну. Клейст имел встречу с Черчиллем, которому он изложил программу действий вермахта. Черчилль заверил генерала, что «когда мир убедится, что в Германии имеется миролюбивое и разумное правительство, тогда будет гораздо легче урегулировать такие вопросы, как вопрос о колониях и торговых соглашениях».

Ответ Клейста достаточно характерен: «Его друзья не очень тревожатся за колонии, но их больше всего интересует Польский коридор. С точки зрения военных, он очень важен». Таким образом оппозиция выдвинула требование

о восстановлении польско-германской границы времен 1914 года как свое основное требование.

Однако Чемберлен отнесся неодобрительно к заверениям Клейста, сделанным от имени оппозиционеров. В личном письме английскому министру иностранных дел Галифаксу Невиль Чемберлен писал 19 августа 1938 г.:

«Я считаю, что фон Клейст чрезмерно настроен против Гитлера и слишком рьяно подбивает своих друзей в Германии на то, чтобы свергнуть его. Он напоминает мне якобитов (сторонников изгнанного английского короля Якова II) при французском дворе во время, когда (в Англии) правил король Вильгельм Оранский, и я думаю, что мы можем многое извлечь из того, что он говорит».

Чемберлен и К⁰ в этот период отнюдь не были склонны поддерживать немецкую военную оппозицию. Клайвден — ская клика¹ давно сделала ставку на Гитлера и предала интересы европейских народов.

На процессе против военных преступников в Нюрнберге Гизевиус, выступавший в качестве свидетеля, заявил:

«Герделер уже в 1938 г. предпринял поездку в Лондон в качестве первой попытки со стороны немецкой оппозиции информировать британское правительство о том, что Гитлер намерен начать войну, используя вопрос о Судетах в качестве предлога, и что мы в Германии сможем предотвратить войну, если позиция британского правительства будет твердой. Поездка Герделера была частью нашей психологической подготовки к свержению Гитлера...» («Политикен», 26 апреля 1946.)

Журналист Хельге Кнудсен, со своей стороны, также подтверждает сенсационное заявление Гизевиуса. В книге «Бунтовщики в крепости Гитлера» он рассказывает: «Герделер сказал в Лондоне: «Положитесь на нас. Мы свергнем Гитлера». Один из помощников адмирала Канариса через старых офицеров окольными путями также ориентировал Форин-офис в Лондоне на свержение Гитлера. С удивлением взирали они на то, как их планы были опрокинуты Чемберленом».

¹ Группировка реакционных политических деятелей в Англии, тесно связанных с крупным капиталом. К ней принадлежали Чемберлен и большинство членов его кабинета. — *Прим. ред.*

Мюнхенское предательство Чемберлена является одной из «великих тайн» британской внешней политики. В Форин-офисе знали, что Гитлер не может вести никакой войны, и все же бесстыдно выдавали Чехословакию немецким агрессорам. Касаясь демагогического лозунга Чемберлена «мир нашему поколению», Гизевиус пишет: «Давайте выражаться более реалистично. Чемберлен спас Гитлера».

Понять эту катастрофу можно только на основе трезвого анализа. Британская политика в 1938 г. отнюдь не преследовала цели освобождения Европы от нацизма. В Лондоне смертельно боялись ослабления нацизма. Клайвденская клика не хотела отказаться от Гитлера, рассматривая его как «оплот Запада против большевизма», как заявил лорд Галифакс в Оберзальцберге.

В докладе в Варшаве польский посол в Лондоне Эдуард Рачинский писал 16 декабря 1938 г., что Чемберлен в Мюнхене «обеспечил осуществление британских целей и перенес игру в Восточную Европу».

«Конфликт в Восточной Европе между Германией и Россией рассматривается здесь как «меньшее зло», поскольку он устранил угрозу Англии и ее заокеанским владениям на долгий период... Премьер-министр с особой тщательностью избегает предпринимать что бы то ни было, что могло бы противодействовать планам Германии в Восточной Европе...»

Историческое преступление мюнхенцев против мира заключалось в том, что они санкционировали, поддерживали или даже сознательно стремились спровоцировать нацистскую агрессию против восточно-европейских государств вообще и против Советского Союза в особенности. Вот что правые социал-демократические лидеры лживо изображали как «мирную политику Чемберлена»!

Антисоветский курс привел к европейской катастрофе в Мюнхене и может в дальнейшем принести еще более гибельные результаты!

Многие факты говорят о том, что Гитлер в после-мюнхенский период был в течение некоторого времени в нерешительности, не зная, в каком направлении вести агрессию. С одной стороны, Англия, Франция и Италия явно поддерживали его. Это могло означать надежное прикры-

тие тыла, равно как прямую и косвенную помощь, если бы он решил напасть на СССР.

Не полагаясь на свои вооруженные силы, Гитлер решил в конце 1937 г. пойти по пути наименьшего сопротивления. Гитлер чувствовал, что со стороны Советского Союза он встретит сильный отпор, и в этом он был прав. Зато в действиях Франции и Англии в мюнхенский период он обнаружил в избытке и слабость, и нерешительность. Не следовало ли во-время использовать эту слабость?

Гитлер вскоре пришел к убеждению, что следует использовать успех в Мюнхене для того, чтобы проташить «решение» данцигской проблемы и вопроса о польской границе. Но новые планы в отношении Польши могли быть осуществлены различными путями. Военное нападение не было единственной возможной формой, — можно было и угрожать и вести переговоры, можно было также попытаться склонить поляков к заключению сделки, если это будет выгодно для следующего этапа агрессии.

С 1934 г. в германской и польской внешней политике наблюдалось известное единство. Обе страны ставили себе параллельные экспансионистские цели. В подготовке к вторжению в Советский Союз обе страны занимали одинаковые позиции и потерпели общую неудачу.

Американский посол в Москве Джозеф Дэвис подтверждает в своем дневнике 9 марта 1937 г., что в случае немецко-русского конфликта в этот период Польша, безусловно, встала бы на сторону Германии. Он рассказывает о беседе с секретарем американского посольства в Варшаве Гаррисоном, излагая его точку зрения следующим образом:

«В случае войны Польша была бы поставлена перед тяжелым выбором, сказал он, но заявил, что правительство настроено пронемецки и против Советского Союза. Власть в правительстве фактически принадлежит классу крупных землевладельцев, выступающих в союзе с городской буржуазией...»

Польско-немецкие заговоры против Советского Союза отнюдь не прекратились после провала троцкистов. Они продолжались еще в течение полутора лет. Герман Геринг играл в эти годы роль посредника Гитлера в немецко-польских махинациях, направленных против СССР. Когда вспыхнул Данцигский конфликт, польская пресса

начала постепенно рассказывать о прежних предложениях нацистов Польше. Так, польская газета «Экспрес поранны», близкая к министру иностранных дел Беку, опубликовала сенсационную информацию.

Она писала в номере от 10 мая 1939 г., что Геринг, при посещении Польши в феврале 1938 г., сообщил министру иностранных дел Беку о планах Гитлера захватить Чехословакию еще до конца текущего года. Далее, он предложил Польше общую немецко-польскую акцию против Советского Союза. Доля Польши в завоеваниях выразилась бы в захвате Белоруссии, а Германия захватила бы Украину. Из этого видно, что старые планы «раздела СССР» времен заговора Тухачевского отнюдь не были забыты.

1938 год явился кульминационным моментом немецко-польской агрессии в Европе. Как известно, 12 марта нацистские войска вступили в Вену. За день до этого имела место польская провокация на границе Литвы. Польские солдаты ворвались на литовскую территорию, причем один поляк был убит. Польское правительство всячески старалось использовать этот эпизод для осуществления планов аннексии «польской Австрии» — Литвы.

15 марта польские фашисты организовали антилитовскую демонстрацию в Варшаве и Вильно под лозунгом «Вперед на Ковно!» В тот же день польский министр иностранных дел Бек имел долгую беседу с нацистскими министрами в оккупированной Вене, а крупнейшая польская газета в Вильно «Слово» писала:

«Присоединение Австрии к Германии является для нас наиболее благоприятным моментом для пересмотра нашего отношения к Литве...»

После спешного возвращения полковника Бека в Варшаву, на следующий день после конференции с немцами, Литве был предъявлен провокационный польский ультиматум, который должен был явиться предлогом для военных действий. На литовской границе было сконцентрировано свыше 100 тысяч польских войск.

Польский ультиматум требовал немедленного восстановления дипломатических связей между двумя соседними странами, прерванных с момента захвата поляками столицы Литвы Вильно. Поляки требовали также признания литовским правительством аннексии Вильно, восста-

новления железнодорожного сообщения и экономических отношений между двумя странами. Поляки явно надеялись на то, что в вопросе о Вильно возникнет конфликт, который оправдает польское вторжение в Литву.

Однако вмешательство Советского Союза воспрепятствовало осуществлению главной цели польской акции — захвату Литвы. Советский Союз довел до сведения варшавского правительства, что польское вторжение в Литву не будет терпимо. Это заставило Польшу отказаться от своих планов. Польские фашисты не смогли захватить Литву, но их стремление к этому и сговор с нацистами не вызывают сомнений.

Участие варшавского правительства в авантюрах Гитлера выразилось также в действиях против Чехословакии. В этом случае польские фашисты выступали как прямые союзники немцев и соучастники в агрессии. В последнем акте чехословацкой трагедии Польша играла очень активную роль. Министр иностранных дел полковник Бек, уже при проезде через Берлин 5 августа 1938 г., был информирован обо всех деталях подготавливавшейся немецкой акции. Польше было предложено принять участие в дележе добычи совместно с Германией и Венгрией.

10 августа в Берлине состоялось важное совещание между Германом Герингом и польским послом Липским. Геринг снова проинформировал Липского о развитии немецких планов и призывал к тому, чтобы точно определить формы германо-польского сотрудничества в этой акции. В докладе от 11 августа Липский пишет о позиции Геринга:

«Относительно русской проблемы он в общих чертах сказал, что она, после решения чешского вопроса, станет актуальной. Он вернулся к своей мысли, что в случае советско-польского конфликта Германия не могла бы остаться нейтральной, не предоставив помощи Польше».

Геринг также дал понять, что «Польша может иметь известные интересы непосредственно в России, например на Украине». Таким образом все время продолжалась немецкая игра, рассчитанная на польско-русский конфликт.

Характерно также, что посол Липский на совещании с Герингом придавал большое значение тому, чтобы Закарпатская Украина при разделе Чехословакии была

передана Венгрии и, таким образом, Венгрия и Польша установили бы общую границу на Карпатах.

19 сентября фашистская Польша официально предъявила требование, чтобы часть чешского угольного бассейна в Тешине была передана Польше. На следующий день польский посол Липский был принят самим Гитлером в Берхтесгадене. «В беседе канцлер энергично подчеркнул, что Польша является фактором первостепенной важности в деле обороны Европы против России».

Посол Иосиф Липский в этой беседе изложил официальную позицию Польши, заявив, что она, подобно Венгрии, склонна принять участие в военной акции против Чехословакии. В докладе Липского о беседе говорится по вопросу о польских требованиях в районе Тешина: «В заключение на вопрос канцлера я ответил, что в этом пункте мы не отступили бы перед применением силы, если бы наши интересы не были приняты во внимание».

Таким образом, в течение всего чехословацкого кризиса фашистская Польша играла исключительно агрессивную роль в качестве союзника и сообщника Гитлера. Как известно, польские войска — вместе с немецкими и венгерскими — вторглись в Чехословакию после Мюнхенской капитуляции.

Первые шаги Гитлера по «разрешению данцигского вопроса» были довольно осторожны, так как он не хотел еще порывать отношений с фашистским правительством в Варшаве, которое попрежнему считалось возможным союзником в случае, если Гитлер решит напасть на Советский Союз.

Намерения немцев были официально доведены до сведения поляков во время последнего посещения Беком Гитлера 5 и 6 января 1939 г. В докладе французского посла. В Берлине Кулондра от 9 мая 1939 г. содержится интересный рассказ об этой встрече, который позже был опубликован во французской «Желтой книге» о предвоенных событиях. Кулондр передает полученное из надежных источников сообщение о том, что Германия в период переговоров о Данциге дала понять, что Польша смогла бы принять участие в разделе Украины. Кроме того, от польского военного атташе Кулондр узнал следующее:

«Когда Гитлер принял г-на Бека в Берхтесгадене, он разложил перед ним карту Европы с собственными помет-

ками. На этой карте Данциг и Данцигский коридор были присоединены к «рейху», а к Польше отходила Литва с Мемелем. Господин Бек был чрезвычайно удивлен этой перспективой. ..»

Но можно усомниться в искренности удивления польского министра иностранных дел. Приманка в виде присоединения Литвы к Польше в качестве «польской Австрии» была отнюдь не новой перспективой в тянувшихся годами немецко-польских переговорах о совместных агрессивных действиях против соседних государств. Поляки были глубоко разочарованы, когда в марте 1938 г. не получили возможности присоединить Литву к Польше, как это было условлено с немцами. Когда польский посол в Париже Лукасевич 27 мая 1938 г. беседовал с французским министром иностранных дел Боннэ, он напомнил последнему, что Франция в период литовского кризиса встала на сторону русских и была среди тех, кто помешал польскому вторжению. Лукасевич пишет об этом в своем докладе:

«Я отметил, что среди польской общественности по-прежнему было живо неприятное воспоминание об отношении французской прессы к нам в тот период, когда Польша переживала большие трудности в связи с литовским эпизодом. Мы напомнили о достойном сожаления поведении французской дипломатии в вопросе, представлявшем жизненный интерес для Польши. Среди нас по-прежнему была жива память о том, что в этот момент Франция не только не была на нашей стороне, но игнорировала наши интересы...»

Идея совместных действий по «разделу» Советского Союза тоже была старой проблемой в германо-польских отношениях. Но польское фашистское правительство не хотело поступиться Данцигом и Данцигским коридором в уплату за сотрудничество с Германией.

Колебания Гитлера в первые месяцы 1939 г. в вопросе о направлении агрессии получили ясное выражение в длительных и трудных переговорах о постоянном германо-итальяно-японском военном союзе. Еще 26 апреля 1939 г. министр иностранных дел фон Риббентроп дал немецкому послу в Токио следующее разъяснение о целях переговоров: «Договаривающиеся стороны считают своим врагом

Россию. Англия, Франция и Америка не должны бояться этого пакта...»

Английские гарантии полякам от 30 марта не заставили Гитлера отказаться от выступления против Польши. Растущий гнев польского народа и сопротивление провокационным германским требованиям о границах все более связывали руки варшавскому правительству. Полковнику Беку и К⁰ становилось все труднее осуществить территориальную сделку, которой требовали немцы, — сделку, которая почти неизбежно привела бы к военному конфликту на Востоке, когда фашистское польское правительство захотело бы получить возмещение за Данциг и Данцигский коридор за счет Литвы и Советского Союза.

Вскоре Гитлер понял, что его проекты развязывания большой войны на Востоке с использованием Польши в качестве союзника провалились. 23 мая 1939 г. он созвал своих генералов и сообщил им, что вопрос о наступлении на Польшу решен. На этот раз очередной жертвой агрессии Гитлер избрал своего прежнего союзника.

МЮНХЕНСКИЙ КУРС

Когда Англия предложила Гитлеру новый раздел мира

В послевоенное время правящие круги западноевропейских стран прилагают все силы к тому, чтобы подорвать политический и моральный авторитет Советского Союза среди европейских народов. С этой целью они ведут ожесточенную клеветническую кампанию против СССР и, в частности, извращают значение и смысл германо-советского пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. Некоторые западные внешнеполитические обозреватели и «историки» заходят так далеко, что утверждают, будто бы Советский Союз путем заключения этого пакта помешал совместному выступлению европейских держав против фашистской агрессии и открыл путь для завоевательных походов Гитлера в Европе.

Вторая, столь же несостоятельная, западная версия сводится к тому, что Советский Союз и Германия, заключая этот пакт, преследовали якобы цель «раздела» Польши, в то время как западные державы будто бы стремились превратить Польшу в «оплот» сопротивления нацистской агрессии.

Вопрос о причинах второй мировой войны и подоплеке германо-советского пакта о ненападении 1939 г. является проблемой величайшей исторической и политической важности. Что же в действительности привело к заключению этого пакта летом 1939 г., накануне второй мировой войны?

В первую очередь следует указать на так называемую мюнхенскую политику. На Западе с исключительным усердием стараются вытравить из памяти эту катастрофическую главу истории Европы и вместо нее выдвигают на первый план германо-советский пакт. Но этот дешевый

трик не может обмануть тех, кто сколько-нибудь разбирается в современной истории. В действительности именно мюнхенская политика сделала необходимым заключение германо-советского пакта от 23 августа 1939 г. Мюнхенский стовор вызвал его к жизни. Только на этой основе можно понять преступную политическую игру западных держав, вовлекшую Европу в катастрофу. Все вымыслы, при помощи которых стараются фальсифицировать историческую правду, направлены на то, чтобы открыть широкую дорогу к новой войне.

Каково же историческое значение мюнхенской политики? Что означал Мюнхен на пути к новой мировой войне? Продажные историки и внешнеполитические обозреватели Запада с удивительным единодушием до сих пор отмачиваются по этому поводу. Когда же их припирают к стене, они дают такой стереотипный ответ: «Мюнхенская политика? Да, это было отступление великих западных держав перед лицом агрессии; это была дорого стоившая политика иллюзий, в основе которой лежало стремление к сохранению мира, несмотря на то, что фактически она открыла дорогу агрессии».

Такое объяснение мюнхенской политики в корне порочно, оно предназначено для обеления агрессивных империалистических сил, приведших мир ко второй мировой войне. Это — сознательная фальсификация истории, рассчитанная на то, чтобы замаскировать сегодняшних агрессоров!

Для восстановления истины необходимо освежить в памяти некоторые важные факты, вычеркнутые западной историографией в целях обмана общественного мнения.

В роковое лето 1939 г. последний посол Гитлера в Англии Герберт фон Дирксен перед своим отъездом в отпуск нанес 9 августа прощальный визит британскому министру иностранных дел лорду Галифаксу. Было ли случайно, что руководитель британской внешней политики именно тогда начал откровенно излагать нацистскому дипломату планы англичан на послеюнхенский период? В отчете Дирксена об этой встрече следующим образом характеризуются взгляды лорда Галифакса:

«После Мюнхена он был убежден, что 50-летний мир во всем мире обеспечен приблизительно на следующей основе: Германия — господствующая держава на кон-

тиненте с преимущественными правами на юго-востоке Европы, в особенности торгово-политического характера; Англия будет заниматься там торговлей только в скромных масштабах; Англия и Франция, защищенные в Западной Европе от конфликта с Германией линиями укреплений, будут стремиться охранять оборонительными мерами свои владения и развивать их (естественные) ресурсы; дружба с Америкой; дружба с Португалией; Испания — пока что неопределенный фактор, который во всяком случае должен по необходимости выпасть на ближайшие годы из всех комбинаций держав. Россия — расположенная в стороне, большая и трудно обозримая страна; стремление Англии обеспечить себе путь по Средиземному морю через Аден, Коломбо, Сингапур в доминионы и на Дальний Восток...»

Изложенная здесь картина поучительна. Такова была в основных чертах «конструктивная» программа лидеров Великобритании накануне второй мировой войны. Был ли здесь хотя бы намек на желание обеспечить свободу и независимость народов? Его не видно. Можно ли было обеспечить свободу и демократию при условии господства нацизма в большинстве стран Европы? Безусловно, нет!

Эта программа политических действий свидетельствует о том, что накануне второй мировой войны империалистическая экспансия проводилась не только нацистской Германией. Речь идет минимум о двух странах. Одна из них уже распространила свое господство на необозримые пространства вне своих островов, а другая — только начинала расширять свои границы посредством вооруженной агрессии, что так типично для современного монополистического капитализма. На пороге второй мировой войны эти два центра власти пытались сторговаться о разделе мира. Гитлер называл это приобретением «жизненного пространства», а на старом империалистическом языке это называлось «сферами влияния». Этот новый раздел мира, соответствующий новому соотношению сил капитализма, стоял на повестке дня перед второй мировой войной. Война и была тем средством, при помощи которого можно было осуществить такой раздел.

Будучи еще более приперты к стене, буржуазные историки, как правило, делают еще одно признание: «Может быть, Мюнхен означал не только уступку агрессии. Это

была черная глава в истории великих западных держав, но ведь мюнхенская политика последовательно ликвидировалась после вступления немцев в Прагу 15 марта 1939 года, когда стало очевидно, что слову Гитлера нельзя верить. Ведь Англия дала тогда гарантии некоторым государствам и прежде всего Польше. Был создан «фронт окружения» агрессии, пытались даже привлечь к участию в нем социалистическую Россию. Но Советский Союз прорвал этот фронт окружения своим пактом о ненападении, когда можно было остановить Гитлера».

Западные историки беззастенчиво извращают исторические факты рассчитывая таким образом обелить предательскую политику империалистических держав.

Чрезвычайно редко случается, чтобы тщательно разработанная линия политики великой державы полностью изменилась в какой-то определенный день. Зачастую она не изменяется даже в результате войны. Большинство ее элементов остается и приспосаблиется к изменившимся внешним условиям. Чрезвычайно важные элементы мюнхенской политики Чемберлена и К⁰ продолжали действовать в течение долгого периода после оккупации Праги нацистами в марте 1939 г., и даже после начала второй мировой войны. Отдельные ее элементы продолжали действовать и в послевоенное время, вызывая опасные конфликты между странами.

Верно, что Великобритания после предоставления гарантий Польше, Турции и ряду других государств вступила в дипломатические переговоры с Советским Союзом и что представитель Форин-офиса Стрэнг 14 июня 1939 г. прибыл в Москву, а за ним прибыла и британская военная делегация. Однако верно и то, что переговоры затянулись и в течение многих недель невозможно было сдвинуться с места. Чтобы выяснить причину этого, необходимо проанализировать не только ход московских переговоров. Истинные причины их срыва могут быть уяснены единственно в свете закулисной политики Англии в этот период. Эти причины следует искать в Лондоне.

В первые недели после начала второй мировой войны вернувшийся из Лондона германский посол фон Дирксен спокойно сидел в своем поместье в Гредицберге и писал подробный отчет о германо-британских отношениях в период с мая 1938 г. и до объявления войны Англии.

Дирксен следующим образом характеризовал политику правительства Чемберлена в летние месяцы 1939 г.:

«Англия признавала превосходство Германии и невозможность для себя играть роль равноправного партнера при переговорах. Она хотела посредством вооружений и образования коалиции принудить Германию заявлять свои дальнейшие требования путем переговоров. При этом можно было убедиться в растущем понимании этих требований. Даже понятие «жизненное пространство» проложило себе дорогу в английское словоупотребление».

Характерно, что первые попытки со стороны правительства Чемберлена возобновить контакт с нацистской Германией после вторжения в Прагу почти совпали по времени с поездкой м-ра Стрэнга в Москву. Форин-офис одновременно вел переговоры в двух направлениях. Из документов фон Дирксена видно, что первые попытки установления германо-британского взаимопонимания были предприняты в июне 1939 г. через посредство германского чиновника особых поручений Вольтата. Через месяц переговоры шли уже полным ходом.

Вольтат — один из экспертов Геринга по выработке нацистского экономического «четырёхлетнего плана» — находился в середине июля в Лондоне в качестве участника международной конференции по вопросам китобойного промысла. В один прекрасный день его посетил норвежский представитель, пригласивший его на секретную беседу к британскому министру торговли Хадсону. Это важное совещание состоялось 20 июля 1939 г. Что предлагал британский министр нацистам четыре месяца спустя после оккупации Праги? В докладе посла фон Дирксена, отправленном на другой день в Берлин, предложения Хадсона излагались следующим образом:

«Во время этой беседы Хадсон развивал далеко идущие планы англо-германского сотрудничества в целях открытия новых и эксплуатации существующих мировых рынков. Он высказал, между прочим, мнение, что в мире еще существуют три большие области, в которых Германия и Англия могли бы найти широкие возможности приложения своих сил, а именно: английская империя, Китай и Россия. Англия собственными силами не может в достаточной мере обслужить свою империю, и было бы

возможно в этой сфере более широкое привлечение Германии. Точно так же Япония не может удовлетворить весь Китай в экономическом отношении; в России — положение вещей аналогично.

Хадсон высказался затем подробнее о разграничении сфер английских и германских интересов и возможности устранения убийственной конкуренции на общих рынках. ...»

Таким образом, в то время как Стрэнг затягивал переговоры в Москве, ссылаясь на отсутствие полномочий, другие представители британского правительства пытались установить контакт с нацистами. Министр Хадсон в это время откровенно беседовал с представителем гитлеровской Германии о переделе мира между ними и о том, каким образом германские и английские монополисты могут совместно использовать русский рынок. Ясно, что для достижения этой цели нужны были совместные принудительные мероприятия против Советского Союза. Вырванную из капиталистической системы Россию рассчитывали заполучить обратно посредством совместных германо-британских действий!

В этой связи следует добавить, что Хадсон далеко не являлся кометой в большой британской политике. Он подвизался в роли постоянной звезды и принадлежал без перерыва с 1931 до 1945 г. к влиятельным правительственным кругам. Во время войны он был министром сельского хозяйства в правительстве Черчилля. Таких откровенных мюнхенцев Уинстон Черчилль привлекал в правительство после падения кабинета Чемберлена во время войны!

Однако беседа с английским министром торговли была не единственным волнующим событием, пережитым нацистским чиновником Вольтатом в Лондоне в богатый событиями день 20 июля 1939 г., когда карты британской внешней политики были внезапно раскрыты.

В тот же день Вольтат имел два совещания с личным экономическим советником Невилля Чемберлена сэром Горацием Вильсоном, принимавшим участие в предшествовавших Мюнхену переговорах с Гитлером. Об этой значительной фигуре в британской политике советник германского посольства Кордт писал в докладе от 25 августа 1938 г.:

«Гораций Вильсон считается одним из наиболее влиятельных лиц в английском правительстве. Он не любит выступать публично. Установлено, что Невиль Чемберлен советуется с ним по всем вопросам. Вильсон — противник всяких открытых выступлений и пользуется уважением всех, кому с ним приходится соприкасаться. Он — воплощение идеала Молтке: больно бить и меньше говорить. ...»

20 июля, едва Вольтат вошел в кабинет этой «тени Чемберлена», ему был показан детально разработанный проект нового расширенного мюнхенского соглашения между Германией и Британской империей. Это был проект раздела мира на германо-английские «жизненные пространства».

Можно ли допустить, чтобы два министра Чемберлена выступили 20 июля от собственного имени, не имея на то полномочий своего правительства? Их влиятельное положение в кабинете вряд ли позволяет это предположить. В докладе фон Дирксена по этому поводу говорится:

«На вопрос г-на Вольтата, одобрены ли предложения Хадсона, Вильсон ответил, что они обсуждались влиятельными членами кабинета, но окончательное решение на этой стадии еще не последовало».

Из доклада явствует, что дело зашло настолько далеко, что Гораций Вильсон предложил своему немецкому собеседнику препроводить его к самому Невиллю Чемберлену, чтобы тот мог лично подтвердить предложение Вильсона германскому правительству.

Полезно будет ознакомиться с деталями предложения правительства Чемберлена, сделанного «Третьему рейху» в период данцигского кризиса и московских переговоров и направленного на сближение с Германией, на разграничение английских и германских «сфер влияния».

Основные пункты нового мюнхенского проекта

При ознакомлении с подробными докладами о секретных германо-английских переговорах в последние два месяца перед началом второй мировой войны сразу же бросается в глаза, что сущность конфликта между великими державами сводилась к разногласиям по вопросу о темпах и методах установления, а не о сущности

будущего европейского «нового порядка». Посол фон Дирксен убедительно объясняет это в своем сентябрьском докладе:

«Трагедией и решающим моментом в возникновении новой англо-германской войны следует считать то, что Германия требовала для себя равного места мировой державы рядом с Англией и Англия в принципе была готова согласиться на это. Но в то время, как Германия требовала немедленного всеобъемлющего и недвусмысленного осуществления своих требований, Англия хотя и была готова отказаться от своих обязательств на востоке, а тем самым и от политики окружения, равно как соглашалась предоставить Германии преобладающее положение на востоке и юго-востоке Европы и приступить к переговорам о полноценном сотрудничестве с Германией в мировом масштабе, но с тем, что все это должно быть достигнуто путем переговоров и постепенного изменения английской политики. Это изменение должно было быть осуществлено в течение месяцев, а не дней или недель...»

Чемберлен и его единомышленники требовали от нацистской Германии только одного — времени, чтобы подготовить политические круги и общественное мнение Великобритании к принятию нового и худшего Мюнхена, неизбежным следствием которого явилась бы официальная ликвидация европейских национальных государств.

Британские министры считали время решающим фактором. По их мнению, только оно одно могло излечить английский народ от удара, нанесенного ему оккупацией Праги. Выждав немного, можно было продолжать мюнхенскую политику. В этом отношении показателен следующий раздел из сентябрьского доклада фон Дирксена, в котором говорится о беседе германского посла с Горацием Вильсоном 3 августа 1939 г.:

«Он без обиняков признал, что Чемберлен сильно рискует, вступая на этот путь, и подвергает себя опасности падения. При большой ловкости и строгой секретности можно было бы обойти этот подводный камень. Но английское правительство должно иметь уверенность в том, что его инициатива встречает такую же готовность с немецкой стороны. Не было бы никакого смысла начинать переговоры, если бы предстоял новый кризис. Поэтому английское правительство хотело бы знать, как принял

фюрер вольтатовский отчет; предвидит ли он на ближайшие месяцы спокойный период для переговоров... Во всяком случае, для английского правительства было бы большим разочарованием, если бы с нашей стороны не было ответа на английскую инициативу. И тогда катастрофа оставалась бы единственной альтернативой».

Но и для Гитлера время являлось решающим фактором, хотя и с совершенно иной точки зрения, чем для его британских партнеров. Немецкий оппозиционный дипломат Ульрих фон Гассель сказал однажды о фюрере: «Гитлер похож на велосипедиста. Если он остановится, он упадет. Поэтому он должен мчаться вперед...»

Чудовищное британское предложение о совместном переделе мира поступило после того, как данцигский кризис был уже раздут гитлеровской пропагандой. Нужно было затормозить перед самой целью. Но можно ли остановить шарлатанов, даже если награда за это велика и заманчива?

Помимо всего прочего германский капитализм находился в состоянии глубокого хронического кризиса. Все иностранные кредиты были исчерпаны, а государственные финансы подорваны; все было поставлено на одну единственную карту: вооружение и военная промышленность, готовность армии к выступлению. Можно ли было спасти вложенные миллиардные капиталы и получить с них проценты иначе, как путем ограбления все новых областей и ведения постоянных разбойничьих войн? Какие возможности имелись в «Третьем рейхе» для внезапной перестройки на мирную экономику? Разве это не привело бы сразу к острому кризису и появлению миллионов безработных? А если это случилось бы, не развалился ли бы насквозь прогнивший нацизм так же быстро, как он в свое время быстро пришел к власти?

Специалист по «четырёхлетнему плану» нацистов Вольтат во время переговоров 20 июля осторожно задал вопрос, согласна ли Англия предоставить кредит для экономической перестройки «рейха» на «мирное производство» или только на временную приостановку в вооружении? В Лондоне упорно распространялись слухи о предоставлении займа Германии в размере 1 миллиарда фунтов стерлингов. Но когда посол фон Дирксен 3 августа поставил перед Горацием Вильсоном этот решающий

для нацистов вопрос, ответ на него был далеко не утешительный:

«Сэр Гораций Вильсон сказал, что способ преодоления финансовых и экономических затруднений, которых надо опасаться в связи с ограничением вооружений, неоднократно обсуждался. Хадсон, возможно, подхватил и развил эту идею. Но этот вопрос теперь отпал и больше не поднимается. Он лично думает, что в таком случае наступит трехмесячный или шестимесячный период финансовых затруднений, преимущественно в области техники денежной системы...»

Это было недвусмысленным предупреждением Гитлеру о риске тормозить на последнем перегоне к войне. Если остановить бег — последуют кризис и крах, и тогда даже Чемберлен не станет делать ставку на авантюриста типа Гитлера. Фунт стерлингов всегда оставался фунтом стерлингов.

Создавшееся в первые дни августа 1939 г. положение было отражением кризиса современного монополистического капитализма, еще более усугубленного в силу необычайно одностороннего развития германской экономики. А сколько современных западных правителей сегодня беспомощно стоят перед лицом тех же проблем? Кризис и крах; или война в качестве «выхода». Разве эта мрачная перспектива не угрожает ныне капиталистическому миру?

И для Англии и для нацистской Германии время стало решающим фактором, но в совершенно различном смысле. О решающих пунктах программы действий можно было еще сговориться. Но Англия Чемберлена, стремившаяся любой ценой выиграть время, должна была выждать со своими уступками. А гитлеровская Германия ждать больше не могла.

В этом обстоятельстве кроется объяснение того, что предложение, содержавшее крупнейшие уступки «Третьему рейху», даже не было подвергнуто серьезному обсуждению между Лондоном и Берлином. Это, однако, не должно уменьшить интерес к предложению правительства Чемберлена, заслуживающему самого подробного рассмотрения.

Когда немецкий чиновник Вольтат 20 июля 1939 г. дружески сел за круглый стол вместе с личным советни-

ком Чемберлена Горацием Вильсоном, то нацист был прежде всего глубоко удивлен тем, что ему предложили готовую британскую программу переговоров, в которой содержалось предложение Великобритании о длительном германо-английском взаимопонимании.

Следует вспомнить, что британское предложение было сделано именно в тот период, когда германо-польский конфликт по вопросу о Данциге приближался к своему кульминационному пункту. Какой же выход из международного кризиса предлагало британское правительство немцам в этой серьезной ситуации? Дирксен пишет о точке зрения, высказанной Горацием Вильсоном в беседе с Вольтатом, следующее:

«Конечной целью, к которой стремился г-н Вильсон, является широчайшая англо-германская договоренность по всем важным вопросам, как это первоначально предусматривал фюрер. Тем самым, по его мнению, были бы подняты и разрешены вопросы столь большого значения, что такие ближневосточные проблемы, зашедшие в тупик, как Данциг и Польша, отошли бы на задний план и потеряли бы свое значение...»

В целях смягчения напряженности германо-британских отношений Гораций Вильсон предлагал подписать два политических договора, тесно связанных друг с другом.

Во-первых, должен был быть заключен общий германо-британский пакт о ненападении, под которым, по формулировке Вильсона, «понимался отказ от принципа агрессии как таковой».

Это звучало достаточно миролюбиво. Но какова была цель этого пакта? Вильсон объяснил довольно подробно и это. Пакт должен был «освободить» Англию от гарантийных обязательств в отношении Польши и других восточноевропейских государств.

«Гораций Вильсон сказал, что англо-германское соглашение, включающее отказ от нападения на третьи державы, начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.; эти обязательства приняты были только на случай нападения и в своей формулировке имеют в виду именно эту возможность. С отпадением этой опасности отпали бы также и эти обязательства».

Но с первым договором был тесно связан второй договор:

«Пакт о невмешательстве, который должен включать разграничение жизненных пространств между великими державами, особенно же между Англией и Германией. ...»

В этом заключалось тщательно продуманное предательство восточных союзников Англии. 3 августа Вильсон сделал немецкому послу фон Дирксену следующее дополнительное разъяснение по поводу этого пункта:

«Сэр Гораций Вильсон пояснил, что требующееся от германской стороны заявление содержится уже в речи фюрера от 28 апреля [о невмешательстве в дела Британской империи]. С английской стороны также будут готовы сделать заявление о невмешательстве по отношению к Велико-Германии. Оно распространится, в частности, и на данцигский вопрос».

Весь ход переговоров говорит о том, что это «невмешательство», как позже писал Дирксен в своем итоговом докладе, «должно было явиться в некотором роде замаскированным разграничением сфер интересов между великими державами». Было достаточно ясно, что «Третьему рейху» предоставлялась свобода действий в отношении стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

Германия должна была отказаться от военных действий против Польши, чтобы ликвидировать напряженность в отношениях с Англией, но зато Польша попадала в положение изоляции и должна была постепенно стать признанной составной частью «великого германского пространства». Посол фон Дирксен скоро понял этот намек, который он истолковал следующим образом:

«Соглашение с Германией предоставит Англии возможность получить свободу в отношении Польши на том основании, что соглашение о ненападении защитит Польшу от германского нападения; таким образом, Англия освободилась бы начисто от своих обязательств. Польша была бы, так сказать, оставлена в одиночестве лицом к лицу с Германией...»

Так выглядела оборотная сторона «лояльной и твердой защиты» Великобританией своих малых союзников летом 1939 г. Чтобы не вызывать всеобщего возмущения, стремились избежать повторения «эпизода» со вторже-

нием в Прагу. Но зато полным ходом готовили новое издание мюнхенской сделки в отношении Судет!

В результате договора о разделе Европы на «жизненные пространства» между великими державами Польша была бы отдана Гитлеру, изолирована, лишена союзников и поставлена в невыносимое положение. В Лондоне были убеждены, что проблемы Данцига и польской западной границы в течение короткого срока будут разрешены «мирным» путем, без немецкого вторжения. Были убеждены также и в том, что это будет настоящее «великогерманское разрешение вопроса».

К двум проектам политических договоров Горация Вильсона был прибавлен пункт о постепенном разоружении, — на бумаге, конечно. Когда посол фон Дирксен 3 августа 1939 г. попросил более подробно объяснить содержание этого пункта, Вильсон его «успокоил»:

«В ходе беседы выяснилось, что он [Вильсон] хорошо сознает трудности, стоящие на пути к заключению какого бы то ни было соглашения об ограничении вооружений, а также и тот факт, что такое соглашение могло быть поставлено на очередь и осуществлено лишь через несколько лет».

Вынашивая планы агрессии против Советского Союза, Англия Чемберлена сочувствовала идее вооружения до зубов гитлеровской Германии!

В-третьих, Гораций Вильсон предложил гитлеровской Германии экономическое сотрудничество с Англией. Министр торговли Хадсон еще ранее определил основные линии этого сотрудничества.

Вильсон соглашался с тем, что Германии должны быть снова предоставлены колонии. Сознательно разжигавшаяся нацистами расовая ненависть в отношении «низших народов», ничуть не беспокоила англичан, хотя они и понимали, что нацисты установят в колониях зверский рабовладельческий режим. В докладе Дирксена от 21 июля 1939 г. о британских предложениях Вольтату говорится:

«В этой связи обсуждался главным образом вопрос о будущем развитии Африки. Вильсон имел в виду этот известный проект образования обширной колониально-африканской зоны, для которой должны были бы быть приняты некоторые единообразные постановления.

Вопрос, в какой мере собственность на немецкие колонии, подлежащие возвращению нам, сохранилась бы за нами после образования интернациональной зоны, — остался открытым. То, что в этой области, по крайней мере теоретически, англичане готовы, или были бы готовы пойти нам далеко навстречу, явствует из того достоверно известного г-ну Вольтату факта, что в феврале английский кабинет принял решение вернуть Германии колонии. Сэр Гораций Вильсон говорил также о германской колониальной деятельности в Тихом океане; однако в этом вопросе г-н Вольтат держался очень сдержанно».

Другие предложения Вильсона по экономическим вопросам предусматривали заключение соглашения по следующим пунктам:

- а) снабжение Германии сырьем;
- б) распределение рынков для промышленности;
- в) регулирование проблемы международных долгов;
- г) взаимная финансовая помощь.

В конце переговоров Вольтат поставил вопрос о том, готова ли Англия обсудить другие проблемы, которые, возможно, будут выдвинуты с немецкой стороны.

«Вильсон ответил утвердительно; он сказал, что фюреру нужно лишь взять лист чистой бумаги и перечислить на нем интересующие его вопросы; английское правительство было бы готово их обсудить. Решающим моментом в этом отношении было бы назначение фюрером какого-либо уполномоченного лица для обсуждения вышеупомянутой программы. Если со стороны фюрера последует такое, то английская сторона согласится на дальнейшее обсуждение вопроса любым путем...»

Это проливает свет на фактическую подоплеку срыва переговоров в Москве о заключении антинацистского русско-франко-британского союза. Переговоры проходили с таким трудом именно потому, что одна сторона уже сделала ставку на новый, худший Мюнхен, и поэтому вела двойную игру.

Переговоры с Россией — маскировка

Когда Вольтат в июле 1939 г. вернулся в Берлин с сенсационным предложением сэра Горация Вильсона о заключении нового германо-британского договора, он вручил

подробный отчет своему шефу фельдмаршалу Герингу, Однако германскому послу в Лондоне фон Дирксену не было дано никаких полномочий продолжать переговоры. В Лондоне напряженно ждали ответа Гитлера, но тщетно.

Только 31 июля фон Дирксен получил из столицы Германии две телеграммы по этому вопросу: министр иностранных дел фон Риббентроп требовал подробного отчета о переговорах Вольтата, а статс-секретарь министерства Вейцзекер задавал дополнительные вопросы в связи с предложением Горация Вильсона:

«Вольтат, очевидно, не задал Вильсону напрашивавшегося вопроса, предполагают ли эти предложения одновременный отказ от связанных с политикой окружения переговоров, в особенности с Москвой».

В этом заключался один из существенных моментов: каким образом британское правительство могло сделать такое далеко идущее предложение о новом европейском. Мюнхене и одновременно продолжать переговоры об антинацистском союзе в Москве, в особенности, когда основной пункт английского предложения заключался в том, чтобы предоставить Германии свободу действий во всей Восточной Европе? Кроме того, в Россию была послана франко-британская военная миссия для выработки общих планов операций в случае новой войны.

Фон Дирксен в тот же день смог успокоить Берлин: в Лондоне никто не относился серьезно к этим переговорам, а германское посольство было довольно подробно информировано о том, что указанная военная миссия не имеет необходимых полномочий. Дирксен писал об этом:

«К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, — или, вернее, благодаря этому, — здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал — точно так же простой строевой офицер, генерал авиации — выдающийся летчик и преподаватель летного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия скорее имеет своей

задачей установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения.

Высокопоставленный офицер из министерства авиации недавно высказал авиационному атташе свое убеждение в том, что ни британская, ни русская сторона не питала серьезного желания заключить соглашение...»

В свете всего этого вполне понятно, что русские относились к переговорам со справедливым скептицизмом. Двойная игра партнера была слишком прозрачна, чтобы не обращать на себя внимания; не только немцам было ясно, что и поездка Стрэнга в Москву без полномочий и переговоры военной миссии принадлежат к разряду таких вещей, которые опасно принимать всерьез.

В Лондоне вопрос об отношении к русским стал особенно актуальным в последние дни июля 1939 г. В субботу 29 июля советника германского посольства Кордта посетил интересный гость. Чемберленовский «ангел мира» еще раз бесшумно прошелся по комнате.

На этот раз немецким гостем был член правого крыла британской лейбористской партии м-р Чарлз Роден Бакстон, один из лейбористов, который, будучи пацифистом и квакером, примкнул к «миротворческой линии» Чемберлена.

Советник посольства, естественно, был заинтересован, с чем явился к нему гость. В своем докладе от 29 июля Кордт пишет:

«В заключение я спросил г-на Родена Бакстона, делился ли он своими мыслями с членами британского правительства. Г-н Роден Бакстон уклонился от прямого ответа. Но мне кажется, что из его витиеватых объяснений можно сделать вывод, что подобные мысли свойственны сэру Горацию Вильсону, а, следовательно, и премьер-министру Чемберлену...»

Роден Бакстон начал развлекать своего собеседника британской историей. Он сослался на то, что в период 1898—1904 гг. между Великобританией и Францией были чрезвычайно напряженные отношения из-за противоречий в Африке. Однако в 1904 г., когда было заключено соглашение, установившее определенные границы «сфер влияния» двух великих держав в Африке, наступило некоторое улучшение,

В Азии также в течение многих лет существовали очень напряженные отношения между Англией и царской Россией. Но и здесь в 1907 г. было достигнуто соглашение о разграничении «сфер влияния» от Персии до далекого Тибета.

«Он задает себе вопрос, нельзя ли этот же образ действий применить теперь в отношении Германии. Сформулированное фюрером понятие жизненного пространства направляет мысль в эту сторону».

После этого исторического экскурса Роден Бакстон перешел к формулированию своих конкретных предложений, которые в значительной степени разъясняли смысл, вкладывавшийся Горацием Вильсоном в проект германо-британского «пакта о невмешательстве». Он говорил в такой острой и безоговорочной форме, которая в данное время была бы слишком рискованной для британского министра. Назовем это комментариями приспешника Чемберлена.

«Великобритания изъявит готовность заключить с Германией соглашение о разграничении сфер интересов. Под разграничением сфер интересов он понимает, с одной стороны, невмешательство других держав в эти сферы интересов, и, с другой стороны, действительное признание законного права за великой державой препятствовать государствам, расположенным в сфере ее интересов, вести враждебную ей политику. Конкретно это означало бы:

1. Германия обещает не вмешиваться в дела Британской империи.

2. Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной и Юго-Восточной Европе. Следствием этого было бы то, что Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере интересов. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась бы от всех своих связей в Юго-Восточной Европе.

3. Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом...»

Таковы были немедленные политические последствия предложенного Горацием Вильсоном «пакта о ненападе-

нии». Они были достаточно ясно изложены, чтобы заставить немцев реагировать. Если бы было достигнуто единство в этих вопросах, то не существовало бы более ни «данцигской проблемы» ни «польского вопроса». Германия получила бы полную свободу действий в своем восточном «жизненном пространстве». Роден Бакстон, однако, в этой связи хотел добиться взаимных услуг от Германии. Германия должна была обещать:

«1. Объявить о своей готовности к европейскому сотрудничеству (в этой связи г-н Роден Бакстон высказал мысли, сходные с идеей Муссолини о пакте четырех держав);

2. Гарантировать предоставление через некоторое время своего рода автономии Богемии и Моравии (я указал, что эта культурная автономия уже существует, после чего г-н Роден Бакстон не развивал далее эту мысль);

3. Согласиться на всеобщее сокращение вооружения. Это сокращение вооружения ни в коем случае не потребует от одной Германии; имеется в виду достигнуть того, чтобы расходы на вооружение не разорили бы вконец все народы.

... По его словам, подобная уступка необходима для того, чтобы дать возможность Чемберлену и лорду Галифаксу приступить к разумным и реально-политическим переговорам с нами».

Таковы были условия нового Мюнхена, изложенные представителю нацистской Германии в Лондоне, в то время как одновременно велись бесконечные переговоры в Москве.

Поскольку никакой официальной немецкой реакции на это новое британское прощупывание не последовало, был начат третий раунд. Через заместителя английского министра иностранных дел Батлера и советника посольства Кордта сам германский посол в Лондоне фон Дирксен получил прямое приглашение вести переговоры с сэром Горацием Вильсоном. Встреча состоялась на квартире последнего 3 августа 1939 г.

Вильсон во время этой встречи еще раз подробно остановился на том предложении, которое он сделал германскому правительству через Вольтата. «Выяснилось, что суть беседы Вольтата — Вильсона остается в полной силе...»

Уточнение Вильсоном отдельных пунктов предложения уже было изложено выше. Было ясно, что истинная цель беседы для британского министра заключалась в получении информации о том, как Берлин реагировал на его предложение Вольтату:

«Гораций Вильсон сказал при этом, что английская сторона будет глубоко разочарована, если мы не продолжим того, чему положено начало: в этом случае не останется ничего иного, как быстро двигаться навстречу катастрофе. Поэтому он чрезвычайно заинтересован в том, чтобы узнать, как была принята в Берлине его беседа с Вольтатом.

Я ответил, что не могу сказать ничего определенного об этом. Я и сам не могу представить себе ясно, как с чисто технической точки зрения возможно продолжение этих переговоров...

Сэр Гораций Вильсон полагает, что можно найти выход; можно будет договориться, когда для этого наступит время. Можно сделать так, чтобы оба делегата встретились в Швейцарии, или где-либо в другом месте».

Руководствуясь полученными из Берлина инструкциями Дирксен считал своей главной задачей выяснить, как отразится новое британское предложение на планах создания европейского «фронта окружения» Германии. В этом вопросе посол Гитлера получил полную ясность, прежде чем расстался с советником Чемберлена. Дело обстояло так, как Роден Бакстон изложил его советнику посольства Кордту. В докладе в Берлин посол Дирксен резюмировал мнение Вильсона следующим образом:

«Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являлись лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией... Сэр Гораций Вильсон сказал, между прочим, что соглашение должно быть заключено между Германией и Англией; в случае, если бы было сочтено желательным, можно было бы, конечно, привлечь к нему Италию и Францию. ..»

Мюнхенская политика не кончилась оккупацией Праги. Она цвела пышным цветом в официальных кругах Лондона еще летом 1939 г.

И каждая новая попытка британской стороны добиться сближения с Гитлером только укрепляла его веру в то, что ему все дозволено. Агрессия поощрялась, поэтому и разразилась вторая мировая война. Характерно сообщение германского дипломата Кордта о реакции Гитлера на объявление западными державами войны Германии. Последний сказал совершенно спокойно: «Даже если они объявили нам войну, это еще не значит, что они хотят воевать...» Ошибся ли Гитлер, дав такую оптимистическую оценку положения?

ПРОДОЛЖЕНИЕ МЮНХЕНСКОГО КУРСА

„Вычеркнутая“ глава первого периода второй мировой войны

Если будущие западные историки будут обладать достаточной волей, мужеством и свободой слова, чтобы объективно и детально заняться малоисследованной главой истории второй мировой войны, называемой «крах Польши», они, несомненно, столкнутся с решающей проблемой: что в этот период оказалось наиболее прочным — последовательный мюнхенский курс западных союзников или «торжественные» гарантии, данные польскому государству.

Поверхностному наблюдателю событий того времени этот вопрос может показаться неважным: Гитлер напал на Польшу, и, «верные» своим обязательствам, две западные великие державы сразу же объявили Германии войну. Но не является ли это только обманчивой внешней оболочкой исторических событий? Правда, на Западе была объявлена война, но также неоспоримо, что не велось никакой войны для того, чтобы помочь Польше.

Одним из наиболее патетических разделов в писаниях м-ра Уинстона Черчилля, несомненно, являются его мысли в момент начала войны. Он писал тогда:

«Вокруг нас могут бушевать бури, но в наших сердцах в это воскресное утро царит мир».

Необходимо сделать только одно маленькое добавление к этой элегической картине: как это ни странно, но в течение первых месяцев войны мир царил также на всем западном фронте! Так было и много времени спустя после разгрома польской армии. Не зря первый период войны именовался на Западе «странной войной» или «войной громкоговорителей». Только при помощи громкоговорителей и велась борьба.

Этот неоспоримый факт пытаются объяснить некоторыми неверными военными доктринами, которые якобы парализовали инициативу западных держав. Ссылаются на убеждение французского верховного командующего генерала Гамелена, что французская армия одержит победу под прикрытием «линии Мажино», а наступление на германский «западный вал» означало бы риск и авантюру. Иногда ссылаются на стратегическую доктрину британского военного специалиста Лиддел-Гарта, который, подобно Гамелену, настойчиво выдвигал теорию предпочтительности обороны. Доктрина о слабости оружия нападения фактически стала своего рода западной догмой. Она усиленно пропагандировалась в первые месяцы войны, но не в этом заключалась главная причина того, что величайший шанс быстро разбить армию Гитлера был полностью упущен в первые недели войны.

Если проанализировать фактическое соотношение военных сил в момент начала войны, то не останется никакого сомнения в том, что эти односторонние военные объяснения должны быть решительно пересмотрены. Здесь следует добавить нечто весьма важное.

Журналист Хельге Кнудсен, выступавший во время Нюрнбергского процесса в качестве датского обозревателя, подробно изучал заявления немецких генералов о военном положении в первые недели войны и коротко суммировал собранные материалы в нескольких красноречивых пунктах.

Не напугал ли западных союзников разрекламированный гитлеровский «западный вал»? Вряд ли. Кнудсен констатирует: «Во-первых, западный вал не был завершен. Воздвигался только Эйфелевский отрезок к северу от Люксембурга...» Французская разведка вряд ли работала так плохо, чтобы не обратить внимание на этот важный факт. Одной воздушной разведки было бы достаточно, чтобы обнаружить это важное обстоятельство.

Может быть, для франко-британского верховного командования доказательством превосходства сил немцев в пограничных областях послужил тот факт, что выпущенное на немецкие передовые линии стадо свиней вернулось смертельно напуганным? Хельге Кнудсен пишет по этому поводу следующее:

«Союзники уклонялись от наступления на западном фронте, хотя Гитлер держал там небольшое количество войск. Только 23 немецкие дивизии охраняли западную границу Германии. Располагая всего 75 дивизиями в начале войны, он бросил остальные дивизии на Восток. У Германии не было еще достаточно войск даже для того, чтобы занять все бункера на линии «западного вала». Иодль говорит, что союзники располагали 110 французскими и английскими дивизиями. Ни один немецкий генерал не понимал, почему враг не использовал этого благоприятного момента, когда Германия была так слаба...» Тогдашний германский верховный главнокомандующий назвал эти недели «моментом величайшей слабости Германии».

Таким образом, франко-британские силы в начале войны были в четыре раза больше немецких. И все же не было сделано ни одной попытки помочь Польше. Никакие чисто военные объяснения не могут опровергнуть этого факта. Тайна остается такой же мрачной и непонятной. Необходимо дать политическое объяснение, чтобы начать хоть немного понимать подлинное положение вещей.

Внутриполитическое положение в двух ведущих западных странах, которые в результате мюнхенского курса сделали возможной нацистскую агрессию, характеризовалось в начале войны, в 1939 г., наличием следующих двух противоположных течений.

Народ был до такой степени возмущен преступлениями нацистов, что дальнейшее открытое проведение мюнхенского курса было невозможно. Ни правительство Чемберлена в Англии, ни французский кабинет Даладье не удержались бы у власти, если бы пошли на новую открытую капитуляцию перед угрозами Гитлера. Так велика была воля народа к сопротивлению.

Вот что пишет об этом Эдуард Бенеш в своем письме от 21 августа 1939 г.:

«Западные державы более не могут делать уступок, они не могут искать примирения с Германией после нескольких недель войны или успокоиться на том или ином возможном компромиссе. Настроение среди английского и французского народов таково, что в этих вопросах уступать больше нельзя..»

И все же Бенеш проглядел такой важный факт, что даже объявление войны для стоявших у власти мюнхенцев было лишь маневром выиграть время для попытки осуществления новой мюнхенской политики в ущерб интересам европейских народов. По существу объявление войны было скорее новой попыткой заставить Германию пойти на компромисс с Западом.

Через месяц Бенеш наглядно убедился, что намерения французского правительства именно таковы. 6 октября 1939 г. он отправился в Париж, чтобы вести переговоры с Даладье о создании чехословацкого правительства и армии на французской территории. Но мюнхенец Даладье отказался даже принять бывшего президента Чехословакии. Он был готов пойти на создание чехословацкого вспомогательного корпуса или, в крайнем случае, на создание национального комитета, предпочтительнее во главе с капитулянт-мюнхенцем Миланом Годжей, но не на признание какого-либо чехословацкого правительства. С горечью описывает Бенеш в своих воспоминаниях политику Франции после начала войны:

«В Париже я, таким образом, убедился, что французское правительство твердо стояло на своей прежней линии. Иными словами, оно продолжало мюнхенскую политику. Поскольку французское правительство против своей воли было вынуждено помогать Польше, оно стремилось избежать всего, что, по его мнению, могло ухудшить отношения Франции с Германией и в особенности с Италией и Венгрией. В сентябре 1939 г. хотели открыто повторить в отношении Польши то же, что они сделали в отношении нас год назад. Они стремились к новому Мюнхену. Уже с сентября 1939 г., то есть с самого начала войны, французские планы были направлены на то, чтобы не допустить вступления Италии и Венгрии в войну на стороне немцев. Иными словами, они хотели ограничить конфликт и попытаться начать как можно скорее переговоры с Германией. Их цель заключалась в том, чтобы добиться перемирия и толкнуть Германию на войну с Советским Союзом. Во имя достижения этой цели они были готовы во второй раз пожертвовать Чехословакией, а также в той или иной форме и Польшей...»

Если бы Бенеш во время своих попыток установить контакт с французским правительством в Париже знал

немного больше о закулисных махинациях Даладье, он вряд ли удивлялся бы холодному приему, оказанному ему последним. Теперь мы знаем, что бывший французский посол в Берлине Франсуа Понсэ уже 16 сентября 1939 г. вел в Риме неофициальные переговоры о мире с графом Чиано. Министр иностранных дел правительства Муссолини снова выдвинул старую идею о союзе четырех западноевропейских держав. Франсуа Понсэ отнюдь не был против. Он заявил, что «он рекомендует своему правительству тщательно взвесить предложение о создании такой Антанты». И прибавил, что «единственное действенное мероприятие по обеспечению длительного мира — это создание великими державами европейской директории». Мысль о новом Мюнхене попрежнему была жива и являлась важной составной частью французской политики. Ее предпосылки и заключались в том, чтобы во имя соглашения с Германией пожертвовать Польшей и Чехословакией.

Совершенно ясно, что именно в этой позиции французских правителей и следует искать объяснение того, почему численно превосходившие немцев французские дивизии стояли неподвижно и не пытались перейти в наступление в те недели, когда путь через «западный вал» был фактически открыт, когда вторая мировая война могла бы быть очень короткой, когда победа над нацизмом не потребовала бы больших жертв!

Но не только французские правители пытались продолжать мюнхенский курс. Из Лондона также делались попытки в этом направлении. Даже после объявления войны Чемберлен и его сторонники не отказались от того, чтобы добиться соглашения с Германией на той основе, которая была изложена во время секретных переговоров с Вольфатом и послом фон Дирксеном несколько недель назад.

После целых двух месяцев «странной войны» становилось все более и более ясным, что на Западе что-то готовилось. Дело началось таинственным похищением гестаповцами утром 9 ноября двух британских офицеров разведки Стивенса и Беста из маленького голландского пограничного городка. Их увезли в Германию. Гиммлеровцами была выдвинута сенсационная версия, будто бы эти два англичанина являлись организаторами покуше-

ния, которое за день до этого было совершено на Гитлера в погреб Бюргербрейер в Мюнхене. Британское правительство опубликовало категорическое опровержение и заявляло, что двое англичан были увезены в Германию во время переговоров, которые они вели с представителями германской оппозиции. Следовательно, англичане попрежнему поддерживали связи с некоторыми влиятельными кругами в воюющей Германии.

Не успел улеться шум, возникший вокруг этого дела, как в палате общин начались дебаты о политике английского правительства. Они начались 22 ноября 1939 г., когда оппозиционно настроенный член палаты общин депутат Мандер выступил с критикой речи бывшего английского посла в Берлине Гендерсона.

«Не может ли министр обратить внимание сэра Невиля Гендерсона на недопустимость того, чтобы государственные чиновники выступали с речами по спорным вопросам, как это он сделал недавно в Клубе печати?»

«Заместитель министра иностранных дел *Батлер*: В данном случае сэр Невиль Гендерсон выступал с согласия министра иностранных дел.

Депутат Мандер: В данном случае он сказал, что, по его мнению, создание Великой Германии является благородным идеалом.

Является ли это также точкой зрения правительства?

Батлер: То, что Невиль Гендерсон сделал за последние месяцы, имеет очень большую ценность».

Этот спор привлек к себе заслуженное внимание. Означала ли речь Невиля Гендерсона прощупывание, неофициальное предложение мира, при котором «Третий рейх» мог сохранить Австрию, Судетскую область, Данциг и другие части Западной Польши?

Подозрение в том, что правительство Чемберлена снова попытается предпринять тайные шаги не уменьшилось, когда премьер-министр через шесть дней после этого заявил:

«Никто из нас не знает, как долго протянется эта война. Никто не знает, в каком направлении она будет развиваться. И в этих обстоятельствах, говоря я, совершенно бессмысленно и вредно выдвигать условия установления мира. Мы вступили в эту войну не с целью мести.

Поэтому мы не хотим навязывать мир, основанный на чувстве мести!»

Что означала эта туманная речь о войне? Означало ли это, что война может неожиданно принять совершенно иное направление? Была ли связь между этими намеками и тем фактом, что спустя два месяца после начала войны на западном фронте царило почти полное спокойствие? Да, без сомнения. Но истинная связь вещей полностью выявилась только спустя несколько лет, когда мир выглядел совершенно иначе. Тогда было подтверждено документами, что правительство Англии уже в самые первые месяцы войны сделало официальное предложение весьма сенсационного содержания довольно влиятельным в то время кругам нацистской Германии. Правительство Великобритании предлагало в качестве вознаграждения за новый мюнхенский стовор не только Данциг и Данцигский коридор. На карте будущего раздела Европы были сделаны гораздо более серьезные изменения.

Решающей политической чертой первого периода войны на Западе являлись энергичные попытки добиться прекращения войны путем стовора западных держав с германской «верхушечной оппозицией», которая выкристаллизовалась среди правящих кругов Германии во время общего обострения положения в начале 1938 г. и позже, во время мюнхенского кризиса осенью того же года. Британский посол Невиль Гендерсон поддерживал с этими кругами контакт до того, как покинул Берлин, а после начала войны связи возобновились иными путями.

Яльмар Шахт попытался очень тонко использовать свои американские связи в Международном банке в Цюрихе, чтобы прощупать возможности заключения мира. Шахт написал личное письмо председателю банка Леону Фрэйзеру с просьбой помочь ему получить приглашение в США для обсуждения возможных условий мира с Германией. Это письмо, которое в октябре 1939 г. было тайно переправлено через швейцарскую границу Гансом Гизевиусом, гласило:

«По моему мнению, при теперешней ситуации важно выиграть время... Есть люди, которые считают, что еще слишком рано обсуждать конкретные планы. По моему же мнению, чем раньше начнутся переговоры, тем скорее это окажет свое влияние на ход событий».

Эта попытка Шахта не увенчалась успехом. Ему не удалось предпринять поездку за океан, а в дальнейшем он из осторожности отошел на длительный срок от активной оппозиционной деятельности.

Более успешными оказались действия разведки Канариса. Попытки установить контакт с британским правительством шли двумя путями.

Одним связующим звеном был представитель разведки в верховном командовании германской армии, подполковник Гельмут Гросскурт. Журналист Хельге Кнудсен в этой связи пишет: «Уже в ноябре [1939] прощупывание зашло так далеко, что Гросскурт знал о наметках заключения мира, которые выглядели чрезвычайно заманчиво...»

Параллельно с этим велись попытки сближения через штаб Канариса в Мюнхене. Таким путем была установлена связь с Ватиканом, чтобы выяснить, на каких условиях западные державы согласны заключить мир с Германией. Ближайший сотрудник Канариса генерал Ганс Остер и юрист Ганс фон Дохнаний через месяц после начала войны отправили католического политика, члена бывшей баварской «народной партии» Иозефа Мюллера в Рим, чтобы через папу выяснить, на каких условиях Англия и Франция согласны заключить мир.

Переговоры продолжались несколько недель, и Иозеф Мюллер совершил не одну поездку из Мюнхена в Ватикан, обмениваясь мнениями и предложениями с официальными представителями британского правительства. Позже в переговоры в Италии был вовлечен представитель оппозиции дипломат Ульрих фон Гассель. Ганс Гизевиус, будучи одним из посвященных в тайные переговоры о мире, очень сдержанно пишет обо всем этом в своих воспоминаниях. Совершенно очевидно, что англосаксонские хозяева Гизевиуса обязали его проявлять величайшую сдержанность в этом вопросе, как вообще во всем, что имело отношение к связям между Германией и союзниками во время войны. Вот то небольшое, что сообщает Гизевиус:

«Немецкая оппозиция не являлась правительством, которое могло связать страну своей подписью. Поэтому к большой чести папы нужно сказать, что он во имя мира в Европе (?) пренебрег всем этим и добровольно предложил свои услуги в качестве посредника в деле мира.

Переговоры велись на очень широкой основе. Хотя подробности теперь, после пяти лет войны, и не представляют интереса (?), все же результат их нельзя недооценивать. При само собой разумеющемся условии, что нацистский режим будет полностью ликвидирован (?), была возможность достигнуть соглашения...»

Это краткое и сознательно уклончивое сообщение не дает ни исчерпывающей, ни даже более или менее правильной картины тех переговоров, которые велись в зимние месяцы 1939/40 г.

Совершенно неправильным является утверждение, что тайные германо-британские переговоры преследовали цель восстановления мира в Европе. Дело в том, что толчком к этим переговорам послужил финско-русский конфликт и последовавшая за ним разнузданная антисоветская кампания в западной прессе. Речь шла о том, чтобы придать войне другое направление, как намекнул Чемберлен в своем вышеприведенном выступлении 28 ноября 1939 г. Основная идея была все та же: союз четырех западноевропейских держав и общий фронт против СССР.

Вопреки утверждениям Гизевиуса не было речи также и «о полной ликвидации нацистского режима»: Британское консервативное правительство в тот период было далеко от такой «крайней» цели. Примиренческое заявление Чемберлена от 26 ноября о том, что «каждая страна имеет право выбирать любую форму правления», полностью опровергает утверждение Гизевиуса. Речь шла именно о Германии. Никому не придет в голову, что Чемберлен выражал симпатию к социалистическому строю Советского Союза!

В чем же заключались британские предложения немецкой оппозиции, которые Гизевиус так старательно обходит в своей книге? Это была тщательно разработанная британская программа действий в западной части Европы.

Реакционер и англофил Хельге Кнудсен, издавая в 1947 г. свою книгу «Бунтовщики в крепости Гитлера», вряд ли подозревал, что он публикует ряд тех подробностей о британских предложениях, которые осторожный Гизевиус так благоразумно обошел, ссылаясь на то, что «они теперь не представляют интереса».

Несомненно, что Хельге Кнудсен черпал информацию из надежных источников. Во время Нюрнбергского процесса он имел возможность первым ознакомиться со всеми доступными документами. Одновременно он вел ряд бесед с участниками драматических событий 20 июля 1944 г. и с их семьями. Он, повидимому, получил детальную информацию о событиях первых месяцев войны от бывшего начальника штаба гитлеровской армии Франца Гальдера, заключенного тогда в тюрьму. На этой основе Кнудсен излагает следующие основные пункты первого британского предложения немецкой оппозиции:

«Судя по их собственным документам, немецкие представители заключили с англичанами джентльменское соглашение следующего содержания:

Гитлер и Риббентроп устраниаются. Создается новое германское правительство. Геринг может в крайнем случае остаться...

Никакого германского наступления на Запад. Никакого франко-английского наступления на Восток.

Восстанавливается германо-польская граница 1914 г. К востоку от нее восстанавливается независимая Польша...

Отношения между немцами и чехами являются их внутренним делом, в которое союзники не вмешиваются. Два последних пункта объединены во втором варианте этого джентльменского соглашения под заголовком: «Решение всех восточных проблем в пользу Германии».

Содержание этого соглашения невольно заставляет вспомнить предложения Горация Вильсона Вольтату и фон Дирксену в июле — августе 1939 г.

После объявления войны Англия из соображений престижа должна была требовать, чтобы с немецкой стороны были принесены некоторые «жертвы» в отношении смены лиц. Но согласие с кандидатурой Геринга как преемника Гитлера подчеркивает, что речь шла отнюдь не о смене режима в Германии. Мюнхенский кризис со всей очевидностью показал, что в Лондоне панически боялись, что падение нацизма приведет к революционной ситуации, которая может кончиться установлением социалистического строя. Поэтому Чемберлен и К° в 1938 г. напрягали все свои силы, чтобы спасти Гитлера. И когда через год было заявлено о признании «временного правительства»

во главе с Германом Герингом, то это, несомненно, означало лишь стремление при всех обстоятельствах обеспечить преобладание гитлеровской политики. Фашистское правительство, состоящее из «умеренных» нацистов и поддерживаемое армией, явилось бы гарантией против народной революции в Германии.

Одна из причин выдвижения Геринга в качестве приемника Гитлера при переговорах в Ватикане, заключается в том, что некоторая часть «верхушечной оппозиции» делала ставку на Геринга. Это ясно видно из дневника фон Гасселя, где он рассказывает о своем разговоре с Карлом Герделером 10 октября 1939 г. Вот что пишет Гассель о точке зрения Герделера:

«Он спросил меня, приемлема ли, по моему мнению, кандидатура Геринга. Несмотря на большие сомнения, он пришел к выводу, что это является единственным выходом — естественно, только временным. Бек также стремился к этому. Я поддержал их мнение».

Правда, Хельге Кнудсен пишет, что оппозиция собиралась «позже» свергнуть и Геринга, базируясь на тех материалах, которые были собраны против него в архивах разведки Канариса. Но англичане не предъявляли в этом отношении никаких требований. Они заботились прежде всего о том, чтобы оградить себя от лавины социальной революции в сердце Центральной Европы! Именно поэтому-то на пост рейхсканцлера и выдвигалась кандидатура Геринга.

Бывший начальник германского генерального штаба Франц Гальдер подтвердил, что английское предложение было сделано в указанной форме. Хельге Кнудсен, основываясь на информации, полученной от самого Гальдера, пишет в своей книге следующее:

«Когда Гальдер был арестован после 20 июля, гестапо предъявило ему документы об этом джентльменском соглашении, которое он видел еще в первую зиму войны. Гальдер читал их и заявил, что они явились результатом трех туров переговоров в Риме, причем после каждого тура англичане возвращались в Лондон. Соглашение подписано английским министром иностранных дел лордом Эдуардом Галифаксом. Гальдеру дали не оригинал, а копию. Гальдер излагает содержание соглашения вышеуказанным образом, но делает добавление, что Германия

должна была восстановить свои границы 1914 г. Это означало, что Франция соглашалась отдать Эльзас и Лотарингию. Гальдеру казалось невероятным, чтобы Галифаксу удалось склонить Францию к этому, что и породило его скептицизм в отношении перспектив этого соглашения».

Что касается последней подробности, то здесь бывший начальник германского генерального штаба явно что-то запямятовал. Или он в 1946 г. пытался найти извинение своей пассивности, проявленной весной 1940 г.? Обещание о восстановлении границ периода 1914 г. касалось только восточной границы Германии. В целом же нет ни малейшего сомнения в достоверности этого предложения о заключении мира. Оно подтверждается рядом различных достаточно надежных источников.

Важные подробности о переговорах в Ватикане содержатся прежде всего в личных записках, оставленных германским оппозиционным дипломатом Ульрихом фон Гасселем. Свидетельство Гасселя тем более важно, что он был лично связан с посланцами лорда Галифакса в Италии. Главный участник переговоров Иозеф Мюллер был послан по инициативе одного из руководителей германской разведки Ганса Остера и его правой руки фон Дохнания, миссия же Гасселя осуществлялась параллельно. Его непосредственными вдохновителями были генерал-полковник Людвиг Бек, Карл Герделер и Яльмар Шахт.

При посредничестве своего зятя Ульрих фон Гассель встречался 22 и 23 февраля 1940 г. в маленьком итальянском городке Ароса с представителем британского министерства иностранных дел, выступавшим от имени Галифакса. Гассель привез с собой от немецкой оппозиции письмо по вопросу об условиях мира, которое могло быть принято за основу переговоров. По поводу территориальных вопросов в предложениях Гасселя говорилось:

«Целью заключения мира должно быть длительное умиротворение и оздоровление Европы на твердой основе и гарантия от неожиданного возникновения военных конфликтов. Условием этого является присоединение Австрии (и Судетской области) к рейху. Не должно возникать никаких пограничных проблем на западных границах Германии, а германо-польская граница в основном должна соответствовать германской государственной границе 1914 г.

В этих условиях второй пункт предложения Гасселя, провозглашавший «восстановление независимой Польши и Чехословацкой республики», является в высшей степени проблематичным.

Смысл переговоров заключался в том, чтобы побудить британского министра иностранных дел дать письменное заверение, что Англия готова заключить мир на этой основе при условии указанных изменений в германском правительстве.

Однако, были доведены до сведения Галифакса немецкие условия не через Гасселя, а через Иозефа Мюллера и абвер. В записках Гасселя указывается, что он 16 марта принял участие в совещании с генералом Беком, Дохнанием и Гансом Остером.

Далее говорится:

«Они прочли мне несколько чрезвычайно интересных документов о некоторых беседах, которые один католик [Иозеф Мюллер] имел с папой. А тот, со своей стороны, через Осборна [посол Англии в Ватикане] установил связь с Галифаксом. Папа после этого пошел удивительно далеко в защите германских интересов. Галифакс, который выступал от имени британского правительства, гораздо более сдержан в своих формулировках и даже затрагивает такие пункты, как «децентрализация Германии» и «плебисцит в Австрии». Однако в основном чувствуется обоюдное стремление к разумному миру, и папа подчеркнул, что требования «децентрализации Германии» и «плебисцита в Австрии» не явятся серьезным препятствием, если будет достигнута общая договоренность. Предпосылкой этого является, естественно, смена правительства и признание христианской морали...»

Из записок Гасселя видно далее, что он 3 апреля 1940 г. при новой встрече с Остером и Дохнанием прочитал новый заключительный отчет Иозефа Мюллера, из которого явствовало, что «папа и англичане твердо стоят на своих позициях...»

Однако между Гасселем и британским представителем в Аросе состоялась еще одна встреча 14 и 15 апреля 1940 г. сразу же после нападения гитлеровцев на Норвегию и Данию. Было выяснено, что предложение Гасселя было передано Галифаксу и самому Чемберлену. И если Гассель не получил ответа, то это объясняется тем, что он

был передан в Германию по другому каналу — через Ватикан. При этой встрече Гассель поднял другой вопрос: продолжает ли основа ведения мирных переговоров оставаться в силе после нападения на Скандинавские страны. Британский представитель безоговорочно подтвердил это:

«М-р Х подтвердил мне еще раз, что позиция Галифакса в принципе остается неизменной...» Записки Гасселя дают очень интересные сведения о настроениях в британских правительственных кругах в то время:

«М-р Х снова и снова говорил, что Гитлер не может быть заинтересован в разоружении Британской империи. При крахе Германии Европа и белая раса могут только пострадать. М-р Х с большим пессимизмом говорил о положении в Англии в случае длительной войны. Независимо от того, кончится она поражением или победой, все равно произойдет большой переворот...»

Из материалов германской «верхушечной оппозиции» ясно видно, что генеральный штаб «Третьего рейха» с конца октября 1939 г. регулярно получал информацию о содержании переговоров, которые велись с западными державами по вопросу об условиях заключения мира. Когда Гитлер в октябре, после окончания польского похода, дал приказание готовить новое наступление на западном фронте через Голландию и Бельгию, это вызвало большую тревогу среди генералов, опасавшихся поражения.

Произошли серьезные столкновения между фон Брауничем и Гитлером. Оппозиция в течение нескольких недель рассчитывала на то, что генералы смогут свергнуть и обезвредить Гитлера, чтобы добиться быстрого заключения мира на Западе. Постоянные затяжки с наступлением на западном фронте из-за плохой погоды, а также колебания и нерешительность генералов в этот период привели к краху планов «мирного переворота».

Когда переговоры в Ватикане весной 1940 г. были закончены, оппозиция снова попыталась склонить генералов к тому, чтобы они помешали новому наступлению. Документы, касающиеся переговоров в Ватикане, были по инициативе генерал-полковника Людвиг Бека сведены в особый меморандум, который должен был быть представлен начальнику генерального штаба Францу Гальдеру. Гальдер в ноябре принимал участие в переговорах о военном

перевороте и даже прямо предложил Канарису, чтобы абвер путем покушения удалил Гитлера.

Однако весной 1940 г. Гальдер изменил мнение и не решался более принимать активное участие в заговоре. После того, как попытки установить контакт с Гальдером через Карла Герделера и Ульриха фон Гасселя кончились неудачей, начальник военно-экономического управления генерал Георг Томас передал Гальдеру 4 апреля 1940 г. так называемый «отчет X» — отчет о беседах в Ватикане и мирном предложении лорда Галифакса.

Верховный командующий фон Браухич получил отчет от Гальдера, но в тот период совершенно отказался от планов переворота, которые он поддерживал в ноябре предыдущего года. По словам Гальдера Браухич заявил: «Предел достигнут. Это предательство и измена родине, и я должен был бы в сущности потребовать ареста Томаса». По его собственным словам, Гальдер на это ответил: «Этого не случится, пока я начальник генерального штаба».

Таким образом верховное командование решило остаться пассивным. Оно не осмелилось принять соблазнительное британское предложение и выполнить соглашение о свержении Гитлера. Но генеральный штаб не разоблачил и тех кругов, которые вели переговоры о мире. Для этого и Франц Гальдер и фон Браухич сами зашли слишком далеко в подготовке планов переворота в ноябре 1939 г. Если бы это щекотливое дело было предано гласности, то слишком многие руководящие лица вермахта были бы скомпрометированы перед фюрером и нацистским режимом.

Если в начале 1940 г. не было достигнуто соглашение между Германией и западными союзниками, то это объясняется не тем, что правители Англии и Франции отклонили экспансионистские требования, выдвигавшиеся оппозицией. Колебались генералы, не зная, склоняться ли к переговорам о мире или поддержать наступательную политику Гитлера.

Западные державы в первый период войны продемонстрировали свое нежелание воевать с нацистами. Вместо этого они направляли через фронт предложения нового худшего мюнхенского сговора за счет интересов Восточной Европы и Советского Союза.

Некоторые результаты проекта третьего мюнхенского сговора

Можно считать, что до того драматического момента, когда крупное наступление Гитлера на западном фронте 10 мая 1940 г. сразу положило конец прежнему положению вещей и превратило «странную войну» в Западной Европе в войну реальную, Англия предложила по меньшей мере три «мюнхенских проекта» нового раздела Европы между капиталистическими великими державами.

Первый мюнхенский сговор был осуществлен в роковую осень 1938 г. Планы второго были разработаны ближайшим сотрудником Чемберлена Горацием Вильсоном и предложены Вольфгангу и фон Дирксену за несколько недель до начала войны — в июле и августе 1939 г. Третий, не менее далеко идущий проект нового Мюнхена, был сформулирован британским министром иностранных дел лордом Эдуардом Галифаксом в его сенсационном письменном предложении германской «верхушечной оппозиции» в период переговоров в Ватикане в 1939/40 г.

Антисоветская направленность была характерной особенностью всех трех мюнхенских планов. Превращение Восточной Европы в особую «сферу немецких интересов» и зону колонизации также было неотъемлемой составной частью этой англо-германской политической игры.

Формально вторая мировая война началась данцигским конфликтом и нападением Германии на Польшу. Мы видели, как Англия и Франция уже в первые недели войны полностью предали Польшу в соответствии с проектами Горация Вильсона. Предложения Галифакса в Ватикане, в свою очередь, явились хорошо взвешенным ударом в спину по политическим интересам Польши и ее целостности как самостоятельного государства.

Британское правительство было готово без всякой борьбы выдать германским агрессорам не только Данциг и Данцигский коридор. Формальное восстановление германской восточной границы 1914 г. означало выдачу Германии других обширных и богатых польских провинций — всей Познанской области, Поморья и важнейших польских угольных районов в Верхней Силезии. Одна только уступка подобного рода со стороны Англии и Франции сделала объявление войны 3 сентября не более, чем фар-

сом. Капитуляция западных держав в «польском вопросе» была полной и безоговорочной!

Для остальных восточных и дунайских областей англичане готовили такую же судьбу. Включение Австрии и Судетской области в состав Германии попрежнему считалось само собой разумеющимся, а положение Богемии, Моравии и Словакии как протекторатов, фактически подчиненных «Третьему рейху», также предполагалось сохранить на длительный срок.

Таким образом, третий мюнхенский проект означал формальное признание западными державами того факта, что придунайские и балканские государства, отделяющие восточные границы «Великой Германии» от пограничных постов Красной Армии, в будущем будут считаться бесспорными «сферами влияния» Германии и будут отданы ей в качестве объектов колониальной экспансии.

Ход тайных переговоров в Ватикане свидетельствует, таким образом, что консервативные лидеры Британской империи с первого же года войны проводили в жизнь разбойничью империалистическую «теорию» о том, что Европа теперь, подобно колониальным странам, должна быть разделена на «сферы влияния» между экономически «высоко развитыми» великими державами за счет интересов, суверенитета и самостоятельности малых государств.

Содержание пресловутого «отчета X» и предложения лорда Галифакса показывают одновременно, что немецкой «верхушечной оппозиции» было совершенно чуждо стремление к миру. Германские оппозиционные круги, участвовавшие в выработке и утверждении плана Галифакса, наоборот, являлись носителями старых германских экспансионистских идей и сторонниками агрессивной империалистической политики в отношении соседних государств на Востоке.

Как видно из этого, политика не перестает быть империалистической от того, что ее одобряют в европейском центре «западных демократий» — Лондоне. Даже санкция США ничего не может изменить в этом отношении, разве что позицию прессы и некоторых политиков.

Нам, быть может, возразят, что предложение Галифакса, сделанное им через Ватикан, было, конечно, не очень благородным, но зато сегодня оно представляется довольно безобидным — ведь оно же не было осуще-

ствлено. И, кроме того, в течение всей войны это предложение держалось в такой глубокой тайне, что большинство людей даже и сегодня не подозревает о его существовании. Разве не следует отнести к этому проекту, как к незначительному эпизоду второй мировой войны?

Было бы чрезвычайно легкомысленно занимать такую позицию в отношении третьего британского мюнхенского плана и считать его пустяком. В течение всей войны он оказывал свое вредоносное действие и особенно сказывался именно в области практической политики.

Во-первых, предложения Галифакса в значительной степени вдохновляли великогерманские экспансионистские течения среди руководящих слоев антигитлеровской буржуазной оппозиции как в самой Германии, так и за ее пределами. Это — исторический факт.

Воспоминания бывшего чехословацкого президента Эдуарда Бенеша, относящиеся к периоду его пребывания в Лондоне в годы войны, воссоздают яркую картину влияния британских правительственных кругов на германскую социал-демократическую эмиграцию в вопросе о перспективах будущей Германии. Бенеш рассказывает, как за месяц до начала войны — 3 августа 1939 г. — его посетил социал-демократический лидер судетских немцев д-р Якш и проинформировал его о настроениях немецкой социал-демократии.

Бенеш рассказывает об этом следующее:

«Я узнал, что чехословацко-немецкая эмиграция в Великобритании делилась на два одинаково больших лагеря: половина была за «Великую Германию», остальные — за восстановление Чехословакии с домюнхенскими границами. Он утверждал, что наши немцы находятся под сильным влиянием германских и австрийских социал-демократов. Но и в Германии и в Австрии среди социал-демократов царил такой же разброд. Существовали два лагеря, и оба рассчитывали на войну в ближайшем будущем. Одни исходили из того, что Гитлер скоро потерпит поражение, после чего можно будет воссоздать Веймарскую республику. Вторые же (прежде всего представители австрийской социал-демократии) надеялись на революцию в Германии. Исходя из этого предположения, они строили планы реорганизации Европы и осуществления великогерманских устремлений».

Бенеш далее рассказывает, как д-р Якш призывал чешских эмигрантов к выступлению за широкую автономию Судетской области: «Они не смогут более признать какого-либо диктата с нашей стороны, ибо никто из них не захочет принять такого положения, которое создалось после Мюнхена...» Таким образом, не только нацисты рассчитывали на великогерманскую экспансию!

Из слов Бенеша можно сделать такой вывод, что немецкие социал-демократы в случае начала войны рассчитывали на рабочую революцию в Германии. Однако подобное мнение являлось ошибочным и никоим образом не соответствовало реальным возможностям немецкой социал-демократии. В Германии существовали лишь остатки их подпольной организации. Ганс Гизевиус рисует более реальную картину планов немецких социал-демократических верхов. Нелегальным лидером небольшой группы, некогда мощной немецкой социал-демократии, в это время был бывший министр внутренних дел земли Гессен Вильгельм Лейшнер, который установил контакт с бывшими руководителями католического профсоюзного движения.

Как раз перед началом войны Лейшнер совместно с бывшим католическим центристским руководителем Якобом Кайзером установил связь с кругами Карла Герделера и генеральской оппозицией. Вот что рассказывает Гизевиус о деятельности Лейшнера в конце 30-х годов:

«После некоторых колебаний Лейшнер основал маленькое предприятие, не без помощи ряда «капиталистов», которые будучи его политическими противниками, были, однако, убеждены в необходимости существования социал-демократической оппозиции. Его «торговое предприятие» было великолепным прикрытием для политической работы. .. К чести Лейшнера следует сказать, что он отбросил все свое честолюбие и передал руководство Герделеру, узнав его поближе...»

А как же обстояло дело с ожидавшейся «великогерманской революцией», на которую, как говорит Бенеш, возлагали надежды широкие круги руководителей германской социал-демократии в эмиграции? О характере этой «революции» Гизевиус также делает очень важное сообщение. Он пишет:

«Лейшнеру было ясно, что при любой попытке восстания армия будет играть решающую роль. Он был доста-

точно альтруистичен, чтобы уважать и признавать Герде—лера как главного вдохновителя германского мятежа...»

Верхи германской социал-демократии, таким образом, в первый период войны лелеяли тщетную надежду на то, что генеральный штаб свергнет Гитлера и остановит войну на Западе, пока она не приняла широких масштабов.

Интересно рассмотреть, какое влияние оказали переговоры в Ватикане зимой 1939/40 г. и предложение Галифакса на внешнеполитическую позицию социал-демократической эмиграции.

Эдуард Бенеш рассказывает, как он, по возвращении из своей неудачной поездки во Францию 4 декабря 1939 г., снова принял Якша. Последний заявил, что мир может наступить раньше, чем предполагают и что поэтому ему необходимо добиться урегулирования с чехами вопроса о Судетах. Бенеш рассказывает далее об этом посещении:

«В это время мне было известно, что Якш вскоре после начала войны разработал широкую программу создания «Великой Германии», включающей Центральную Европу, и что он распространял эту программу в политических кругах Великобритании и в особенности среди лейбористов. В ней подчеркивалось, что немцы в Чехословакии должны образовать самостоятельную, независимую от нас государственную единицу. И мы сами должны были быть включены в некую странную центрально-европейскую федерацию, в которой ведущая роль должна была принадлежать немцам...»

Имея в виду послевоенные события, следует подчеркнуть, что буржуазное влияние в рядах германской социал-демократии, проводниками которого были правые социал-демократические лидеры, делало эту группу орудием германской империалистической экспансии.

Клика лидеров германской правой социал-демократии всегда была прислужником империалистов. Об этом свидетельствует шовинистическая позиция «кайзеровских социалистов» во время первой мировой войны. Об этом говорит авантюра в Прибалтике и последовавшая за ней война против поляков, готовность принять участие в интервенции и «фронте окружения» Советского Союза, а также тайная германская ремилитаризация в годы между двумя войнами. Это течение связано с именем Густава Носке.

В период второй мировой войны мы видим те же политические черты и те же течения среди раздробленных и уже бессильных лидеров правых социал-демократов как в эмиграции, так и на родине. Последовательная мюнхенская линия британской политики, а также переговоры в Ватикане и предложение Галифакса немецкой «верхушечной оппозиции» способствовали разжиганию империалистических устремлений среди правых социал-демократических лидеров. Можно сказать, что было получено официальное британское благословение на немецкую экспансию на Восток.

Весьма типична в этом отношении эволюция находившихся в Лондоне германских социал-демократов за период с августа до декабря 1939 г. Их аппетиты разгорались. В августе Якш говорил еще о самоуправлении судетских немцев в восстановленной Чехословакии. В декабре картина изменилась. В это время у Якша был уже готов план создания «Великой Германии», возглавляющей центральноевропейскую федерацию; самоуправление на сей раз предоставлялось чехам.

Этот проект был разработан не Гитлером, и не Альфредом Розенбергом. Он был составлен в атмосфере «демократического» Лондона немецкими социал-демократическими эмигрантами, которые, подобно германской буржуазии, были опьянены великогерманскими мечтами, стимулируемыми предложениями Галифакса. Эти военные мечтания неразрывно связаны с шовинизмом и агрессивностью современных германских право-социалистических лидеров Шумахера и Карло Шмида.

Анализируя политическую платформу германской «верхушечной оппозиции», следует также обратить внимание и на вторую составную часть этой оппозиции — на остатки старой католической центристской партии, представленные в Германии Якобом Кайзером и бывшим министром Андреасом Гермесом, а в эмиграции — бывшим рейхсканцлером Генрихом Брюнингом. Эти элементы также пошли в кильватере Карла Герделера и военной группы, прокладывая путь «христианским демократам» Аденауэра.

Старой католической центристской партии, так же как и социал-демократическим лидерам, никогда не была чужда идея германской экспансии на Восток, воплощенная в грабительских походах Гитлера периода второй мировой

войны. Достаточно вспомнить, что идею господства Германии на Балканах и в Дунайском бассейне пытались постепенно осуществить путем договора о германо-австрийской таможенной унии, подписанного министром иностранных дел правительства Брюнинга Курциусом 19 марта 1931 г. совместно с австрийским министром д-ром Шобером.

Назначение этого договора было ясно изложено 6 апреля 1931 г. официальным органом партии центра газетой «Германия», который в комментариях к новому договору ссылался на роль германской таможенной унии в деле объединения государства в прошлом столетии:

«Поставьте вместо Штуттгарта и Мюнхена Прагу, Будапешт, Бухарест или Белград, и ситуация будет почти соответствовать теперешней. То, что тогда было экономической заповедью в раздираемой бесчисленными таможенными барьерами Германии, теперь необходимо распространить на экономику всей Средней и Юго-Восточной Европы».

Это означает объявление войны современным монополистическим капитализмом всем национальным государствам, границы которых стали слишком узкими для ненасытной жажды экспансии финансового капитала и централизованной крупной промышленности. Эта буржуазно-католическая программа направлена на уничтожение таможенных преград и пограничных столбов, мешающих росту германской империи, на захват новых сырьевых баз, рынков и районов колонизации на Востоке. У партии центра также был свой агрессивный империалистический план великогерманской экспансии, при помощи которого рассчитывали найти «выход» из кризиса тридцатых годов.

Одной из смертельно опасных иллюзий, распространявшихся после второй мировой войны в связи с планом Маршалла, ремилитаризацией Германии и Атлантическим пактом, являлось утверждение, что германская империалистическая агрессия началась с приходом к власти Гитлера и прекратилась после разгрома нацизма. Корни германского империализма уходят гораздо глубже. Он цвел пышным цветом во времена Гогенцоллернов, он продолжал расти и после поражения Германии, в годы между двумя войнами. Он угрожающе расцвел после кризиса 1929—1933 гг. Представители тех же империалистических экспансионистских течений играют после войны все более

значительную роль в Западной Германии и в боннском правительстве, опирающемся на англосаксов.

Поучительно наблюдать, как в различные периоды второй мировой войны подготовленные «верхушечной оппозицией» экспансионистские планы новых разделов Европы сменяют друг друга. Вдохновленные мюнхенским курсом Англии, эти планы неизменно протаскивают идеи подчинения «Великой Германии» всей Европы.

Органической составной частью этих планов является также представление о монополистической Германии, как о руководящем финансово-промышленном центре, господствующем над своим «жизненным пространством», которому отводится более скромная роль сырьевой базы и поставщика продовольствия «народу господ» и которое должно служить придатком германской экономики.

На базе мюнхенских проектов и плана Галифакса началась разработка планов создания «Великой Германии», дополненных планами Дунайской и Балканской федераций, подчиненных Германии. В более поздний период войны «верхушечная оппозиция» уже приспособила свои планы к проектам «Европейского Союза», в котором Германия также должна была после войны занять ключевые позиции.

Немецкая «верхушечная оппозиция» усиленно разрабатывала планы раздела Европы в связи с некоторыми осторожными британскими попытками заключить мир в начале 1942 г., осуществленными через бывшего верховного комиссара в Данциге Карла Буркардта, который в начале года был в Англии. Ульрих фон Гассель встретился с Буркардтом 20 января в Женеве и потом записал в своем дневнике:

«Важнейшим событием в Женеве для меня была продолжавшаяся два с половиной часа беседа с Карлом Буркардтом, который четырнадцать дней тому назад вернулся из Англии. Он оказался, вопреки ожиданиям, не таким безнадежным в вопросе... об условиях мира... Правда, он не видит никаких шансов на заключение мира с нацистским режимом (в лучшем случае — диктат)... В правительственных кругах в широчайшем смысле этого слова — причем не только в кругах Галифакса и Хора, но и в кругах, близких Черчиллю, а также и в придворных кругах — господствует лозунг, что можно добиться согла-

шения в случае смены руководства в Германии. Неоднократно возникал вопрос о генералах... Наблюдается весьма скептическое отношение к возможности перемен в Германии... Что касается условий мира, то Карл Буркардт — так он говорит — только намекнул, что будет выдвинуто требование о границах 1914 г. Повидимому, это вызвало известное удивление — из-за скромности требования. ...»

Один из вариантов передела Европы содержится в программе, которую немецкая «верхушечная оппозиция» на церковном собрании в Стокгольме в мае 1942 г. передала через евангелического священника Дитриха Бонхеффера британскому епископу Чичестерскому Джорджу Беллу. После изложения организационной структуры оппозиции и ее военных и политических органов следовал обзор планов будущего устройства Европы. Журналист Хельге Кнудсен резюмирует эту программу следующим образом:

«Заговорщики добивались не только децентрализации Германии, но и включения ее в европейский союз свободных государств, в который должна была войти также и Англия. Народы должны тесно сотрудничать друг с другом и политически, и экономически, ибо это явится лучшей гарантией против европейского милитаризма. Свободная Польша и свободная Чехословакия должны получить свое место в Европейской федерации. Федерация будет иметь свою армию и свой совет, который объединит страны... Епископ Чичестерский уехал обратно в Лондон, увезя с собой два вопроса оппозиции: согласны ли союзники вести переговоры с ней? И согласны ли они заявить об этом?»

Еще не было предпринято никаких реальных шагов, чтобы свергнуть Гитлера и остановить грабительский поход нацизма, а «верхушечная оппозиция» с традиционной немецкой основательностью уже разработала план урегулирования не только германских, но и европейских проблем по немецкой схеме. Однако, оккупированные страны, такие как Польша и Чехословакия, отнюдь не горели желанием стать участниками Европейской федерации, в которой Германия играла бы первую скрипку. Их непосредственная цель заключалась скорее в том, чтобы избежать всего того, от чего пахло немецкой опекой.

Характерно, что генеральская оппозиция, выдвигавшая при переговорах в Ватикане откровенную великогерман-

скую программу, теперь сменила этикетку и действовала под более ходовым лозунгом «Европейской федерации»... две формы, одна цель!

Однако предложение через Дитриха Бонхеффера было сделано в Лондоне в психологически чрезвычайно неудачный момент. Советский Союз вышел победителем из зимней военной кампании, выиграл сражение под Москвой и нес на себе основную тяжесть борьбы с гитлеровской Германией. Только что был подписан русско-британский договор о союзе и решительная русская инициатива только что вынудила Великобританию пересмотреть свою прежнюю мюнхенскую политику и начать переговоры с чешским эмигрантским правительством.

В такой момент немецкий запрос, мягко говоря, напоминал действия необычайно неуклюжей собаки, мешающей игре в кегли. По словам Хельге Кнудсена, министр иностранных дел Англии Антони Иден предпочел при данных обстоятельствах передать этот документ в архив немецкого отдела Форин-офиса, не давая на него никакого официального ответа.

Международное соотношение сил существенно изменилось по сравнению с необычайными зимними месяцами 1939/40 г., когда через линии фронтов можно было вести переговоры о новом германо-английском сговоре и новой группировке западноевропейских великих держав, направленной своим острием против Советского Союза. Основное в этой изменившейся ситуации заключалось в том, что никакое урегулирование европейских вопросов не могло быть осуществлено без участия великого социалистического государства.

План Галифакса — тормоз в освободительной борьбе чехословацкого народа

Переговоры в Ватикане были не только германо-английским делом. Две великие державы пытались решить вопрос о будущем также и других народов. Как уже упоминалось, Польша была предана и поставлена в безвыходное положение; не менее вредоносным был план Галифакса и для освободительной борьбы в Чехословакии. Может быть мало кто думает об этом сегодня, но факт остается фактом, что прошло почти три года после

объявления войны, прежде чем английское правительство окончательно отказалось от положений мюнхенского договора, касающихся Чехословакии.

Многочисленная буржуазно-националистическая чехословацкая эмиграция, возглавлявшаяся бывшим президентом Эдуардом Бенешем, с первых дней войны в Западной Европе предоставила себя в распоряжение Франции и Англии для борьбы с Германией. Но прошло еще много времени, прежде чем она получила разрешение образовать чехословацкое эмигрантское правительство, которое из-за границы могло бы организовать сопротивление оккупационным властям.

В первый период политические деятели из чехословацкой эмиграции возлагали наибольшие надежды на французскую помощь. Франция ведь сама являлась континентальной державой и до 1938 г. была официальным союзником Чехословакии. В Париже, наверное, пошли бы на создание чехословацких воинских соединений, своего рода иностранного легиона, который всегда мог пригодиться. Официальный договор об этом был подписан 2 октября 1939 г. между французским правительством и старым чехословацким посольством. Но как только был поднят вопрос о политическом статусе и будущем месте Чехословакии в Европе, правители «воюющей» Франции сразу же заняли уклончивую позицию.

В своих воспоминаниях о периоде войны покойный президент Эдуард Бенеш подробно описывает разочарование и горечь чешских эмигрантов в связи с недоброжелательной позицией Франции. Вначале Бенеш в переговорах с кабинетом Даладье в целях получения санкции на создание чехословацкого правительства пользовался услугами крайне консервативного католического политика Яна Шрамека. Однако Даладье не хотел терпеть на французской земле официальных чехословацких правительственных властей; в крайнем случае он соглашался только на «национальный комитет». О ходе переговоров Бенеш рассказывает:

«Все эти переговоры были чрезвычайно трудными и неприятными, в известной степени прямо-таки унижительными для наших людей. В течение долгого времени они действовали на всех нас угнетающе...»

6 октября 1939 г. Бенеш переправился через канал из Лондона, чтобы лично принять участие в переговорах. Это, как он сам рассказывает, только ухудшило положение.

«Планы Даладье заключались в том, чтобы помешать созданию чехословацкого правительства... После невероятно трудных переговоров французское правительство согласилось лишь на создание чехословацкого национального комитета с весьма ограниченными полномочиями. Даладье и близкие ему круги вели себя в данном случае в отношении нас еще хуже, чем Франция держалась по отношению к царской России в период первой мировой войны.

Во время пребывания в Париже общее положение в стране через месяц после начала войны произвело на меня тяжелое впечатление. Я не видел никаких оснований скрывать этого от своих друзей, и после двухнедельного пребывания уехал обратно в Лондон. Я решил не возвращаться в Париж до окончания войны...»

Что касается позиции Англии в тот период, то здесь Бенеш более сдержан. Он подчеркивает, что британское правительство, в противоположность Даладье, не хотело исключить его из чехословацкого национального комитета, но добавляет лаконически: «Оно также придерживалось мнения, что слишком рано создавать чехословацкое правительство. ...»

Это бросает свет на результаты переговоров в Ватикане. Эти переговоры объясняют странную позицию западных держав в первый период войны в вопросе об освобождении Чехословакии. Нельзя же было обещать германской «верхушечной оппозиции», что вопрос о чехах будет считаться внутренним немецким вопросом и одновременно брать на себя обязательство дать тем же чехам полное возмещение за Мюнхен, восстановив старое государство со старыми границами!

Дело не в том, что продолжало действовать старое мюнхенское соглашение 1938 г. В гораздо большей степени на политику западных держав в Восточной и Центральной Европе накладывали свой отпечаток проекты третьего Мюнхена. Линия примиренчества с «Великой Германией» попрежнему доминировала в англо-французской политике.

Только после падения Франции наступило частичное изменение в британской политике по отношению к Чехословакии. 9 июля 1940 г. в Лондоне было образовано первое чехословацкое эмигрантское правительство, которое было условно признано Великобританией после того, как чехословацкая дивизия была переведена в Англию.

Но даже и в этом случае англичане сделали ряд важных оговорок: новое правительство Бенеша не было юридически равноправно со всеми остальными правительствами и Англию при нем представлял только «делегат» Брюс Локарт, а не посол. В официальной ноте об условном признании чехословацкого эмигрантского правительства от 21 июля 1940 г. лорд Галифакс, помнивший, конечно, свои широкие обещания немцам, сделал еще две важные оговорки:

«Сообщая Вам это, я хочу разъяснить, что правительство его величества не намерено связать себя заранее этим признанием в вопросе о поддержке некоторых будущих границ в Центральной Европе. Я хочу добавить также, что нельзя исходить из того, что правительство его величества согласно с тем заключением, которое Вы делаете в Вашем письме, что правительство его величества после событий 15 марта 1939 г. заняло определенную позицию в вопросе правопреемства Чехословацкой республики...»

Здесь сохранена старая двусмысленная позиция британского правительства; оно попрежнему отказывается подчеркнуть юридические последствия мюнхенского диктата и в первую очередь отказывается от всяких обязательств содействовать тому, чтобы Чехословакия при будущем урегулировании вернула свои старые границы. Путь к новому компромиссу с «Великой Германией» попрежнему оставался открытым.

Мало кому известно, что правительство Гитлера после капитуляции Франции различными путями пыталось «урезонить Англию» и уговорить ее заключить сепаратный мир. Германский дипломат Ульрих фон Гассель рассказывает в своих заметках, что нацисты пытались добиться этой цели через различные нейтральные государства. Особенно энергично действовал в качестве посредника швейцарский посланник в Лондоне Параччини и бывший верховный комиссар в Данциге Карл Буркардт, который в начале июля

1940 г. организовал встречу между представителем гитлеровского правительства князем Гогенлоэ-Ротенхаусом и британским посланником в Берне Келли. Однако, когда Келли поставил вопрос о возможных правительственных изменениях в Германии, Гогенлоэ отказался его обсуждать.

Несколько месяцев спустя Карл Буркардт снова выступил в роли посредника в вопросе о заключении мира от имени правительства Черчилля. 30 января 1941 г. Ульрих фон Гассель получил от него сообщение, которое Гассель излагает следующим образом:

«Некоторое время назад финский искусствовед профессор Танкред Бурениус, который в течение многих лет жил в Лондоне, пришел к нему и заявил — явно по поручению английских кругов, — что попрежнему есть возможность заключить разумный мир. У него были очень тесные связи с м-ром Х и он был убежден в том, что в английском кабинете существуют подобные намерения и что замена Галифакса Иденом является только попыткой уравновесить силы.

На вопрос Буркардта Бурениус ответил, что Голландия и Бельгия должны быть восстановлены как независимые государства. Дания остается сферой германских интересов. Польша (без бывших германских провинций) должна быть восстановлена в том или ином виде из соображений престижа, «поскольку Польша так мужественно боролась за Англию». А вообще на Востоке не будет никаких особых сфер интересов, также и для Чехословакии. Бывшие германские колонии остаются германскими. Британская империя остается неурезанной. Англия не чувствует особой любви к Франции. На вопрос об итальянских требованиях последовал контрвопрос: «Серьезно ли Германия поддерживает их? В этом вопросе нужно считаться с Францией...»

Главная трудность опять-таки состояла в вопросе, с кем заключить мир. Снова осторожно прощупывались возможные изменения в германском правительстве. Предполагалось, что Гассель затем передаст предложения статс-секретарю Вейцзекеру. В этом причина британской сдержанности в отношении будущего Чехословакии. В Лондоне в этот период были готовы передать немцам даже Данию. В жертву англо-германскому сближению

должны были быть принесены свобода и независимость малых европейских государств.

Эта двурушническая британская политика проводилась почти в течение года после признания чехословацкого эмигрантского правительства. Только тогда, когда Советский Союз вступил в войну, правительство Черчилля сочло необходимым еще немного пойти навстречу чехам, но опять сделало только полшага в деле выполнения требований эмигрантского правительства.

5 июля 1941 г. русский посол в Лондоне Майский сообщил чехословацкому эмигрантскому правительству, что Советский Союз готов полностью поддержать самостоятельность Чехословакии и обменяться с ним послами. 16 июля Майский сделал Бенешу предложение заключить договор о союзе и взаимопомощи, предусматривающий также создание национальных чехословацких союединений на восточном фронте.

Перед лицом этой ясной позиции советского правительства Англия вынуждена была пересмотреть свою позицию. Поэтому 18 июля 1941 г. министр иностранных дел Идеи в ноте чехословацкому министру иностранных дел Масарику заявил, что британское правительство готово окончательно признать существующее эмигрантское чехословацкое правительство как равноправную со всеми другими союзными правительствами сторону, а также обменяться с ним послами. Однако, что очень характерно, в двух важнейших пунктах британское правительство сохранило свои старые оговорки. По вопросу о правопреемстве чехословацкого правительства Идеи писал:

«Позиция, занимаемая правительством его величества, нашла свое отражение в письме, которое мой предшественник послал д-ру Бенешу 21 июля 1940 г. Правительство его величества откладывает обсуждение этого вопроса до более подходящего момента. Чтобы помешать возникновению возможных недоразумений, я хочу сообщить, что правительство его величества сохраняет свою точку зрения, сообщенную в письме моего предшественника, по территориальному вопросу, то есть данной нотой оно не связывает себя признанием или поддержкой требований каких бы то ни было будущих границ в Центральной Европе».

За подобными дипломатическими фразами британское правительство пряталось в течение еще одного года войны.

С одной стороны, «окончательное признание» эмигрантского правительства Чехословацкой республики, с другой — последовательный отказ поддержать его естественные требования о восстановлении республики в старых границах. Таким образом, мюнхенская политика попрежнему оставляла глубокий отпечаток на позиции Англии в европейских проблемах. Правительство Черчилля предпочитало держать приоткрытой дверь с черного хода для новых переговоров с немцами по вопросам границ даже в такой период, когда активная советская политика вынудила «правительство его величества» отступить с павших бастионов!

Следует также обратить внимание на то, что правительство Рузвельта в вопросе о будущем Чехословакии двигалось вперед точно такими же темпами, как и его британский союзник. 31 июля 1941 г. посол Рузвельта в Лондоне сообщил чехословацкому эмигрантскому правительству о его формальном признании Соединенными Штатами и предложил обменяться послами. Бенеш прибавляет к этому еще следующее:

«Одновременно было сообщено, что правительство Соединенных Штатов не берет на себя никаких обязательств по вопросу об окончательных границах в будущем...»

Следующий шаг в политике британского правительства в этом вопросе был сделан уже летом 1942 г. Бенеш пишет об этом:

«В этот момент мы получили косвенную помощь от Советского Союза... 9 июня 1942 г. у меня был продолжительный разговор с Молотовым в Лондоне. Мы договорились об основной линии нашей общей военной политики, и Молотов заявил, что Советский Союз признает нашу республику с ее домюнхенскими границами и что он никогда не признавал и не признает того, что произошло в Мюнхене и после Мюнхена. Я получил также его согласие на то, чтобы сообщить это нашему народу и всей международно-общественности...»

Благодаря этому официальному русскому заявлению, Бенеш получил в руки как раз ту карту, которая ему больше всего была нужна для возобновления зашедших в тупик переговоров с британским правительством. Дело в том, что английское правительство в этот период особенно бдительно следило за каждым шагом Советского

Союза и никоим образом не хотело, чтобы его опередили в установлении связей с государствами Центральной и Восточной Европы. 25 июня 1942 г. министр иностранных дел Идеи имел встречу с Бенешем, о которой последний рассказывает:

«Идену особенно хотелось знать, заключили ли мы какой-нибудь конкретный договор с Молотовым об отношении к Мюнхену; ему хотелось знать и о перспективах наших отношений с русскими в будущем... Ему также хотелось знать, не сообщали ли мы русским в Лондоне о наших переговорах с британским правительством о ликвидации последствий Мюнхена. Я заверил, что нет. Чехословакия закончит переговоры по мюнхенскому вопросу непосредственно с каждой стороной, без какого-либо нажима извне...»

Ясное заявление Молотова, несомненно, явилось важным фактором, заставившим Англию отказаться от продолжения мюнхенского курса. Но представители британского правительства действовали крайне медленно и прошло еще почти два месяца после заявления Молотова, прежде чем Лондон предпринял очередные осторожные шаги в этом направлении. Только 5 августа 1942 г. министр иностранных дел Идеи сделал заявление в палате общин, в котором, в частности, сказал:

«Я добавил, что поскольку Германия намеренно порвала договор 1938 г. о Чехословакии, правительство его величества считает себя свободным от всяких обязательств в этом отношении. Когда после войны границы Чехословакии будут окончательно установлены, британское правительство не будет принимать во внимание никаких изменений, имевших место после 1938 г....» Попрежнему не было дано ясной гарантии того, что Чехословакия будет восстановлена в своих старых границах. Так далеко правительство Черчилля идти не собиралось.

Следует обратить внимание на то, что в разгаре этих сложных чешско-русско-британских переговоров Дитрих Бонхеффер сделал в Лондоне новое предложение о будущем разделе Европы. Но Англия была уже вынуждена переменить линию своей политики в Центральной Европе. Оккупированные страны требовали полной самостоятельности, а не немецкого господства в той или иной форме. Поэтому Идеи счел наиболее разумным оставить послед-

нее немецкое предложение без ответа, передав его, к большому негодованию «верхушечной оппозиции», в архивы Форин-офиса.

Германская социал-демократическая эмиграция в Лондоне считала себя обманутой и преданной британскими покровителями в связи с крахом еще одного проекта «Великой Германии». Бенеш рассказывает:

«Позже я узнал, что Якш от имени своей партии послал решительный протест президенту Рузвельту, когда Великобритания отказалась от Мюнхена. Копии этого протеста я не получал...»

Лондонские переговоры о будущем Чехословакии представляют собой поучительную главу истории, рассказывающую о том, как мюнхенский курс проводился в первые три года войны. Они одновременно показывают, что именно внешняя политика Советского Союза в этот период обрекла на провал все великогерманские планы экспансии и обеспечила народам Центральной и Восточной Европы свободу и государственную независимость. Следует твердо помнить об этом сегодня.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИЕ ПЛАНЫ НАПАДЕНИЯ НА СССР

**Финская кампания как предлог
для „европейского крестового похода“ против
страны социализма**

Когда немецкая «верхушечная оппозиция» зимой 1939/40 г. усиленно пыталась договориться с западными державами, то это отчасти объяснялось развитием событий за пределами Германии. Но вовсе не финская кампания послужила основной причиной этого оживления. Круги немецкой оппозиции придавали большое значение союзу Германии с западными державами.

В связи с этим следует подчеркнуть, что выражение «немецкая мирная оппозиция» является неудачным. Она добивалась вовсе не мира, а совсем других целей. Она хотела использовать союз с западными державами для проведения оголтелой антисоветской политики. Антисоветские устремления более всего типичны для «верхушечной оппозиции». Весьма показательно, что оппозиция обрушилась с особенно сильной критикой именно на пакт о ненападении, заключенный между Германией и Советским Союзом. Небезинтересно присмотреться поближе к этой «критике».

10 октября 1939 г. состоялось важное совещание между политическим руководителем «верхушечной оппозиции» Карлом Герделером и Ульрихом фон Гасселем, экспертом оппозиции по внешнеполитическим вопросам. Гассель в своем дневнике приводит эту беседу и подчеркивает, что между ним и Герделером царил полное единство взглядов в оценке существующего положения. Их мнение было зафиксировано следующим образом:

«По его [Герделера] мнению, политика войны является преступным легкомыслием и в отношении России она представляет огромную опасность... В настоящий момент, когда по нашей собственной вине сложилась трудная

обстановка, мы, чтобы выйти из этого положения, пожертвовали всеми важными во внешнеполитическом отношении позициями: Балтийским морем и восточной границей. Если даже совсем умолчать о политически аморальном отказе от прибалтийских стран, то теперь существует серьезная угроза нашему господству на Балтийском море, а в случае военного конфликта с Россией — также и угроза для вывоза руды из Швеции. Однако все это отступает на задний план перед легкомысленной уступкой большой и важной части нашей территории — районов немецко-лютеранской культуры и районов, ранее принадлежавших Австрии (Восточной Галиции), — уступкой тому самому большевизму, с которым мы боролись не на жизнь, а на смерть в далекой Испании.

Наступление большевизма по всему фронту и вблизи от наших границ, а также неизбежное распространение социализма в связи с экономическими трудностями, должны вызвать в Германии опасные внутривнутриполитические последствия».

Здесь совершенно ясно сказала антисоветская направленность немецкой оппозиции. Руководители оппозиции жестоко упрекают и осуждают Гитлера за то, что он, якобы, изменил последовательной антисоветской политике старого «национального блока» и отказался от господства над Балтийским морем и обширными восточными районами, граничащими с Советским Союзом, и тем самым «сдал исторические позиции Германии».

Вся платформа оппозиции покоилась на старой германской империалистической концепции: прибалтийские страны рассматриваются как район «лютеранско-немецкой» культуры, а Восточная Галиция (Западная Украина) с преобладающим украинским населением в глазах «верхушечной оппозиции» продолжала оставаться «староавстрийской землей». С точки зрения оппозиции, задача немецкого правительства должна была состоять в присоединении к Германии всех этих «немецких земель», а также западных районов Польши. Путем заключения мира с западными державами оппозиция рассчитывала объединить силы Западной Европы для войны с СССР.

Первый раздел меморандума, врученного Ульрихом фон Гасселем 22 февраля 1940 г. представителю лорда Галифакса в Италии, неплохо характеризует взгляды

немецкой «верхушечной оппозиции». Он гласил без обиняков:

«Чрезвычайно важно как можно скорее покончить с этой бессмысленной войной. Такая необходимость диктуется тем, что все время растет опасность, что Европа будет совершенно разрушена и прежде всего большевизирована».

Оппозиция считала возможным добиться поворота фронта. Вместо «междоусобной войны» между капиталистическими государствами должен быть организован «крестовый поход» Запада против социалистического мира. Неудивительно поэтому, что финская кампания послужила толчком к активизации закулисной деятельности немецкой «верхушечной оппозиции». Ей весьма улыбалось заявление Чемберлена, сделанное им в палате общин: «никто не знает, какое направление примет война».

Не надо быть пророком, чтобы сказать это...

Как уже указывалось, толчком для первых германо-британских переговоров о мире на Западе послужила финская кампания. Какое место она займет в истории? Западные историки лживо утверждают, что Финляндия подверглась неспровоцированному «нападению» со стороны своего могущественного соседа.

Совершенно иначе расценивают финскую кампанию все объективные исследователи.

Она служит предостерегающим примером того, что в век империализма может произойти с малым государством, правители которого проводят провокационную политику в твердой уверенности, что великие западные державы являются незыблемыми владыками всего мира, вследствие чего внешняя политика этой страны сводится лишь к тому, чтобы следовать их директивам.

Правители Финляндии в период между двумя войнами повинны в этой исторической ошибке (другие же повторяют эту ошибку и сегодня), а некоторые из самых неумных финских министров и генералов мечтали, подобно своим польским коллегам, превратить свою страну в «форпост Европы, расширяющейся в восточном направлении».

Созданное в 1918 г. после первой мировой войны и Октябрьской революции, белофинское буржуазное государство принесло финскому народу много бедствий, так как с самых первых дней своего существования оно было

воодушевлено опасной догмой о том, что Финляндия якобы должна служить трамплином для нападения западных держав на Советский Союз.

Кровавая гражданская война, развязанная в 1918 г. Маннергеймом против финских рабочих, с самого первого момента была тесно увязана с германским вторжением и немецкими планами — нанести с финской территории удар по России и продвинуться к Ленинграду и Белому морю. Только крах Германии в конце 1918 г. помешал осуществлению этих агрессивных германо-финских замыслов.

Когда после Октябрьской революции немцы были вынуждены отказаться от своих планов в Финляндии, их тотчас же сменили в этом деле англичане, вдохновляемые Черчиллем. В течение всего 1919 г. Финляндия служила плацдармом для вторжения англичан в Россию. Сотрудничество маннергеймовцев с британской армией, находившейся в Мурманске, способствовало продвижению в Карелию войск интервентов, а финский порт Бьерке в течение многих месяцев служил морской базой для английских военных судов, блокировавших Ленинград и атаковавших Кронштадт и советский флот.

К тому же реакционные правящие круги Финляндии отнюдь не собирались удовлетвориться прежними границами Финляндии. Агрессивные империалистические устремления пустили глубокие корни среди финской буржуазии. В период между двумя войнами велась усиленная агитация за создание «Великой Финляндии», которая должна была отрезать России доступ к Атлантическому океану путем присоединения Восточной Карелии и расширения границ Финляндии до Мурманска и Белого моря, не считаясь с историческим прошлым и составом населения в этих районах. Кроме того, финские реакционеры легкомысленно попытались зимой 1921/22 г. использовать временную слабость советского государства и в нарушение Дерптского мирного договора совершили вооруженное нападение на пограничные области Восточной Карелии. Еще долго после этой авантюры буржуазные круги Финляндии продолжали вести оголтелую антисоветскую агитацию.

Завоевательные планы Запада по отношению к Советскому Союзу постоянно давали о себе знать в Хельсинки. Когда в Париже в тридцатых годах вынашивались планы

нападения на СССР через прибалтийские страны, финский национализм снова разгорелся, и началась новая анти-советская кампания. А когда в середине тридцатых годов Гитлер разработал свои военные планы в расчете на заговор Тухачевского, нацисты вовсе не напрасно искали себе союзников в Финляндии.

В 1936—1937 гг. без труда можно было обнаружить заметное немецкое влияние на финскую политику, хотя пресса северных стран и старалась по мере сил скрыть это явление, таящее в себе опасность для всех северных стран, в том числе и для расположенных на другом берегу Ботнического залива. В то же время для беспристрастных наблюдателей, которых в то время в Скандинавских странах было мало, факты были достаточно ясны.

Правда, в феврале 1937 г. финский министр иностранных дел Холсти, нанес визит в Москву, с тем, чтобы успокоить общественное мнение и подчеркнуть нейтральную позицию Финляндии. Американский посол Дэвис писал в своем дневнике по поводу визита Холсти:

«Возникли различные предположения, не будет ли это означать, что существуют возможности расширения этого договора (финско-русского пакта о ненападении) в смысле включения в него также пунктов о взаимных обязательствах по обороне...»

Но в Хельсинки не желали пойти по этому естественному пути восстановления финско-русского взаимопонимания. Там, наоборот, стремились использовать географическое положение Финляндии для превращения ее в военный плацдарм великих западных держав для удара по северному флангу России.

Более того. Вскоре после этого появился целый ряд убедительных доказательств, что финские агрессивные круги включились в довольно далеко идущий заговор, запланированный нацистами. Сначала появились сенсационные разоблачения немецких попыток обеспечить себе тайную базу в порту Петсамо. Было доказано, что немецкие представители (вместе с финскими сообщниками) стремились— под предлогом подыскания «рыбных концессий»— захватить контроль над обширными районами, расположенными вокруг порта Петсамо и находящимися в непосредственной близости от базы русского флота в Мурманске. Даже газета аграрной партии, выходящая в Норд-

ланде, «Кансан тью» писала 22 сентября 1937 г. об этой немецкой попытке проникновения в страну следующее:

«Это дело представляется нам весьма тревожным. Чем руководствовались финны, содействовавшие немцам в этом деле? И каким образом можно объяснить рвение и готовность, с которыми многие государственные чиновники способствовали допущению немцев в финский порт? Мы требуем, чтобы правительство нашей страны позаботилось о том, чтобы лишить немцев возможности завладеть этим портом».

Следует обратить внимание на то, что приведенные выше финские сообщения появились на свет непосредственно после разоблачения немецких планов нападения на Советский Союз во время крупных процессов по делу троцкистско-бухаринской банды. Дело еще более осложнилось, когда при раскрытии местных троцкистских шпионских гнезд оказалось, что финские агенты совместно с немецкими агентами Канариса развернули широкую деятельность в Карелии вдоль важного объекта — Мурманской железной дороги. Американский посол в Москве Дэвис 22 сентября 1937 г. лаконически отметил этот факт в своем дневнике:

*

«Сообщают о раскрытии серьезного заговора в Карелии, цель которого состояла в том, чтобы отрезать Мурманск и Кольский полуостров путем занятия железной дороги, ведущей к этому району несколько южнее Петрозаводска. По слухам, в деле были замешаны немецкие и финские агенты...»

Нельзя отрицать, что участие гитлеровских агентов в этих авантюрах осветило события по-новому и доказало, что их финские соучастники были хорошо осведомлены о нацистских планах нападения на СССР и содействовали его подготовке. Факты говорят о том, что Гитлер сильно рассчитывал на привлечение в союзники финнов в агрессии против Советского Союза. Привлечение финских милитаристов на свою сторону не составило немцам большого труда — достаточно было поманить их перспективой «Великой Финляндии» и восточной границей, проходящей у Белого моря.

Бывший лидер финских социал-демократов Вайне Таннер, осужденный после второй мировой войны как военный преступник, рассказывает в своих воспоминаниях, что

Советский Союз едва ли не с самых первых дней своего существования пытался добиться взаимопонимания с Финляндией по вопросам обороны Ленинграда и Финского залива на случай войны в Европе.

В период перед Мюнхеном и в момент подписания мюнхенского пакта финские правительственные круги не сумели понять перемен, происшедших в соотношении сил в Европе. В это время министерство иностранных дел в Хельсинки ориентировалось исключительно на блок четырех западноевропейских держав, острием своим направленный против Советского Союза. Оно воображало, что можно совершенно игнорировать Советский Союз и его жизненные интересы!

Наиболее ясно эта точка зрения проявилась в 1938 г., когда немцы выставили требование вооружения финнами Аландских островов, чтобы в случае войны с них можно было «защищать» транспорты руды, идущие из Швеции. В Хельсинки значительно более внимательно прислушивались к немецким агрессорам, чем к представлениям, делавшимся их великим восточным соседом. В 1926 г. Финляндия подписала международную конвенцию о демилитаризации этих островов. Тем не менее, очевидно по немецкой указке, финны пытались пересмотреть это важное соглашение, даже не советуясь с Советским Союзом. Финское правительство ограничилось лишь переговорами с западными державами.

Такой односторонний курс Финляндии при создавшейся угрожающей международной обстановке можно было рассматривать, как обдуманный провокационный акт по отношению к Советскому Союзу. Положение не изменилось от того, что Финляндия при проведении этой авантюристической политики нашла себе поддержку в столицах других северных стран.

Такую же неумную и вызывающую позицию финские правительственные круги заняли накануне второй мировой войны в решающие летние месяцы 1939 г. Во время неудавшихся англо-франко-русских переговоров об оборонительном союзе, направленном против нового фашистского нападения, решающую роль играли, как известно, требования о гарантиях для пограничных с Германией государств. Советский Союз справедливо настаивал на том, чтобы гарантии, данные западными державами Польше,

Румынии, Турции и целому ряду других государств, были также распространены и на прибалтийские государства.

Так как речь шла о странах, которые непосредственно могли служить военным плацдармом для германского нападения на Советский Союз, то, естественно, эта проблема имела для русских жизненно важное значение, особенно если учесть, что ни одно из этих государств не могло без внешней поддержки устоять против германского нашествия.

Именно в этом решающем вопросе и проявилась наиболее отчетливо роковая двойная игра Чемберлена и К⁰. В Лондоне вовсе не желали брать на себя подобные гарантии, которые предоставили бы Советскому Союзу равные права в рамках проектировавшегося оборонительного союза. Показательно, что даже Уинстон Черчилль поддерживал справедливое русское требование о взаимных гарантиях. 28 июня 1939 г. он дал критическую оценку тогдашней позиции правительства Чемберлена:

«Мне кажется, что русское требование о том, чтобы все мы объединились с целью дать отпор агрессии против прибалтийских стран, является вполне справедливым и разумным, и я надеюсь, что мы его полностью удовлетворим. ..»

Между тем Чемберлен и его министры хотели любой ценой уклониться от принятия на себя четких обязательств в случае нападения гитлеровских армий на Советский Союз и соседние с ним государства. Они отклоняли русские требования, прибегая к демагогическим отговоркам о том, что прибалтийские государства и Финляндия якобы должны сами высказать желание получить такие гарантии. Ни для кого не было тайной, что одновременно с этим британская дипломатия развернула в Хельсинки и в столицах прибалтийских государств оживленную деятельность, направленную на то, чтобы заставить правительства этих стран выступить против русских предложений.

Тогдашний министр иностранных дел Финляндии Юхо Эльяс Эркко играл видную роль в антисоветской интриге Чемберлена, ибо он 6 июня 1939 г. сделал прямое провокационное заявление, направленное против СССР. Вот что говорилось в этом заявлении относительно требования о гарантиях:

«Я пользуюсь случаем разъяснить, что подобная гарантия несовместима с нейтралитетом и самостоятельностью Финляндии и что Финляндия будет рассматривать как агрессора любое государство, которое, руководствуясь такой гарантией, окажет свою так называемую помощь, считая, что государство, которому оно дало гарантии, попало в затруднительное положение. Финляндия сообщила, что желает стоять вне международных группировок великих держав, сохраняя свой нейтралитет всеми находящимися в ее распоряжении средствами и эффективно защищая его».

При сложившейся тогда международной обстановке такая позиция Финляндии была лишена всякой логики. Ведь во время русско-английских переговоров речь шла о гарантиях, которые должны были вступить в силу лишь в случае, если вооруженное нападение уже произошло. Если бы Финляндия первая подверглась германскому нападению, имеющему целью продвижение на Ленинград, то, разумеется, не могло бы быть и речи ни о каком финском «нейтралитете»; вопрос заключался бы в том, каким образом противостоять вторжению, чтобы не пострадали интересы ни Финляндии, ни России. Тем не менее финский министр иностранных дел заявил, что Советский Союз будет рассматриваться как агрессор в случае, если он в целях обороны Ленинграда окажет совместно с западными державами военную помощь Финляндии.

Эту нелепую точку зрения, которая служила излюбленной уверткой западных держав во время московских переговоров при данном соотношении сил можно было рассматривать единственно как доказательство того, что Финляндия скорее согласится на германскую оккупацию и превращение своей территории в плацдарм для действий против СССР, чем примет какую-нибудь помощь от своего восточного соседа. Вот чего добивалось финское правительство, одержимое враждой к СССР.

Положение еще более ухудшилось в результате того, что финское правительство одновременно было крайне податливо в отношении той самой Германии, которая только что осуществила совершенно неприкрытую агрессию, захватив Австрию и Чехословакию, угрозами заставив Литву отдать Мемельский район и одновременно открыто угрожая Польше. С Германией правящие круги Финлян-

дии разговаривали совершенно иным тоном, более заискивающим, чем когда-либо раньше.

Именно летом 1939 г. начальник гитлеровского генерального штаба Франц Гальдер нанес свой нашумевший визит в Финляндию, сильно напоминавший инспекционную поездку вдоль «северного фронта». В речи, произнесенной перед правителями Финляндии, Гальдер заявил следующее:

«Финляндия должна идти по правильному пути даже в тяжелые времена...»

Ответную речь Эркко справедливо можно расценить как один из самых крупных внешнеполитических промахов в истории северных стран. Он без всяких обиняков заявил:

«Мы сердечно приветствуем вас, как представителя увенчанной славой германской армии, неизмеримыми заслугами которой мы восхищаемся. Мы помним о тех больших услугах, которые нам оказала Германия в самый трудный момент нашего существования. Значение этих услуг наиболее ясно проявляется в том, что большинство присутствующих здесь офицеров получило свое образование в германской армии. Даже после пережитых нами тяжелых лет вооруженные силы Германии проявили к нам необычайное благожелательство, которое мы высоко ценим. ...»

Еще на пороге второй мировой войны в Хельсинки праздновали финско-немецкое «братство по оружию», в то время, как министр иностранных дел Финляндии напоминал о том, что все ведущие финские генералы были старыми солдатами кайзеровской германской армии. Финская «политика нейтралитета» имела весьма недвусмысленный крен — к сожалению, в сторону агрессоров. Неудивительно поэтому, что вскоре начали распространяться слухи о тайном германо-финском военном союзе.

Такова была близорукая и провокационная финская внешняя политика, проводившаяся в течение последних месяцев перед началом второй мировой войны. Финское правительство упорно продолжало обострять отношения с СССР также и после начала войны в Западной Европе. Ввиду того, что финская граница проходила в угрожающей близости от второй столицы и важнейшего порта Советского Союза, для советского правительства было

совершенно необходимо заблаговременно установить, находится ли по ту сторону этой опасной границы дружески расположенный сосед или замаскированный враг, который при первой же возможности предоставит свою территорию в распоряжение агрессоров, желающих проникнуть на Восток этим кратчайшим путем.

Стремясь к обеспечению своей безопасности, Советский Союз в октябре 1939 г. предложил правительству в Хельсинки несколько изменить советско-финскую границу с целью укрепления безопасности Карельского перешейка и Финского залива. Финское правительство и на сей раз игнорировало интересы своего восточного соседа и снова наотрез отклонило русские предложения. В результате пагубной политики финских правителей зимой 1939/40 г. возникла финско-русская война.

Для полного разоблачения манипуляций западных держав в период войны в Финляндии имеется еще недостаточно авторитетных исторических материалов. Архивы, в которых они могли бы быть обнаружены, продолжают оставаться под замком. Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что эти важные материалы будут в свое время найдены в министерствах иностранных дел в Хельсинки и в Лондоне. Ключ к пониманию этих событий, безусловно, будет найден в конфиденциальных дипломатических финско-британских переговорах того периода.

Для начала достаточно будет поставить один важный вопрос: кому наруку был финско-русский конфликт в течение первых месяцев после начала войны? В военных мемуарах Уинстона Черчилля можно найти только несколько ценных намеков по этому поводу, но не больше. В этой на шумевшей книге историческая правда принесена в жертву современным политическим интересам Англии.

Уже в первые недели войны англичане разработали весьма важные военные планы, которые в дальнейшем неоднократно изменялись. Черчилль говорит о них в своих мемуарах следующее:

«На четвертый день после того как я встал во главе адмиралтейства (1 сентября 1939 г.), я попросил морской штаб разработать план для удара на Балтийском море... Я назвал этот план «Катарина» в честь Екатерины Великой, так как Россия владела моими мыслями, 12 сентября

я смог уже представить соответствующим инстанциям подробный меморандум...»

Далее Черчилль указывает, что 19 сентября он внес на рассмотрение кабинета вопрос о перевозках руды в Германию через Нарвик и Балтийское море. А десять дней спустя, 29 сентября, Черчилль рекомендовал правительству принять конкретные меры по прекращению этих перевозок.

Черчилль сожалеет в своих мемуарах, что британское правительство в то время не решилось осуществить его план операций в Балтийском море и не приняло мер для прекращения перевозок руды из Скандинавских стран.

Следует отметить, что главари западных «демократий» уже придерживались в этот период тактики вмешательства во внутренние дела северных стран и нарушения их нейтралитета. В это время в политике северных стран ничто не указывало на то, что они добровольно согласятся помогать осуществлению проектов Черчилля. Дело не меняется от того, что Черчилль утверждает, будто Гитлер и адмирал Редер в тот же самый период или несколько недель спустя тоже подготавливали проекты операций против Скандинавских стран.

Британский флот мог проникнуть в Балтийское море только ценой нарушения датского нейтралитета. Если бы перевозки руды были приостановлены, это также означало бы нанесение ущерба интересам Норвегии и Швеции. Можно с уверенностью сказать, что правительства северных стран не согласились бы на изменение своей политики иначе, как под сильным нажимом извне.

Программа действий по оказанию такого нажима и содержалась в предложенном Черчиллем плане «Катарина», в котором он руководствовался исключительно политико-стратегическими интересами Англии. При таком положении, конечно, не принимались во внимание права малых государств, их суверенитет и территориальная целостность.

Между тем правительство Чемберлена принципиально не отвергло предложения Черчилля. Его реализация была лишь отсрочена, пока производился политический и дипломатический зондаж. Большинство членов правительства, видимо, считало, что в первую очередь следует найти

подходящий предлог для столь решительных мероприятий на севере.

Именно таким подходящим предлогом послужила финская кампания. Она как нельзя более соответствовала британским планам в отношении Балтийского моря и Норвегии. Британские агрессивные стратеги получили то, чего желали. Но тут также неизбежно возникает вопрос, была ли эта удача даром неба, ниспосланным англичанам, или же Лондон сам активно стремился создать такую ситуацию, которая сложилась к началу финской кампании.

Стремление британского правительства помешать переговорам о мирном сотрудничестве между Финляндией и Россией особенно ясно проявилось в том, что Великобритания еще до начала войны отправила в Финляндию оружие и военное снаряжение на общую сумму в 40 миллионов долларов. В течение 10 месяцев, предшествовавших войне, США также поставили для Финляндии вооружение на сумму в 1 318 654 доллара. Затем Экспортно-импортный банк предложил Финляндии дополнительные кредиты на вооружение в размере 10 миллионов долларов. Во время переговоров в Москве крупная американская газета «Нью-Йорк Таймс» писала:

«В дипломатических кругах считают... что поддержка США побудит Финляндию тормозить московские переговоры».

В этой безответственной азартной игре финское правительство чувствовало за своей спиной сильных покровителей.

Слишком многое указывает на то, что ни британское министерство иностранных дел, ни английская миссия в Хельсинки не сидели сложа руки, пока финские министры вели переговоры в Москве. Британские и американские посулы и «добрые советы» сыграли осенью 1939 г. немалую роль в деле подогревания упрямства и несговорчивости финнов.

Прежде всего Великобритания вовсе не была заинтересована в мирном урегулировании финско-русских разногласий по вопросу о безопасности Карельского перешейка и Финского залива. Зато когда открытый конфликт стал фактом, одна из британских стратегических целей войны была достигнута.

В политическом отношении правительство Великобритании также добилось значительно лучшего положения по сравнению с тем периодом, когда старый ретивый вояка Уинстон Черчилль впервые представил коллегам-министрам свой план «Катарина». Обстановка складывалась теперь более благоприятно, и этот план легко мог найти «моральное» оправдание.

Для английской пропаганды дело значительно облегчилось. Теперь уже не нужно было говорить, что Великобритания попросту должна, исходя из своих стратегических целей, предпринять агрессивные действия по отношению к Скандинавским странам. Пропаганда легко могла представить дело так, будто бы речь идет о помощи малой нации, подвергшейся «агрессии» со стороны своего могущественного соседа.

Западные державы и пальцем не шевельнули, чтобы помочь Чехословакии и другим жертвам нацистской агрессии, но когда произошел советско-финский конфликт, они вдруг стали в позу «защитников» малых стран. Ввиду изменившейся ситуации был усилен нажим на Швецию и Норвегию, чтобы заставить эти страны согласиться на транзитные перевозки с запада и пропуск войск к финскому театру войны.

Попытки придать войне новое направление с каждым днем становились все более заметными. Уже начавшиеся переговоры между правительством в Лондоне и немецкой «верхушечной оппозицией» сразу же активизировались. Для обеих сторон, ведших переговоры, дело облегчалось тем, что их задача стала теперь более конкретной и не было речи о восстановлении общего мира. Нужен был только мир и полное согласие на Западе, с тем чтобы объединить силы для совместного удара по Советскому Союзу.

Чтобы найти психологическое оправдание этой перемене фронта, потребовалось прибегнуть к помощи отживавшей свой век Лиги наций. Западные державы и «нейтральные» страны собирались использовать ее для того, чтобы публично оклеветать Советский Союз. Западные державы хотели получить от Лиги полномочия на пресловутые санкции, демагогический характер которых был ясен для всех еще со времени итало-абиссинской войны. Был мобилизован также папский престол. Обратились за

советом к самому Муссолини, а он, со своей стороны, послал Гитлеру 9 января 1940 г. письмо с предложением, чтобы Германия присоединилась к общему антисоветскому блоку.

Западные державы были настолько заинтересованы в том, чтобы обеспечить себе мир с Германией, что, не задумываясь, соглашались уступить нацистским агрессорам контроль над Чехословакией и третьей частью Польской республики. Вот как рьяно вдруг принялись «бороться с агрессией».

Войну в Финляндии западные державы стремились использовать в собственных корыстных целях.

Подготовка к наступлению на фронте от Петсамо до Баку

В период второй мировой войны Советский Союз находился под угрозой нападения со стороны двух группировок империалистических держав. Точные планы военноподступательных действий этих двух группировок против Советского Союза, к счастью, так никогда и не удалось согласовать. Наибольшим триумфом русской внешней политики во время войны явилось то, что ей удалось помешать объединению двух вражеских группировок в одно политическое целое для совместного нападения на великую социалистическую державу. Дальновидная советская политика и противоречия внутри империалистического лагеря не допустили такой опасной концентрации сил капитализма.

Первые конкретные планы агрессии против Советского Союза во время второй мировой войны были разработаны вовсе не Гитлером и его генералами. Эти планы увидели свет в первые же месяцы войны в Париже и Лондоне. Англо-французские правители находились в состоянии войны с Гитлером, но отнюдь не были расположены воевать с германским «рейхом».

Весьма не безинтересно ознакомиться с тем, как финская кампания оценивалась в буржуазных кругах так называемых «западных демократий». В противовес официальным версиям, слишком уже хорошо известным, можно, например, согласиться с мнением, высказанным бывшим президентом Чехословакии Эдуардом Бенешем.

Поскольку Бенеш в период эмиграции находился в Лондоне и был близок к влиятельным кругам Запада, он был весьма хорошо осведомлен о всех политических событиях этого времени. В своих мемуарах он пишет о финской кампании следующее:

«Русско-финская война, начавшаяся 30 ноября 1939 г., явилась для меня фактом большого значения, поскольку она должна была повлиять на дальнейший ход событий... Советский Союз хотел всесторонне обезопасить себя от Германии. Он сделал для себя последовательные выводы из того, что произошло: исключение его из Лиги наций и попытка Даладье втянуть Великобританию и Францию в аферы, направленные против Советского Союза. План Даладье заключался в том, чтобы вывести Францию из войны с Германией. Последняя должна была получить возможность мобилизовать все свои силы исключительно для нападения на Советский Союз, после того как будет заключен мир с западными державами».

Вот что скрывалось за спровоцированной Западом финской кампанией. В тот период Бенеш был противником этих планов западных держав. В позиции, занятой западными союзниками по отношению к его порабощенной родине, он не мог не видеть лицемерия и агрессивности. Через свою разведку Бенеш слишком хорошо знал, что в основе финского «крестового похода» скрывалось стремление западных держав втянуть Германию в крупную коалицию, направленную против страны социализма. Он знал также, что его западные покровители могли для достижения этой цели отдать в распоряжение той же Германии его родину — Чехословакию и значительную часть Польши. Поэтому совершенно понятно, что ни Бенеш, ни его группировка в этом отношении не могли одобрять политику Франции и Англии.

Бенеш вынужден был прийти к выводу, что здесь речь идет вовсе не о противодействии завоеваниям и агрессии; поэтому глава чехословацкого эмигрантского правительства в течение этих месяцев придерживался более или менее самостоятельной политической линии, будучи пренебрежительно отодвинут в сторону как беспокойный и неудобный эмигрант. Вот что говорит в этой связи сам Бенеш:

«Я указывал всем моим сотрудникам, что они должны быть попрежнему очень осторожными в своей политике по отношению к Советскому Союзу. В особенности они должны заботиться о том, чтобы не поддаваться влиянию сильной антисоветской пропаганды, проводившейся на Западе и в Соединенных Штатах во время войны между Советским Союзом и Финляндией.

Придерживаясь ориентации на англо-саксов, Бенеш в своих воспоминаниях совершенно сознательно умалчивает об участии Англии в антисоветских махинациях в период финской кампании и направляет всю критику против французского премьер-министра Даладье. Этого совершенно недостаточно, так как ведущая роль Англии в переговорах в Ватикане документально доказана. Кроме того, общеизвестна бурная антисоветская деятельность Черчилля в период финской кампании.

Пропагандистская кампания, преследующая агрессивные цели сколачивания блока для войны с СССР, дошла до кульминационной точки в решении умирающей Лиги наций об объявлении Советского Союза «агрессором» и об исключении его из Лиги наций. Это было совершенно сознательной попыткой западных держав перетянуть нейтральные страны на свою сторону и еще раз перекинуть мостик мира германскому империализму.

Особо интересна здесь закулисная роль американской дипломатии. Бенеш сосредоточивает все свои обвинения — видимо, не желая задеть своих американских друзей, — против американского посла в Париже Буллита:

«В то время и позже политика Буллита основывалась главным образом на его личной антипатии к Советскому Союзу — пишет Бенеш. — Его выступления были всегда насквозь антисоветскими. Это стало еще более очевидно, когда он вместе с Даладье и Боннэ строил планы исключения Советского Союза из Лиги наций вследствие его войны с Финляндией, что и было осуществлено. Именно в связи с этим он отправил известную телеграмму в Вашингтон, в которой сообщил, что теперь он, наконец, полностью удовлетворен. .. Буллит придерживался такой линии поведения вплоть до падения Франции. Он, повидимому, продолжал следовать ей и позднее, уже находясь в США...»

В этот период Буллит не являлся исключением среди американских дипломатов, развернувших усиленную анти-советскую агитацию в связи с войной в Финляндии. Буллит был не просто американским послом в Париже; фактически он возглавлял американский дипломатический корпус в Европе.

Кстати сказать, как раз в эти же самые месяцы президент Рузвельт, а также американский государственный департамент едва не взяли на себя рокового обязательства активно участвовать в попытке «повернуть фронт» во время финской кампании. Знаменитое турне по Европе заместителя государственного секретаря Самнера Уэллеса в первые месяцы 1940 г. ставило целью изучение возможностей сепаратного мирного урегулирования в Западной Европе, направленного против Советского Союза.

Уэллес, как личный представитель Рузвельта, посетил все столицы западноевропейских великих держав. Он вел переговоры и с Гитлером, и с Муссолини; но характерно, что он не был даже уполномочен выслушать точку зрения Москвы! В его интересы не входило быть «посредником» Москвы.

Американский вклад в дело создания на Западе в первый период войны объединенного антисоветского фронта в действительности был гораздо более значителен, чем до сих пор думали.

Лишь падение Франции заставило Рузвельта и его окружение несколько изменить курс.

Для понимания сущности политики западных держав в первые годы войны необходимо внимательнее присмотреться к той закулисной деятельности, которая велась в период финской зимней кампании. На этот раз военные приготовления шли совсем иными темпами, чем в период «странной войны» западных держав с Гитлером. Было совершенно очевидно, что западные державы хотят воевать не с нацистами, а с СССР.

Лига наций, как известно, вынесла свое решение об «исключении» Советского Союза 14 декабря 1939 г., а пять дней спустя в Париже уже собрался военный совет западных держав для обсуждения вопроса о военном вмешательстве в финско-русский конфликт. 19 декабря военный совет вынес постановление о принятии немедленных мер, а на следующий день офицер французского генерального

штаба полковник Ганеваль был послан из Парижа в Финляндию, чтобы совместно с Маннергеймом разработать план координированных военных действий Финляндии и западных держав.

О том, как развертывалась деятельность в этом направлении, рассказывается в отчете французского главнокомандующего генерала Гамелена от 10 марта 1940 г.:

«16 января французское главное командование разрабатывало план вооруженной интервенции в Финляндии. Этот план специально предусматривал высадку союзных войск в Петсамо.

Одновременно с этим, из соображений предосторожности, порты и аэродромы на западном побережье Норвегии должны были быть захвачены союзниками. Кроме того, план предусматривал, что операции могут быть в дальнейшем перенесены на территорию Швеции, где должны были быть заняты железные рудники в Елливаре — важнейший источник снабжения Германии рудой. Благодаря этим операциям обеспечивались новые пути связи [с Финляндией] через Нарвик — Лулео».

Лицемерный и демагогический характер действий западных держав в период войны в Финляндии убедительнее всего разоблачается их собственной стратегией. Весь мир был громогласно оповещен о том, насколько «предосудительно» якобы желание русских стратегически укрепить подступы к Ленинграду, чтобы отразить возможное вторжение через Финляндию. Те же западные державы считали, что они «по стратегическим соображениям» имеют полное право путем военного выступления или при помощи угроз и нажима овладеть портами в Северной Норвегии и шведскими рудниками в Елливаре.

Довод о том, что норвежская операция имела главной целью лишить гитлеровскую Германию шведской руды совершенно неубедителен, поскольку нетрудно установить, что Франция вплоть до мая 1940 г. сама являлась крупным поставщиком такой же руды для германского «военного противника». В течение всего этого периода французские монополии производили через Бельгию весьма выгодные операции по сбыту руды, за которую германская военная промышленность в Руре платила по сверхвысоким ценам. Широко развертывая подобные

сделки, правительство Даладье вместе с тем лицемерно «заботилось» о прекращении поставок руды из Швеции, которая вовсе не находилась в состоянии войны с Германией.

По пропагандистским соображениям британское правительство, разумеется, предпочло бы, чтобы Скандинавские страны «добровольно» вступили в войну против Советского Союза, используя в качестве предлога советско-финский конфликт. Чтобы побудить их к этому, на них был оказан внешний нажим. Красноречивым свидетельством этого являются опубликованные впоследствии британские ноты, направленные в Осло и Стокгольм.

Одним из инициаторов этой неблагоприятной кампании явился, как и следовало ожидать, тогдашний британский морской министр Уинстон Черчилль. Ведь здесь шла речь об осуществлении плана, который он лично разработал в сентябре 1939 г., задолго до начала финской кампании. Черчилль усиленно распространял в Скандинавских странах дезориентирующую пропагандистскую теорию о том, что участие в войне против Советского Союза якобы не сопряжено с риском.

Нам следует благодарить случай, помешавший нашим британским «покровителям» втянуть нас [датчан. — *Ред.*] в войну против России. Наши датские буржуазные партии и социал-демократы усердно преподносили нам во время финской кампании точно такие же авантюристические теории.

Призывы Черчилля к Скандинавским странам были повторены в самой неприкрытой форме во время завтрака, данного 2 февраля 1940 г. г-жей Филлипмор журналистам нейтральных стран. Один из участников, норвежский журналист М. Мартинсен, писал норвежскому посланнику Кольбану по поводу выступления Черчилля:

«Он закончил свою речь предложением, чтобы Норвегия и Швеция пришли на помощь Финляндии и одновременно через своих посланников в Лондоне просили о помощи Англию. Эта помощь будет им оказана в соответствии с планом, который должен пока сохраняться в тайне...

Он был согласен с министром Александером в том, что если мы будем втянуты в войну, — а это и было его основной целью, — то мы должны встать на сторону

Финляндии. Он считал, что помощь Финляндии необходима, но союзники не должны выступать открыто...»

Не случайно западные державы во время финского конфликта оказывали особенно сильный нажим на Норвегию и Швецию. 20 января французский полковник Ганеваль вернулся в Париж после встречи с Маннергеймом. В его отчете говорилось, что высадка союзников в Петсамо была бы слишком рискованной. Это место, в виду его близости к базе русского флота — Мурманску, являлось неподходящим для высадки. Следовательно, надо было разработать новый, измененный план интервенции западных союзников. Оставался только путь через Нарвик!

Решение о проведении новых планов в жизнь было принято на военном совещании союзников в Париже 31 января — 1 февраля 1940 г. и на заседании верховного военного совета 5 февраля. О результатах этих совещаний Черчилль рассказывает в своих мемуарах следующее:

«На заседании 5 февраля обсуждался вопрос исключительно о помощи Финляндии и были одобрены планы об отправке в Норвегию трех или четырех дивизий с целью уговорить (?) шведов разрешить нам провоз снаряжения и подкреплений финнам, а также предоставить нам контроль над рудниками в Елливаре».

Таким образом строились планы посылки франко-британских дивизий в качестве средств для «убеждения» Швеции. В Лондоне, видимо, считали, что Норвегия не будет возражать против такой акции и в крайнем случае ограничится формальным протестом. Материалы, опубликованные после войны в Белых книгах, освещают дальнейшее развитие агрессивных планов союзников. Еще 10 марта 1940 г. французский главнокомандующий генерал Гамелен сообщал в своем отчете:

«Наши скандинавские планы следует и дальше проводить с максимальной решительностью, чтобы спасти Финляндию, или по крайней мере завладеть шведской рудой и портами Норвегии. Но исходя из обычных правил ведения войны, мы все же должны отметить, что занятие Балкан и Кавказа было бы для нас более выгодным, так как это лишило бы Германию нефти. Ведь ключ к Балканам держит в своих руках Италия...»

Для стратегии западных союзников в этот период характерно отсутствие каких-либо планов военных операций против самой Германии. Они не обнаруживали желания воевать с ней. Вместо этого союзники намеревались лишить Германию ее сырья. Этим они ясно продемонстрировали свое желание ограничиться лишь мирным нажимом на Гитлера, чтобы заставить его «образумиться». Надо было принудить Германию активно включиться в антисоветский фронт.

Во время финской кампании все было подготовлено к военному выступлению Англии и Франции на северном фронте; предполагалось, что Скандинавские страны также примут в нем участие. 12 марта 1940 г. Даладье без обиняков заявил во французской палате депутатов: «Начиная с 26 февраля 50 тысяч французских солдат были готовы к отправке в Финляндию под эскортом британского морского конвоя...» Пунктом назначения был Нарвик.

Чемберлен докладывал палате общин 19 марта 1940 г. следующее: «100 тысяч хорошо вооруженных и экипированных солдат с начала марта были готовы к отправке. Позднее, в случае необходимости, были бы отправлены подкрепления...»

Если начало этих действий несколько затянулось, то это отчасти объясняется заявлением Маннергейма о том, что до мая ему не понадобится помощь союзников. Правительства в Лондоне и Париже не торопились поэтому производить нажим на Скандинавские страны.

Маннергейм сильно просчитался. В феврале и марте русские прорвали фронт. 12 марта был подписан мир между Финляндией и СССР.

Дальнейшие события показали, что западные союзники нисколько не заботились собственно о Финляндии. Финская кампания их интересовала лишь как повод для «поворота фронта». Долгое время после того, как на финском фронте воцарился мир, западные союзники продолжали иными путями готовить войну против Советского Союза.

Традиционные пути западных держав к нефти

Разве было случайным то, что в начале 1940 г. власти Англии и Франции направили свои взоры именно к русским нефтяным источникам на Кавказе? В после-

военные годы у нас на Западе появилась демагогическая «теория», которую особенно популяризовали правые социал-демократические вожаки, о том, что западные страны якобы вообще не могут быть агрессорами. По вполне понятным причинам, эта «теория» совершенно непригодна для экспорта в заокеанские и колониальные страны, чьи народы не могли бы воспринять ее иначе, как издевательство. Но в некоторых частях Западной Европы эта «теория» все же получила хождение среди людей, плохо разбирающихся в политике.

На самом деле эта «теория» предназначена служить фиговым листком для маскировки агрессивности современного империализма. Разве капиталистические великие державы перестают быть капиталистическими оттого, что принимают «демократическую» конституцию? Разве английская палата общин и американский конгресс могут приостановить активную монополистическую экспансию? Если бы это было так, то история XIX и XX веков выглядела бы совсем иначе.

Если, например, заняться изучением происков британского империализма на Кавказе и Среднем Востоке, то сразу же обнаружится, что английская внешняя политика всегда преследовала одни и те же экспансионистские цели.

В двадцатом веке произошло одно несущественное изменение в тактике империалистической экспансии. В то время, как в восемнадцатом веке великие державы охотились за невольниками и беззастенчиво торговали ими, а в девятнадцатом веке столь же беззастенчиво добывали себе всё новые колонии, поработав «цветные народы», то в двадцатом веке решили отказаться от старой колониальной терминологии, чтобы успокоить людей с излишне чуткой совестью.

Уже после первой мировой войны, когда Октябрьская социалистическая революция 1917 г. вырвала одну шестую часть земного шара из-под пяты империалистических держав и когда были провозглашены новые принципы взаимоотношений между нациями,—уже тогда выражение «колониальные владения» начало заменяться выражением «подмандатные территории». После второй мировой войны, в ходе которой человечество наглядно убедились в преимуществе советской политики равнопра-

вия народов, что повлекло за собой дальнейший подъем освободительной борьбы народов против империализма, стала необходимой еще большая маскировка. Ныне империалистические державы используют в своей колониальной политике новое понятие — «подопечные территории». Они хотят стать «опекунами» не только так называемых «отсталых» народов, но стремятся также поработить все «цивилизованные» нации. Несомненно, что империалистические державы попрежнему стремятся к новому переделу мира и что в условиях империализма непрерывно возрастает экономическая эксплуатация всех поработенных народов, проводимая самыми разнообразными и утонченными способами.

Весьма небезынтересно в этой связи рассмотреть разработанные империалистическими державами после первой мировой войны планы раздела России на «сферы влияния». Многим ли в Дании известно, что формальное соглашение об этом было подписано тогдашними правительствами Лондона и Парижа 23 декабря 1917 г.? Вряд ли многим, так как газеты и издательства никогда не стремились популяризировать этот исторический факт. Но соглашение тем не менее существует.

Сущность этого соглашения сводится к тому, что Украина и Крым, залежи железной руды в Кривом Роге и Никополе, угольные богатства Донецкого бассейна объявляются «сферой влияния» Франции, в то время как районы Дона и Волги, а также весь Кавказ считаются «сферой» английских «интересов». Это соглашение оставалось в силе и после окончания войны. В дальнейшем оно даже было дополнено новым, специальным соглашением от 13 ноября 1918 г., касавшимся западных районов бывшей царской империи. В силу этого соглашения Финляндия, Эстония и Латвия отходили в британскую «сферу влияния», а Литва, Польша и Бессарабия — во французскую.

Еще 30 ноября 1918 г. английское военное министерство отдало на этом основании приказ о «занятии пятью британскими бригадами железнодорожной линии Баку-Батуми. ...» Это было немедленно осуществлено. Город нефти Баку был занят уже 17 декабря 1918 г. британскими войсками, двигавшимися из Персии, а 19 декабря другие британские силы высадились в Батуми. В последующий

затем период англичане оккупировали все Закавказье.

В своей книге «Великая война» Уинстон Черчилль довольно лицемерно пишет, что он якобы никогда не понимал смысла этих мероприятий британского правительства. Зато другие целиком уяснили себе их смысл. До войны английские фирмы, со свойственным им практическим нюхом на всякие ценности, постепенно скупили большинство акций нефтяной промышленности Баку. В декабре 1918 г. председатель четырех объединенных британских нефтяных компаний на Кавказе заявил на общем собрании акционеров «Нефтяной компании Биби-Эйбат»:

«На Кавказе, от Батума до Баку, от Владикавказа до Тифлиса, в Малой Азии, Месопотамии и Персии появились британские войска. . . . Никогда еще в истории наших островов не представлялся такой удобный случай для мирного расширения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии и второго Египта... При щедром финансировании и правильной организации русская нефтяная промышленность под британским руководством явится богатейшей находкой, какую только знала история...»

При чтении подобных циничных излияний наши современные правые социал-демократические «теоретики» назидательно поднимут палец и скажут: «Будьте осторожны с выводами — это не аморальный империалист, а лишь демократ-энтузиаст». Тридцать лет назад уже существовало практическое разделение труда. Монополисты рассказывали своим акционерам о нефти, а демагоги из британского правительства одновременно рассказывали аплодирующей палате общин о «жертвах», якобы понесенных Великобританией в интересах свободы и независимости малых государств. Вот две небольшие характерные черточки «демократического образа жизни».

Пока англичане находились на Кавказе, их нефтяным трестам вновь удалось добиться контроля над старыми акционерными обществами и нефтяными источниками. Им удалось также скупить за бесценок акции бывших русских акционеров и получить контроль над нефтеочистительными заводами и нефтепроводами. Британскому обществу «Левант» удалось завладеть богатыми марган-

цевыми копиями в Грузии; англичане также собирались добиться контроля над всей Кавказской сетью железных дорог, от порта Батуми на Черном море до границ Персии, включая и Баку; таким образом все судоходство и вся торговля в новом кавказском «доминионе» были бы монополизированы английскими экспортными фирмами и судоходными компаниями.

Черчилль придерживался мнения, что культура чрезвычайно много выиграла от того, что именно англичане, а не кто-либо иной, держали войска на Кавказе. Об этом свидетельствуют ноты и телеграммы, посланные лично Уинстоном в первом полугодии 1919 г. белому генералу Деникину, который терроризировал население северокавказских районов. Черчилль усиленно подчеркивал, что новую британскую колонию следует прежде всего охранять от большевиков. Деникин сначала пробовал высказать мысль, что Закавказье принадлежит России, но его быстро одернули.

В это время англичане снабжали белого генерала припасами и вооружением, чтобы он воевал с большевиками. При этом Черчилль ставил свои определенные условия. В личной ноте от 1 февраля 1919 г. Черчилль, бывший тогда английским военным министром, указал Деникину, что его войска могут позволить себе продвижение на Северном Кавказе до Каспийского моря, «так как подобного рода операции на Северном Кавказе не входят в задачу британских войск, а должны быть осуществлены генералом Деникиным. В то же время он не должен заходить южнее линии Кизил—Бурун—Закаталы — главный Кавказский хребет — Туапсе».

Когда тот же генерал Деникин осмелился 6 февраля захватить город Сочи у Черного моря, Черчилль 16 февраля 1919 г. разразился угрожающей нотой:

«Если генерал Деникин не намерен дожидаться решения мирной конференции в Париже, то правительство его величества будет вынуждено задержать или совсем прекратить свою помощь, посылаемую в виде оружия, продовольствия и снаряжения». Независимо от того, была ли Россия белой или красной, она, по мнению западных держав, должна была рассматриваться как побежденная страна, территорией которой могли распоряжаться только они одни.

Новая нота Черчилля от 23 марта 1919 г. свидетельствовала о том, что его аппетиты на Кавказе все растут. На этот раз «вождь западных демократий» решительно подчеркивал, что отныне и горная область Дагестан также рассматривается как «зона интересов» Англии, поэтому Англия не потерпит здесь никакого вмешательства русских:

«Было бы очень прискорбно, если бы он [Деникин] вследствие принятого им несвоевременного и рокового курса, который совершенно неприемлем для Великобритании, заставил правительство его величества отказать ему в помощи и прекратить доставку снаряжения, которое ему теперь посылается».

Аналогичная полная угроз нота, подчеркивающая, что «нефтяные доминионы» на Кавказе должны принадлежать Англии, была передана также 11 июня 1919 г. Совершенно ясно, что в период Версаля первоочередная задача британской внешней политики заключалась в устранении всякого русского контроля над важнейшими областями, расположенными к югу от Кавказского хребта. Подобная политика, конечно, отнюдь не соответствовала интересам малых кавказских народностей.

Большой помехой для реализации британских планов в этот период послужили волнения, начавшиеся среди уставших от войны британских войск. Солдаты требовали, чтобы их отправили домой; одновременно с этим английское рабочее движение все сильнее протестовало против позорной интервенции в России. В результате этого англичанам пришлось несколько изменить свои планы. Англия выразила готовность поделиться богатой добычей с другими империалистическими державами. Уже 7 марта 1919 г. британский премьер-министр Ллойд Джордж на совещании с Клемансо и американским делегатом полковником Хаузом выдвинул новый проект. Вот что Ллойд Джордж говорит об этом в своих воспоминаниях:

«Я отметил, что если мы решим уйти с Кавказа, то Италия попытается занять эту территорию. И француз и американец встретили это сообщение без всякого воодушевления. Полковник Хауз предложил запросить грузин, желают ли они иметь у себя итальянцев, Клемансо ответил: «Это прекрасное предложение...»

Англичане, повидимому, предпочитали, чтобы их премьерником были оккупационные силы наиболее слабой из победивших великих держав. В экономическом отношении итальянцы были бы только младшими партнерами англичан. 20 марта этот вопрос снова был поднят на мирной конференции, на этот раз во время обсуждения доклада военной комиссии о размещении оккупационных войск в Турции. В этом докладе говорилось коротко и ясно:

«Итальянская оккупация Кавказа и Конии». Кония является маленькой малоазиатской провинцией, которой в тот момент добивались итальянские «демократы». Тут, однако, в спор вмешались более сильные державы. Уже во времена Вильсона американцы остро интересовались всеми богатыми нефтью районами. Отнюдь не случайно полковник Хауз пожелал отсрочить это дело и задался абсурдной мыслью запрашивать мнение белогрузин.

Осенью 1918 г. три ловких «эксперта» — полковник Хауз и двое его сотрудников — Франк Кобб и неизвестный Уолтер Липпман — разработали доклад о путях проведения в жизнь «14 пунктов Вильсона». Этот документ был готов уже в октябре 1918 г. и секретно передан правительствам западных держав. Здесь о Кавказе говорилось также коротко и ясно: «Кавказ должен рассматриваться, как одна из проблем Турецкой империи». Из этого во всяком случае вытекало, что руководители США считали, что закавказский нефтяной район больше не должен иметь какого-либо отношения к России. Но какие же планы строили американцы в отношении Турции?

В упомянутом американском докладе трех «мудрецов» по этому вопросу говорится следующее: «Армения должна иметь гавань у Средиземного моря и должна стать протекторатом. Может быть, Франция будет недовольна этим, но армяне предпочтут иметь дело с Англией».

Армения интересовала западные державы по двум соображениям. Она могла явиться естественным мостом на Кавказ, кроме того, эксперты предполагали, что в этих районах имеются нефтеносные пласты. Во время войны турки, повидимому, уничтожили или выслали большинство армян. Ведь по всему Ближнему и Сред-

нему Востоку было рассеяно несколько сот тысяч армянских беженцев. Американцы решили создать огромное государство, включающее в себя русскую Армению, бывшие турецкие восточные провинции с Эрзерумом и Трапезундом у Черного моря, и связать это государство широким коридором со Средиземным морем и Киликийей.

В соседнем Курдистане англичане заранее обеспечили себе район Мосула, где находятся богатые источники нефти.

Не считаясь с тем, что занятый ими район населяли курды, англичане непременно хотели соединить его с арабскими районами Ирака, которые должны были стать их «подмандатной» территорией. Но поскольку в английских войсках между тем началось брожение, Ллойд Джордж счел целесообразным отказаться от создания протектората. На совещании 7 марта 1919 г. он предложил американцам взять на себя эту миссию.

Руководители США были вовсе не прочь обеспечить за собой твердые позиции в нефтяных районах Среднего Востока, и Вильсон также не был чужд «филантропической» мысли о приобретении армянского мандата.

После этого 14 мая 1919 г. Версальская конференция формально приняла предложение о том, что США должны получить от Лиги наций мандат на новое государство «Великую Армению», границы которого будут установлены в ходе дальнейших переговоров между великими державами. Решено было также создать интернационализированную зону вокруг Константинополя и Дарданелл. Англичанам было поручено обеспечить свободный вход в Черное море.

Когда вопрос о границах «Великой Армении» был 21 мая 1919 г. снова поставлен на мирной конференции на обсуждение совета четырех, в первоначальных установках великих держав, повидимому, произошло некоторое изменение. Ллойд Джордж неожиданно отодвинул на задний план своих бывших протеже-итальянцев. Вместо этого он выступил с предложением о том, чтобы мандат над Арменией не только был передан США, но чтобы США также послали оккупационные войска «на всю территорию Кавказа, пока не будет разрешен русский вопрос».

Такой внезапный поворот англичан объясняется борьбой за нефть. Возможно, что советники Вильсона решили, что одни армянские горы являются недостаточно лакомым кусочком, тем более, что Великобритания уже прочно захватила Мосул. Все это предприятие приобрело бы значительно большую ценность, если бы американцы получили впридачу немного русской нефти. Здесь Англия вынуждена была уступить американским требованиям и согласиться на оккупацию Кавказа американцами.

Президент Вильсон сильно увлекся этой мыслью, но для ее осуществления нужно было согласие конгресса на отправку американских войск на иностранную территорию, а оно заставляло себя ждать. Дело осложнялось в результате растущего в США изоляционизма. Поэтому проект о посылке на Кавказ итальянских войск снова всплыл на поверхность, но внутреннее положение в самой Италии тоже было крайне шатким. В 1919 г. дело доходило до крупных забастовок и занятия рабочими фабрик; в такой обстановке правительство в Риме не решилось отправить войска на Кавказ.

Англичане держались в Батуми до лета 1920 г. В Севрском мирном договоре с Турцией, заключенном 10 мая того же года, имелось положение о том, что границы Армении должны быть определены президентом США. Но вскоре Вильсон был отстранен от власти и умер, а затем в Турции началось национально-освободительное движение под руководством Кемаля Ататюрка. Англо-американские планы на Среднем Востоке окончательно рассыпались. В 1921 г. советские войска при поддержке местного населения восстановили мир на Кавказе.

Все эти англо-американские планы убедительно говорят о том, что империалистические державы стремились оторвать от СССР часть его территории. Весьма показательно то, что полковник Хауз и Уолтер Липпман в своих небезызвестных комментариях к «14 пунктам Вильсона» внесли особый пункт относительно Туркменистана. Он гласил:

«Не существует никаких сведений, позволяющих выработать определенную политику по отношению к магометанской России. Этот район принадлежит к

Центральной Азии. Может случиться и так, что тому или иному государству будет целесообразно передать ограниченный мандат на создание там протектората».

Здесь мы снова встречаем у англо-саксов общее стремление к приобретению в России колоний, носящих «невинные» названия «мандатов» и «протекторатов».

В 1918 г. Великобритания предприняла попытку захватить Туркменистан, наиболее богатый хлопком район Советского Союза. После организованного англичанами выступления белых банд в Ашхабаде и Красноводске британские войска под командованием генерала Малле-сона двинулись в августе из Персии и вместе с белыми авантюристами, эмиром бухарским, хивинским ханом и местными феодалами пытались свергнуть недавно утвердившуюся в Туркменистане советскую власть.

Захватом Туркменистана Англия рассчитывала упрочить свое положение на международном хлопковом рынке.

Все возрастающая в Англии усталость от войны уже в 1919 г. заставила английское правительство отказаться от длительной военной оккупации. Приходилось ограничиться щедрой, но не очень плодотворной поддержкой реакционных феодальных элементов в Туркменистане.

Прежде чем англичане окончательно сдали свои позиции, они все же инспирировали еще одну попытку отторжения Туркменистана от Советского государства. В эти годы Англия держала свои войска в Персии, и британские марионетки в тегеранском правительстве выступили с великодержавными требованиями расширения границы на севере. На Восточном Кавказе Персия требовала присоединения к себе всего Азербайджана вместе с Баку и нефтяными районами; она заявила претензии даже на столицу русской Армении — Ереван.

В отношении Туркменистана требования были не более скромными. Персы требовали перенесения границы на Аму-Дарью. Таким образом весь Туркменистан стал бы персидской территорией. Одним из поставивших свою подпись под этими требованиями был известный иранский англофил Хакими, который весной 1946 г. спровоцировал конфликт с Советским Союзом и активно содействовал подавлению национально-освободительного движения в иранском Азербайджане.

Несмотря на провал англичан в Советской России в 1919—1920 гг., их старые планы экспансии на юге России не были окончательно отброшены, они были лишь отложены «до лучших времен». Те же самые экспансионистские тенденции вновь ожили в связи с троцкистским заговором и гитлеровским планом раздела Советского Союза. В 1939—1940 гг. также наблюдалась заметная активизация агрессивных устремлений англичан.

В период финской кампании на арене истории снова разворачиваются давно знакомые по версальскому периоду английские планы экспансии за счет СССР. Произошло лишь несколько незначительных изменений в составе действующих лиц, но цель осталась та же — отторгнуть от Советского Союза его азиатские территории и передать их империалистам для эксплуатации.

После двадцати двух лет свободного национального развития советских народов Англия уже более не могла ридиться в тогу их защитника. Английские планы в Турции также существенно изменились. Более не могло быть речи о раздел© этой страны с целью создания так широко рекламируемой в свое время «Великой Армении». Турция стала теперь орудием британской политики, и англичане добивались того, чтобы она расширила свою территорию путем присоединения кавказских районов и Советской Центральной Азии. То, что жители Советской Армении были бы вынуждены в таком случае разделить участь своих несчастных соотечественников в Турции, не вызывало у руководителей западных держав ни малейшего беспокойства.

Современные империалистические государства часто используют малы© государства в качестве орудий своей агрессии. Чтобы толкнуть турецких правителей на войну с СССР англо-французские агенты применяли старый испытанный метод — распространение среди турок панисламистской и пантюкистской агитации.

«Пан-Туран» — так называлось турецкое государство, в которое рассчитывали включить всю Советскую Центральную Азию.

Еще в самом начале финской войны британские и французские агенты начали разворачивать демагогическую агитацию в Турции. Красочное представление

о применяемом ими методе можно составить по следующему донесению французского посла в Анкаре Мас-силы, посланному Даладьё 12 февраля 1940 г.:

«Среди публики и в особенности в военных кругах, но не только в них, все больше и больше говорят о магометанах на Кавказе и в Баку. В своей телеграмме № 34 от 26 января я уже указывал, что возрождение пантюркистских идей не может вызвать большого отклика в правительственных кругах. Тем не менее эти идеи все же могут завоевать себе почву в дальнейшем, по мере того как будет обнаруживаться слабость русских.

Это будет тем легче провести в жизнь, чем скорее его (пантюркизма) приверженцы сумеют тщательно подобрать аргументы в зависимости от того, с каким партнером придется иметь дело в каждом отдельном случае: следует ли говорить о «пантюркизме» и «братании» или о нефти. Нельзя больше пренебрегать такими выгодами для нас возможностями».

Вот как преднамеренно и цинично агенты западных «демократий» толкали отсталую Турцию на военную авантюру, которая, в случае удачи, принесла бы западным державам значительные экономические выгоды, в то время как для турок была уготована роль пушечного мяса.

В марте 1940 г. дело уже не ограничивалось одними разговорами об усиленной обработке общественного мнения Турции. В этот период уже начался дипломатический зондаж с целью склонить турецкое правительство к участию в войне против Советского Союза.

Известен также факт разработки конкретных агрессивных планов западных союзников в отношении Кавказа. В записях французского премьер-министра Даладьё от 19 января 1940 г. буквально говорится:

«Просим генерала Гамелена и адмирала Дарлана разработать меморандум о возможной интервенции с целью разрушения русских нефтяных районов...»

Еще в первой половине финской кампании произошло довольно знаменательное событие— бывший начальник штаба британских войск на Кавказе в период интервенции 1918—1919 гг. генерал Дидс внезапно был

направлен, вместе с другими экспертами, в восточные провинции Турции. Из записей Гамелена также явствует, что англичане должны были руководить проведением задуманной авантюры. Они также должны были поставить наибольшее количество самолетов для бомбардировки нефтяных районов Батуми и Баку. Генерал Вейган 7 марта 1940 г. послал французскому главному командованию дополнительное донесение, в котором сообщал о проявленной англичанами активности в этом общем деле:

«Командующий военно-воздушными силами на Ближнем Востоке маршал авиации Митчелл, направляющийся в Анкару, прибыл в Бейрут в сопровождении генерала Жоно и сообщил мне, что он получил из Лондона инструкции о подготовке к возможной бомбардировке Баку и Батуми. Он открыто сообщил мне о своем намерении просить маршала Чакмака [турецкого главнокомандующего] о разрешении произвести рекогносцировку районов Диарбекира, Эрзерума, Карса и озера Ван с целью выявления аэродромов, могущих быть использованными для промежуточной посадки самолетов, имеющих свою основную базу в Джезире [в бывших французских владениях в Сирии]...»

Ознакомившись с меморандумами генералов, Даладье 7 марта 1940 г. приказал генералу Гамелену переслать французскому главнокомандующему на Ближнем Востоке генералу Вейгану подробный, им самим разработанный проект. В этом документе все основные моменты нападения на Кавказ были точно сформулированы.

12 марта кончилась война в Финляндии. Характерно, что Гамелен как раз в этот день направил Вейгану следующую директиву о походе на Кавказ:

«Настоящим я подтверждаю Вам, что, по моему мнению, акция на Среднем Востоке должна проводиться под британским командованием, а операция на Кавказе — под турецким командованием; последняя — турецкими вооруженными силами при участии авиации и, возможно, специальных частей союзников. По этому вопросу Вы можете связаться с маршалом Чакмаком и принять участие во всех подготовительных мероприятиях, касающихся Среднего Востока. Я посылаю

с курьером подробные указания относительно акций на Кавказе».

Реакционно и антисоветски настроенный Вейган с неподдельным восторгом принялся за выполнение порученной ему задачи. Гамелен рассказывает, как Вейган похвалялся, что:

«С некоторыми подкреплениями и двумя сотнями самолетов он овладел бы Кавказом и вошел бы в Россию, как «нож в масло». Посол Массильи в донесении от 14 марта 1940 г. рассказывает о своей беседе с турецким министром иностранных дел Сараджоглу, имевшей место накануне. Последний весьма заинтересовался планами западных союзников относительно Баку. Посол говорит в этой связи следующее:

«Я ответил, что современные бомбардировщики несомненно обладают достаточным радиусом действия, чтобы достичь Баку из Джебзире или Северного Ирака, но для этого придется пролетать над турецкой и иранской территориями. «Значит, вы опасаетесь протеста с иранской стороны?» — спросил министр. Он не мог бы сделать мне более ясного признания, что с турецкой стороны затруднений не предвидится. ...»

Однако переговоры с Турцией натолкнулись на некоторые затруднения, отсрочившие осуществление планов западных держав. Турция была еще не достаточно хорошо вооружена, чтобы принять участие в большой войне, поэтому турецкое правительство потребовало для этой цели широкой помощи союзников. Кроме того, правители Турции усиленно интересовались вопросом об участии в войне Италии, так как в Анкаре намечались планы занятия Додеканезских островов, населенных греками. О дальнейших перспективах, а также о руководящей роли Англии в переговорах Массильи сообщает в подробном донесении к Даладьё от 1 апреля 1940 г.:

«Британский посол получил от Форин-офиса предписание сообщить свою точку зрения относительно возможной позиции турецкого правительства в случае совместного наступления на Баку. Ввиду отсутствия сэра Хью Нэтчбэлл-Хьюджессена, который находился в отпуску, его поверенный в делах дал 27 марта ответ, сводящийся к следующему:

1. Позиция турецкого правительства представляет собой некоторый шаг вперед, поскольку правительство готово пойти на оборонительную войну против Советской России, но еще не готово вести с союзниками переговоры о подготовке к наступлению.

2. Турция безусловно не будет вести переговоров о военных планах против России прежде чем достигнет соглашения с союзниками о возможной войне с Италией.

3. Турция не может вступить в войну против России раньше конца лета, но и то только при условии, что будет получать от союзников значительную помощь...»

Далее в пункте пятом говорится, что было бы бесцельно вести переговоры об участии Турции в войне, использовании турецких аэродромов, а также о перелетах через турецкую территорию, «пока вышеупомянутые вопросы не будут обсуждены с правительством Турции». Далее говорится:

«Когда будут приняты подготовительные меры и когда будет согласован вопрос об Италии, Турция очень охотно примет участие в межсоюзнической акции против Баку через иранскую территорию, и она не заставит себя долго просить. Необходимо добиться согласия турецкого правительства на начало наступления, которое повлечет за собой перелеты над Турцией».

В дополнение к этим соображениям Массильи сообщил от себя Даладье, что сроки готовности Турции к войне, по его мнению, расценивались слишком пессимистически. Кроме того, он считал, что достаточно будет неофициально информировать турецкое правительство о предполагаемых перелетах.

В этой ноте ставится вопрос о том, будет ли Иран, непосредственно граничащий с Баку, вторым партнером западных держав по агрессии. Как относился старый милитарист, правитель Ирана Реза Шах к этим далеко идущим планам? Содержание важных англо-иранских переговоров, ведшихся тогда в течение нескольких недель, к сожалению, так и не увидело света. Эти материалы продолжают лежать в архивах под покровом дипломатической тайны.

Вряд ли можно сомневаться, что правительство Ирана весьма благосклонно отнеслось к этим перегово-

рам, — разумеется за подходящую компенсацию. Ведь англо-иранская нефтяная компания имела в эти годы решающее влияние во всех иранских делах в результате заключения так называемого договора о расширении нефтяных концессий от 29 мая 1933 г. Недвусмысленный намек на позицию Ирана можно найти в докладе, прочитанном в конце 1941 г. для офицеров иранской армии генералом Али Размара, который чистосердечно рассказал своим слушателям: «Еще с 1931 г. иранская армия подготовилась к войне... Два года назад мы собирались напасть на Россию...»

Это был тот самый генерал Али Размара, которого англо-саксы после второй мировой войны сначала возвели в чин начальника иранского генерального штаба, а потом сделали премьер-министром Ирана, пока он не был убит в одной из мечетей Тегерана 7 марта 1951 г.

Франко-британский план агрессии на Кавказе был окончательно утвержден руководителями западных союзников 4 апреля 1940 г. Генерал Вейган был приглашен принять участие в совещаниях союзнического военного совета. Генерал Гамелен красочно описывает, как проходило это совещание:

«Под конец было решено продолжать подготовку к операциям против русских нефтяных районов. Большинство присутствовавших министров всей душой было за это, но, по моему мнению, они не совсем правильно расценивали последствия разрыва с Советским Союзом. Они как будто все с легким сердцем согласились на такую возможность...»

В союзнических кругах оценка позиции, занятой Турцией и Ираном в отношении Кавказского плана, была настолько оптимистической, что франко-британские штабы авиации не колеблясь санкционировали 5 апреля 1940 г. полностью разработанный план нападения с воздуха на Баку, с участием в первом налете 90—100 самолетов. 17 апреля генерал Вейган сообщил свое окончательное заключение относительно срока начала агрессии. В своем донесении французскому главному командованию он резюмировал его следующим образом:

«Из соображений осторожности я рекомендую наметить операцию ориентировочно на конец июня — начало

июля, учитывая, что проведение операции возможно лишь при условии полной подготовленности.

Известное время потребуется также и Турции, как уже сообщал Массильи, так как Турции необходимо к этому сроку настолько подготовиться, чтобы она могла устоять против любой ответной акции, могущей последовать после проведенной бомбардировки».

Когда Вейган писал эти строки, он не подозревал, что Франция к концу срока, назначенного им для этого авантюристического похода на Баку и Кавказ, уже больше не будет существовать как великая держава. Он столь же мало подозревал, что ему самому именно в эти летние месяцы придется отдать приказ о безоговорочной капитуляции французской армии перед гитлеровской Германией. В своей экспансионистской лихорадке союзники забыли о Франции и она сама пала жертвой захватнической войны.

Однако агрессивные англо-французские планы похода на Кавказ привели к определенным последствиям.

Союзники так настойчиво пропагандировали мысль о том, что можно расширить территорию Турции и Ирана за счет Советского Союза, что Анкара и Тегеран продолжали лелеять эти заманчивые мечты даже после того, как их западные вдохновители потерпели крах.

В дальнейшем эти два феодальных азиатских государства стали искать поддержку у Германии, рассчитывая, что она поможет им осуществить экспансионистские замыслы на Кавказе.

Государственные деятели Турции проявили осторожность. Они всячески помогали немцам, когда Гитлер напал на Советский Союз. Но они не собирались начинать наступление на Кавказ, пока немецкие войска не разобьют основных сил Красной Армии.

В Анкаре с трепетом, но безрезультатно ожидали такого момента, а когда Турция поняла, что поставила не на ту карту, она как ни в чем не бывало вернулась в лагерь западных союзников.

В Иране неожиданный поворот Реза Шаха к тесному сближению с врагами Советского Союза — немцами принес роковые последствия для него самого и его правительства. Его упорное нежелание отказаться от завоевательных планов, намеченных весной 1940 г., и его

Явное участие в немецких провокациях на границе Кавказа привели в 1941 г. к совместному англо-русскому вступлению в Иран, имевшему целью очистить страну от немецких агентов, и Реза Шах лишился трона. Быть может, старый шах был несколько удивлен тем, что англичане так сильно обиделись на него за то, что он стремился осуществить тот самый агрессивный план, который они сами в свое время разработали для него, — разумеется, при иной международной обстановке.

Восточные планы западных союзников, разработанные после окончания финской кампании, являются показательным моментом в истории разжигания войны. Здесь можно найти объяснение очень многому, в том числе и такому своеобразному явлению, как агрессивность малых государств, которым покровительствуют достаточно сильные и достаточно циничные вдохновители.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЧЕРЧИЛЛЕВСКИЕ ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ „ДУНАЙСКО-БАЛКАНСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ“

Возрождение версальских планов установления „санитарного кордона“ в Восточной Европе

Редко случается, чтобы воюющая империалистическая держава преследовала только одну цель и придерживалась какой-либо одной линии политической стратегии. В первый период войны Британская империя вместе с Францией поставила перед собой цель добиться прекращения войны с Германией и была готова заплатить за это признанием за Германией контроля над малыми государствами Восточной и Юго-Восточной Европы. Такое расширение пределов «Великой Германии» должно было служить гарантией против дальнейшего распространения социализма на европейском континенте.

После поражения Франции Лондон и Вашингтон начали сознавать, что, быть может, не удастся добиться «мирного» компромисса с Германией. Чтобы затормозить дальнейшую экспансию нацистов, стремившихся к мировому господству, могло оказаться необходимым ведение войны до конца, то есть до военного поражения Германии.

Учитывая эту перспективу, правительственные круги в Лондоне разработали новые военные планы, которые в сущности означали возвращение к периоду Версаля, когда делались попытки создать «санитарный кордон» — своего рода политический и военный плацдарм для предстоящего нападения на Советский Союз.

Эта видоизмененная политическая стратегия западных держав характеризовалась явной антисоветской направленностью. План создания «Великой Германии» в качестве «барьера против коммунизма» был лишь заменен планом создания восточноевропейских союзов,

которые должны были служить тем же целям. Для образования новых политических группировок на Востоке Европы нужно было объединить слабые и раздробленные государства этого района под экономической и военно-политической эгидой англо-саксонских держав.

Эта английская разновидность «нового порядка в Европе» была пущена в ход с того момента, когда для всех стало очевидным, что Советский Союз устоит под натиском военной машины Гитлера. Реализация этого плана основывалась на предположении, что Великобритания и США удастся тем или иным путем добиться безраздельного военного контроля над обширной территорией антисоветского «санитарного кордона».

Эти военно-политические планы западных держав получили распространение в тот период второй мировой войны, когда обсуждался вопрос об открытии второго фронта в Европе.

Знаменательно, что детально разработанные английские планы «нового порядка в Европе» мы встречаем в некоторых местах военных мемуаров Уинстона Черчилля. Эти места относятся к периоду пребывания британского премьера в Турции в последних числах января 1943 г., непосредственно после переговоров с Рузвельтом на конференции в Касабланке. Главарь британских консерваторов сам считал свои проекты в отношении Турции «далекими мечтами». Здесь же, в своих заметках он набрасывает послевоенную программу для будущей Европы:

«Руководители Объединенных наций намерены создать международную организацию на основе мира, свободы, справедливости и всеобщего благосостояния. Один из филиалов этой организации явится европейским правительством, которое будет проникнуто духом Лиги наций, но не унаследует ее слабостей.

Членами европейского правительства будут не только великие нации Европы и Малой Азии, но также целый ряд объединенных в блоки малых стран, среди которых должны находиться блок Скандинавских, блок Придунайских и блок Балканских стран. Такой же порядок должен быть учрежден и на Дальнем Востоке. Вся организация будет основываться на полном сохранении победившими державами своих вооруженных сил, в осо-

бенности воздушных, в то время как побежденные страны будут полностью разоружены. Никто с уверенностью не может предсказать, будет ли царить среди победителей согласие или, может быть, Соединенные Штаты все же когда-нибудь покинут Европу...».

Первые британские проекты создания Организации Объединенных наций намечались в такой момент, когда англо-саксы вторично решили оттянуть открытие второго фронта в Западной Европе за счет целого ряда операций на Средиземном море. Проектировавшееся Черчиллем «европейское правительство» под эгидой Великобритании должно было включать не только великие державы, но и региональные федерации в Восточной Европе и таким образом создать концентрацию буржуазных сил, противостоящих Советскому Союзу. С другой стороны, «европейское правительство» должно было защищать капиталистические страны от американского диктата.

Предвидя обострение отношений с союзными капиталистическими державами, Англия рассчитывала использовать свою ведущую роль в «европейском правительстве» для того, чтобы превратить эту организацию в инструмент своей политики.

Вышеуказанный проект Черчилля не остался на бумаге. В своей речи по радио 21 марта 1943 г. британский премьер-министр повторил перед общественностью основные пункты своего проекта будущего устройства Европы:

«Вполне допустима мысль, что при такой международной организации, которая охватит Объединенные нации, а впоследствии и все нации, будет организован Совет по делам Европы и Совет по делам Азии. Наша первая практическая задача состоит в создании Совета по делам Европы и в наведении порядка в Европе. Это — огромная задача. .. Мы должны попытаться — я говорю это, разумеется, от своего имени — превратить Совет по делам Европы в действенный союз народов, при участии в нем всех наиболее заинтересованных в этом деле сил; создать верховный суд для урегулирования всех споров; создать вооруженные силы, национальные или международные, или те и другие вместе; заставить принять эти решения и помешать новой агрессии и подготовке к будущим войнам.

Каждому ясно, что когда этот Совет будет организован, то он постепенно должен будет охватить всю Европу, и настанет день, когда все основные члены европейской семьи народов станут и его членами. Что же тогда произойдет с многочисленными малыми нациями, интересы и права которых нужно будет тщательно охранять? Разрешите мне тут спросить: как можно представить себе армию, состоящую лишь из батальонов и бригад, не объединенных в крупные единицы, какой является, например, армейский корпус? Такая армия была бы скоро разбита. Поэтому, как мне кажется, не мешало бы организовать, параллельно с великими державами, целый ряд группировок или союзов государств, которые избирали бы своих делегатов, и таким образом был бы создан Совет крупных государств или группировок государств.

Я говорю об этом лишь для того, чтобы указать на огромные задачи, стоящие перед нами в одной только Европе. Было бы совершенно нелепо размениваться в данный момент на мелочи, например, уточнять состав группировок или определять способ совместной работы, или спорить теперь о границах... Но это не означает, что предварительные переговоры между соответствующими нациями не должны иметь места; важнейший вопрос о судьбах Европы также должен быть предметом постоянного и тщательного обсуждения...

Вот «принципиальная» мотивировка создания «Дунайско-Балканской федерации». Лондон был очень заинтересован этим новым государственным образованием. В этой связи важно выяснить, какие именно «предварительные переговоры между соответствующими нациями» имел в виду Черчилль. Дело в том, что подобные переговоры непрерывно велись в Лондоне.

В первую очередь английское правительство занялось эмигрантскими правительствами, находившимися на британской территории. Их очевидная зависимость от Англии как в военном, так и в финансовом отношении должна была быть использована для осуществления далеко идущих европейских планов их хозяев. Следовало ковать железо, пока оно было горячо.

После Версальского договора Клемансо, как известно, попытался создать «санитарный кордон», сфор-

мировав так называемую Малую Антанту. Формально она была направлена против реваншистских планов Германии, но ни для кого не было секретом, что фактически она служила целям блокады западных границ Советского Союза.

Французский «санитарный кордон» строился главным образом на военных соглашениях с Чехословакией, Польшей, Румынией и Югославией. Эти соглашения на некоторое время предоставили Франции ведущую роль в Лиге наций, но вся эта конструкция держалась только до тех пор, пока Франция оставалась сильнейшей державой в Европе. По мере того как расшатывалось ведущее положение Франции в Европе, пропорционально снижалось и ее влияние на малые государства. Победенные восточноевропейские государства — Венгрия и Болгария — впрочем, вовсе не вошли в Малую Антанту. Внутри самой Малой Антанты не было политического и экономического единства.

Модернизированный проект Черчилля исходил из предпосылки, что новый «санитарный кордон» должен основываться на более твердых региональных федерациях, которые постепенно должны превратиться в постоянные политические и экономические унии.

Кроме того, этот новый план предусматривал образование блока государств, охватывающего все балканские и придунайские страны. Для достижения этой цели Черчилль пытался использовать в качестве рычага свой проект создания «Совета по делам Европы». Если бы Англии удалось насадить своих ставленников в различных региональных федерациях, ведущая роль Великобритании в «Совете по делам Европы» была бы обеспечена. Тогда Лондон смог бы попросту диктовать свою волю европейским странам. Когда Черчилль обнародовал свои планы, англичанами уже были осуществлены некоторые практические мероприятия по созданию «Дунайско-Балканской федерации».

Наряду с главной британской установкой первого периода войны на примирение с Германией ценою уступки ей Восточной Европы, в Лондоне уже на ранней стадии стали искать резервный выход и разрабатывать второй вариант политических планов Англии, который и воплотился в пресловутой «Дунайско-Балканской федерации».

Британское правительство начало действовать с северного конца пояса малых государств, простиравшегося между Германией и советской границей, от Балтийского до Черного моря, а на юге до Эгейского моря. Технически зондаж облегчался тем, что чехословацкое и польское эмигрантские правительства имели своим местопребыванием Лондон и находились под непосредственным британским контролем. Во время самого тяжелого для Чехословакии периода — после краха Франции и до вступления Советского Союза в войну, — эмигрантское правительство Бенеша позволило в 1940 г. британским советникам склонить себя на переговоры с поляками в Лондоне о создании после войны «Польско-Чехословацкой федерации».

Временное соглашение об этом было подписано уже 11 ноября 1940 г. По поведению англичан было видно, что они надеются после войны расширить эту федерацию, включив в нее соседние государства — Румынию и Венгрию, а возможно, и Австрию, если последняя вновь будет отделена от Германской империи. Таким образом, по мнению Черчилля, федерация различных наций вновь должна была занять свое «историческое место» в Европе взамен двуединой Австро-Венгерской империи.

Некоторое время спустя аналогичные тенденции стали наблюдаться и в отношении южной части Балканского полуострова. Британские консерваторы использовали обстановку, создавшуюся в результате немецкого нашествия на Югославию и Грецию в 1941 г. Греческое и югославское правительства бежали в Каир, а позднее обосновались в Лондоне. Англичане все сильнее нажимали на эмигрантские группы, добиваясь от них согласия на свои планы. Первым результатом такого курса явился договор о политическом союзе, подписанный 15 января 1942 г. между греческим и югославским эмигрантскими правительствами. Таким образом, усилиями Лондона первый шаг по пути к созданию «Балканской федерации» был уже зафиксирован на бумаге.

Один из известных экспертов консервативного британского правительства по вопросам политики Великобритании в Придунайских и Балканских странах профессор Сэтон-Уотсон разработал в июне 1943 г. меморандум, в котором он подробно изложил весьма актуаль-

ные в тот момент планы создания федерации. Вот что он писал об области между Балтийским и Эгейским морями, называя ее «зоной малых наций»:

«Можно с уверенностью сказать, что взаимоотношения в системе федерации сложатся удовлетворительным образом... Связи между восемью государствами в этой зоне, естественно, не могут считаться федеральными в том смысле, в каком это слово употребляется в Соединенных Штатах. Они более соответствуют старому немецкому понятию — «конфедерация» (как союз государств, или союзное государство), с одним только существенным отличием — ни одно из восьми государств не будет обладать той преобладающей силой и влиянием, какими пользовалась Пруссия внутри немецкого союза».

Говоря о греко-югославском союзном договоре от 15 января 1942 г., профессор заявляет, что этот договор основывался якобы на принципе «Балканы — для балканских народов», и продолжает:

«Это явится первым шагом по пути к созданию Балканской федерации, которая охватит все государства, «руководимые свободно и законно сформированными правительствами. В речах, последовавших после заключения пакта, король Греции и король Югославии высказали надежду на то, что Балканская и Польско-Чехословацкая федерации будут вдохновлены теми же самыми принципами» и что будет образован Центрально-европейский союз...»

Некоторые считали, что следует подождать до того момента, когда можно будет сразу создать всеобъемлющий союз или конфедерацию, охватывающую все государства от Балтийского до Эгейского моря. Но в Лондоне придерживались мнения, что сначала следует шаг за шагом создать северный и южный фланги такого союза, а в дальнейшем соединить их между собой.

Эмигрантские правительства и лондонский „Крестьянский интернационал”

Правительство Уинстона Черчилля пыталось провести в жизнь свои проекты сколачивания блоков на западной границе Советского Союза прежде всего при

помощи эмигрантских правительств стран, подвергшихся немецкому нападению. Эти правительства эмигрировали не потому, что они были антифашистскими, а потому, что Гитлер собирался их отстранить от власти. В большинстве случаев эмигрантские правительства сами были настроены весьма профашистски.

Различные эмигрантские правительства в Лондоне были весьма пестры по своему составу. Среди них встречались самые колоритные персонажи буржуазных политиков, которых в злую годину прибило к берегам Англии.

Греческие «правители без страны», например, были непосредственными наследниками пресловутой фашистской диктатуры Метаксаса, провозглашенной 4 августа 1936 г.; это были люди, насадившие через год после восстановления монархии террористическую деспотию, опиравшуюся на небольшую прослойку привилегированных классов.

Что касается Югославии, то обстановка здесь мало чем отличалась от греческой. В период между двумя войнами здесь можно было наблюдать лишь карикатуру на демократию. После переворота 6 января 1929 г., совершенного генералом Петром Живковичем, в Югославии при содействии династии Карагеоргиевичей был установлен режим диктатуры. Позднее различные привилегированные группы сменяли друг друга у власти, но не было ничего похожего на демократию. В Белграде правили лишь при помощи силы. Переворот 1941 г., в частности, был результатом столкновения между influential приверженцами немецкой и англо-саксонской ориентации.

Польское эмигрантское правительство генерала Сикорского, созданное 30 сентября 1939 г., также представляло собой слегка подновленное издание фашистской диктатуры Пилсудского, Рыдз-Смиглы и полковника Бека, терроризировавшей страну с мая 1926 г. В эмигрантское правительство было включено несколько представителей умеренных элементов польской крестьянской партии и несколько человек из крайне правого крыла польской социалистической партии — ППС, но это пополнение мало изменило политическое лицо эмигрантского правительства.

Вполне прав Бенеш, который в своих воспоминаниях пишет, что «бывшие приверженцы Пилсудского... преобладали среди поляков в Лондоне». При ближайшем ознакомлении все они оказывались фашистами и приверженцами диктатуры. Не мешало бы проявить большую бдительность в отношении этой разновидности «демократов», солидаризирующихся с откровенными фашистами. Многие представители буржуазной польской «демократии» принадлежали именно к этому сомнительному типу «демократов», хотя они и пытались маскироваться под патриотов.

Наконец, в этой связи следует упомянуть чехословацкое эмигрантское правительство Бенеша. Можно по-разному относиться к первой Чехословацкой республике Масарика и Бенеша, существовавшей в период между двумя войнами. Но нельзя отрицать, что ее внешнеполитическая франко-английская ориентация облегчила Англии и Франции проведение мюнхенской политики. Правящие круги Чехословакии привели страну к капитуляции перед фашизмом осенью 1938 г. Естественно, что эти исторические события закономерно должны были привести к полной дискредитации старых правительственных партий в глазах народа и к глубокому расколу в стране.

С самого начала престиж эмигрантского правительства был весьма невысок.

Эмигрантское правительство отдавало явное предпочтение реакционным элементам. В то время как влиятельное левое крыло было из него совсем устранено, состав правительства пополнился за счет правых элементов, пользовавшихся покровительством англичан.

Три посла и два генерала старого довоенного режима задавали тон в правительстве, а два бывших члена послемюнхенского марионеточного правительства — Лихнер и Файерабанд — дополняли эту клику.

Даже для английских консерваторов было достаточно ясно, что будет довольно трудно добиться после войны назначения такой сомнительной компании в качестве руководителей Придунайских и Балканских стран, прошедших суровые испытания войны. Неизбежно вставал вопрос о расширении политической и социальной основы эмигрантских правительств. Но консервативные

лондонские правители не посчитались с мнением народов этих стран, давно потерявших доверие к эмигрантским правительствам.

За исключением Чехословакии, все восточноевропейские государства являлись аграрными странами, в которых решающая роль принадлежала многочисленному крестьянству. В годы войны в Лондоне велась настоящая охота за так называемыми «демократическими крестьянскими лидерами» из восточноевропейских стран. Заметьте, именно за «крестьянскими лидерами» ярко выраженного буржуазного типа.

Полезно обратить внимание на одну важную особенность развития восточноевропейских стран в период между двумя войнами. Под воздействием ломки социальных устоев после первой мировой войны во всех этих странах проводились половинчатые аграрные реформы, направленные на ликвидацию вопиющих пережитков феодального строя. Характерно, что буржуазные аграрные реформы, вследствие консерватизма правящих кругов, всегда останавливались на полпути и не могли предотвратить надвигающегося социально-экономического краха в этих странах.

Огромное большинство крестьян, населявших Балканы и Придунайский бассейн, продолжало оставаться малоземельным; оно жило в ужасных социальных условиях, обрабатывая землю безнадежно устарелыми и крайне примитивными способами.

Эти крестьянские массы и рабочий класс были настроены революционно и их удавалось удерживать в прежней нищете лишь при помощи жесткого террора. В большинстве восточноевропейских государств до войны процветала неприкрытая фашистская диктатура.

Представители мелких крестьян и батраков преследовались так же, как коммунисты и также были объявлены «вне закона».

Одним из последствий буржуазных аграрных реформ явилось создание в большинстве восточноевропейских государств небольшого слоя зажиточных крестьян-собственников, своего рода крестьянской буржуазии, верхушка которой действовала заодно с городской буржуазией. Официальные «крестьянские» партии были созданы именно из представителей этих состоятельных крестьян.

Эти партии в условиях политической диктатуры получили возможность монополизировать крестьянское движение, ибо террор не допускал появления других партий. Это были именно те кулацкие течения, которые в период между двумя войнами объединялись в «крестьянские интернационалы» и создали «Аграрный институт» в Праге. Часть этих кулацких руководителей, так же как и наши LS¹ и финские лапуасцы, придерживалась откровенно фашистской ориентации.

Этих кулацких вожakov правительство Черчилля хотело вовлечь в игру и пополнить ими пеструю шайку изолированных и колеблющихся министров-эмигрантов. Таким образом рассчитывали предотвратить восстание малоземельных и эксплуатируемых крестьян, составлявших большинство населения восточноевропейских стран. Эти кулацкие элементы были основным «козырем» англо-саксов в послевоенной политической игре в Восточной Европе.

Характерно, что в начале 1942 г. английские правящие круги поручили специально созданной группе во главе с двумя политиканствующими экспертами — профессорами Сэтон-Уотсоном и сэром Фредериком Уайтом — вести работу с целым рядом эмигрантских «крестьянских представителей» указанного типа с целью привлечения их к осуществлению английских планов создания «Дунайско-Балканской федерации». Многие из эмигрантов самовольно взяли на себя роль представителей крестьян своей страны. Венгрия была представлена здесь старым радикалом-эмигрантом графом Михаэлем Карольи и неким А. Даниэлем. Никто из этих людей не был в Венгрии с начала 1919 г. Таким же сомнительным «крестьянином» был греческий представитель г-н В. Капернарос. Его основная связь с греческими крестьянами заключалась в том, что он в течение нескольких лет был директором «Аграрного банка Греции».

Мандаты представителей Чехословакии — господ Файерабанда и Лихнера — были не более солидными. Правда, оба они являлись членами чехословацкой

¹ LS — реакционный кулацкий „Союз земледельцев" в Дании. — *Прим. ред.*

аграрной партии, которая в свое время имела значительный вес и составляла основное ядро чехословацкого правительства в период между двумя войнами. Однако руководители этой кулацкой партии окончательно скомпрометировали себя содействием мюнхенскому стовору, а руководитель партии д-р Гаха заслужил прозвище чехословацкого квислинга. Два указанных выше деятеля были членами эмигрантского правительства в Лондоне, но их авторитет среди народа был подорван тем, что они после Мюнхена вошли в состав чехословацкого марionеточного правительства.

Д-р Павел был в Лондоне представителем небезызвестной румынской «национально-крестьянской партии», возглавляемой д-ром Юлиусом Маниу. Эта партия представляла собой конгломерат буржуазно-националистических элементов из Трансильвании и румынских кулаков. Юлиус Маниу и его сторонники были англофилами, но в партии ведущая роль принадлежала откровенным профашистам. Подобным образом Станислав Миколайчик и Витольд Кулерский являлись представителями крайне правого крыла партии польских кулаков.

Кулаки Югославии были представлены д-ром Миланом Гавриловичем — членом сербской «крестьянской партии». Националистическое кулацкое движение в Хорватии имело своим представителем в Лондоне д-ра Рудольфа Биканича, в то время как представителем «католической народной партии Словении» был патер Франциск Габровсек. Наконец, представителем правого крыла болгарских аграриев являлся бывший член парламента Димитре Манцакиев.

Вдохновленное англичанами это эмигрантское отребье 9 июля 1942 г. созвало конференцию в Лондоне и приняло так называемую «крестьянскую программу» для Восточной и Юго-Восточной Европы. Эта программа строго ограничивалась рамками буржуазных аграрных реформ. В качестве основного мероприятия по восстановлению европейских стран в послевоенный период эта программа рекомендовала просить финансово-экономическую помощь у великих западных держав. Весьма типична также позиция этих «крестьянских лидеров» в таком жизненно важном вопросе, как индустриализация отсталых областей.

При разработке этого пункта авторы программы руководствовались прежде всего стремлением обеспечить рынки сбыта и источники сырья для империалистических держав. В программе по этому поводу говорилось следующее:

«Необходимая нагрузка различных отраслей промышленности должна обеспечиваться, насколько это возможно, на базе кооперации, причем основной упор делается на обработку местных сельскохозяйственных продуктов и лесоматериалов. Мы уверены, что путем таких мероприятий удастся поднять жизненный уровень крестьян и таким образом избежать дальнейшей концентрации промышленности в больших городах».

Интересно также то, что «крестьянская программа» ни одним словом не обмолвилась о том, что огромные природные богатства восточноевропейских стран (нефть, уголь, руда и т. д.) должны быть избавлены от контроля иностранных монополий, предоставлены в распоряжение народов этих стран и превращены в базу для развития крупной промышленности.

В программе ясно проступают английские планы создания «восточноевропейских федераций». В разделе о перевозках товаров прямо указывается на необходимость создания таможенной унии после войны. Вот что там сказано:

«Мы желаем осуществить великие задачи во всех странах от Балтийского до Средиземного моря. В области таможенной политики следует примирить противоречивые интересы, и мы надеемся добиться такого примирения, подчинив все высшим интересам, общим для всех. Политика крайнего национализма XIX века оставила нам в наследство национальную рознь. В XX веке мы желаем служить более благородным целям... Если мы сумеем добиться своей свободы, мы сумеем покончить с ссорами прошлого и покажем миру, что у нас одна общая цель...»

Аграрная программа восточноевропейских кулацких лидеров была безоговорочно признана крупными империалистическими государствами на Западе. Причину этого следует искать в том, что эта программа обеспечивала сохранение старых порядков. Она исходила из того, что государства Восточной Европы попрежнему

останутся лишь поставщиками сельскохозяйственных товаров и сырья для западных индустриальных стран. Сырьевые источники должны были попрежнему оставаться в руках иностранных монополий; вместе с тем всячески тормозилось создание крупной промышленности, необходимой для развития экономики восточноевропейских стран. Полуколониальный характер этих стран и их зависимость от западного монополистического капитала оставались нетронутыми.

Это должно было явиться платой за «помощь» западных держав в деле экономического восстановления восточноевропейских стран после нацистской оккупации.

Показательно, что эта программа увидела свет в столице Англии как раз в тот момент, когда Черчилль выступил со своим проектом создания «Совета по делам Европы» и региональных федераций малых государств.

Когда чехословацкое эмигрантское правительство подписало акт о создании в послевоенный период «Польско-Чехословацкой федерации», Центральный Комитет находившейся в подполье Чехословацкой коммунистической партии немедленно выступил против этого соглашения. В резолюции ЦК Компартии от 15 декабря 1940 г. говорилось:

«...Бенеш сотрудничает с обанкротившимися польскими дворянами по вопросу о создании чехословацко-польского государства — государства антинемецкого и антирусского, подкупленного Великобританией... Если Бенеш участвует в англо-американских интригах против Советского Союза, то он сам и руководимые им эмигранты превращаются в весьма опасную агентуру, защищающую интересы англо-американского капитала, агентуру, настроенную весьма враждебно по отношению к чехословацкой национально-освободительной борьбе и ее интересам...»

Подобно тому как в свое время Гитлер добивался господства «Великой Германии» над Европой и Геббельс пропагандировал свою программу «нового порядка», после войны вошла в моду пропаганда ограничений суверенитета государств и создания «сверху

национальной» организации. Теперь эти империалистические теории усиленно распространяются в Западной Европе.

В ходе этой новой пропагандистской кампании против свободного существования национальных государств на Западе, то и дело ставится провокационный вопрос: почему именно коммунисты, которые являются интернационалистами по традиции, своим убеждениям и практическому боевому опыту, — почему они занимают «несовременную» и «устаревшую» позицию и выступают в защиту суверенных прав народов? Почему они возражают против «европейской федерации», против «мирового правительства» и против лозунга о создании «одного мира»?

Следует немедленно оговорить, что коммунисты, при всем своем интернационализме, никогда не давали обязательства соглашаться на любые международные мероприятия. Ведь существуют же международные заговоры с целью разжигания новых войн, с целью угнетения и эксплуатации «цветных народов» в интересах капиталистических монополий.

Ведь у Гитлера и Геббельса также был свой рецепт для создания «нового порядка в Европе» — европейское «объединение» под железной пятой угнетения. Как известно, отдельные буржуазные и социал-демократические политики, которые также действовали под вывеской «интернационализма», дошли до открытого предательства своих угнетенных и разоренных народов.

Во время войны один из известных буржуазных социал-демократических «теоретиков» председатель бельгийской «рабочей партии» Анри де Ман первым показал пример коленопреклонения перед гитлеризмом, маскируя это космополитическими фразами. Разве этот презренный ренегат не расписался в своих верноподданнических чувствах к нацизму, когда 6 июня 1942 г. он писал в «Ле Суар»:

«Не верьте, что нужно оказывать сопротивление оккупационным властям. Лучше признайте их победу и попытайтесь, учитывая это, добиться новых социальных успехов. Война в так называемых демократических странах привела парламентский режим и капиталистическую плутократию к краху. Эта гибель старого дряхлого мира

вовсе не является несчастьем для рабочего класса и социализма, а, наоборот, несет им освобождение...»

Разве мы не слышали в тот же период подобных рассуждений от продажного иуды Поля Фора, бывшего в течение многих лет французским социалистическим лидером? Каких только комплиментов в адрес «европейского объединения» Гитлера не расточали наши собственные социал-демократические вожди, компрометировавшие датское рабочее движение во время оккупации.

В своем космополитическом усердии эти буржуазные «интернационалисты» не только мирились с разбойничьими действиями немецкого империализма в отношении народов Европы. Они зашли так далеко, что стали совершенно отрицать самую основу всякого разумного интернационализма — равноправие народов. Вместо этого они расшаркивались перед преступной дискриминацией угнетенных наций и народов и перед людоедским истреблением тех, кого берлинские заправилы называли «низшими расами», чтобы оправдать свои чудовищные преступления! И это они называли «прогрессом»!

После войны главари англо-американского империализма унаследовали от Гитлера его «теорию» о существовании «высшей расы». США стали претендовать на «мировое господство». Дискриминация из-за происхождения и цвета кожи так же широко применяется к неграм в Америке, как к колониальным рабам в Азии и Африке. Не только нацизм, но и вообще империализм основывается на угнетении и эксплуатации одних людей другими, считая это чем-то само собой разумеющимся!

В противовес этому Советский Союз в теории и практике своей внешней политики основывается на равноправии народов и сотрудничестве между ними. В своей речи по поводу подписания финско-советского договора о дружбе и взаимопомощи 7 апреля 1948 г. Сталин в простых и понятных словах подчеркнул эту основную линию советского государства, сказав:

«Многие не верят, что могут быть равноправными отношения между большой и малой нациями. Но мы, советские люди, считаем, что такие отношения могут и должны быть. Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качествен-

ные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций... В этом смысле все нации — и малые, и большие, — находятся в одинаковом положении, и каждая нация равнозначна любой другой нации...

Не много найдется политических деятелей великих держав, которые бы рассматривали малые нации, как равноправные с большими нациями... Эти деятели, вообще говоря, не идут на заключение равноправных договоров с малыми нациями, так как не считают малые нации своими партнерами»¹.

Столь же последовательную точку зрения об основах сотрудничества между народами Сталин высказал еще двумя годами раньше. Отвечая 22 марта 1946 г. на вопросы московского корреспондента агентства Ассошиэйтед Пресс, он дал следующую оценку Организации Объединенных наций:

«Сила этой международной организации состоит в том, что она базируется на принципе равноправия государств, а не на принципе господства одних над другими. Если Организации Объединенных Наций удастся сохранить и впредь принцип равноправия, то она безусловно сыграет большую положительную роль в деле обеспечения всеобщего мира и безопасности»². Приведенные цитаты с предельной ясностью отражают позицию коммунистов в вопросе международного сотрудничества. Эта позиция принципиально противоположна агрессивным устремлениям империалистического лагеря. Диктат Уолл-стрита и отказ империалистического блока от соблюдения принципа равноправия народов привели к подрыву международного сотрудничества в рамках Организации Объединенных наций.

Дело не меняется от того, что западные претенденты на мировое господство сумели использовать целый ряд более слабых и зависимых от них стран для создания в ООН империалистической машины голосования. Самое наличие этой машины только подчеркивает насильственные методы действий империалистических держав.

¹ Внешняя политика Советского Союза. 1948 год. Часть первая, Госполитиздат, 1950, стр. 24.

² "Правда" от 23 марта 1946 г.

В 1940 г. чехословацкие коммунисты справедливо отклонили предложения эмигрантского правительства о создании «Польско-Чехословацкой федерации» после войны. Реализация этого плана могла бы привести лишь к укреплению реакционного польского эмигрантского правительства, которое превратилось бы в ведущую силу этой федерации. Создание федерации могло способствовать укреплению реакционных сил также и в Чехословакии, поскольку они получали бы постоянную поддержку со стороны более сильных польских фашистов. Создание федерации было выгодным только для реакционеров.

Присоединение к этой федерации Венгрии и Румынии, сохранивших свою старую социально-политическую структуру, могло только усугубить ее реакционный характер. Такая федерация служила бы оплотом феодальной реакции. Нельзя достигнуть положительного результата путем сложения реакционных величин. Таким путем можно только укрепить реакцию и содействовать ее наступлению на прогресс.

Точно так же дело будет обстоит при объединении малых стран с крупными империалистическими хищниками, такими, например, как империалистические Соединенные Штаты. Империализм задушит национальную культуру малых стран и навяжет им свой «образ жизни». От подобного объединения могут выиграть только интересы реакции.

Представители современного буржуазного космополитизма пытаются скрыть эти бесспорные истины и дезориентировать широкие народные массы в вопросах мировой политики. Их демагогическая агитация преследует цель всеобщего обмана.

Между буржуазным космополитизмом и истинным интернационализмом лежит пропасть, которая поглотит всякого, кто не замечает принципиального различия в их подходе к проблеме международного сотрудничества.

ВНУТРЕННИЕ ФРОНТЫ И ВТОРОЙ ФРОНТ

„Первый филиал” Черчилля — Югославия

Пресловутая «западная демократия», господствующая в империалистических державах, всегда отличалась своеобразным характером. Она никогда не поддавалась экспорту в колонии и зависимые от великих держав территории. По вполне понятным причинам колонизаторы никогда не опирались в колониях на прогрессивные народные силы. Напротив, они всегда опирались и опираются на местные реакционные феодальные круги. С этими последними колониальные власти заключают, так сказать, брак по расчету. Таким путем создаются преграды для борьбы за свободу и демократию. Такой союз между феодализмом и империализмом в большинстве случаев имеет своим результатом усиление эксплуатации «туземного» населения. Империализм несет с собой жесточайшее высасывание соков из колониальных народов.

Такую же политику западные державы проводили и в восточных и юго-восточных странах Европы, отсталых в экономическом и социальном отношениях, а иногда находящихся на положении полуколоний. Сравнительно слабое развитие национальной промышленной буржуазии, безраздельный контроль иностранных монополий над важнейшими естественными богатствами этих стран, подчиненный и паразитический характер торговли привели к тому, что в начальный период «самостоятельного» развития этих стран дело не дошло до победы буржуазии, а закончилось компромиссом между буржуазией и феодализмом. Союз между ними был направлен против рабочего движения и против широких масс беднейшего крестьянства, составлявшего большинство населения. Именно

на этот реакционный союз привилегированных слоев и опираются «демократические» великие державы в своем стремлении к экономической экспансии.

При такой политической ситуации, сохранявшейся в течение жизни более чем одного поколения, в восточно-европейских странах развивалась жестокая пародия на демократию. Коррупция, предвыборные махинации и страшное угнетение большинства населения становятся постоянными явлениями там, где господствуют империалистические державы. Заинтересованные великие державы разворачивали свои интриги в первую очередь среди привилегированной верхушки, окружающей королевский дом. Участие королевских династий в крупных политических интригах стало обычным явлением в этих странах, особенно в Балканских.

Когда социальные и другие внутренние противоречия в той или иной стране обострялись до такой степени, что даже предвыборные махинации и интриги не могли обеспечить стабильности режима, правящие круги и их иностранные покровители обычно прибегали к военным переворотам и установлению фашистской диктатуры, чтобы избежать крушения старых социальных устоев. Вовсе не являлось исторической случайностью, что почти во всех Придунайских и Балканских странах до второй мировой войны существовала та или иная форма фашистской диктатуры.

Важно также отметить, что великие западные державы никогда не страдали слишком сильным пристрастием к демократическим формам правления и поэтому ничуть не возражали против режима фашистской диктатуры, господствовавшего в восточноевропейских странах. Дело принимало серьезный оборот только в том случае, если та или иная великая держава завоевывала себе в стране доминирующее положение. В таких случаях обычно совершался переворот, инициаторы которого бывали так же реакционны, как и их предшественники, но поддерживались другой иностранной группировкой. Западные государства начали «осуждать» формы правления в Восточной Европе лишь после войны, когда в большинстве восточноевропейских стран победила народная демократия, свергнувшая бывших феодальных властителей.

Западные империалистические державы всегда последовательно выступали в роли покровителей реакции в Средней и Восточной Европе. Это признается даже многими буржуазными авторами. Так, например, сторонник рузвельтовского «нового курса» банкир Джэймс Варбург в своей книге, посвященной разбору политики западных держав в период между двумя войнами и носящей название «Внешняя политика формируется дома», совершенно справедливо замечает о политике союзников после первой мировой войны:

«Правительства союзников не верили в прочность социальной структуры собственных стран. И поэтому они стремились уничтожить большевизм, опасаясь, что он проникнет в их собственные страны. Союзники использовали свою победу не для того, чтобы помочь развитию демократии в Европе, а стремились сохранить у власти представителей наиболее реакционных политических группировок, правивших в различных странах Европы до 1914 г.»

Режим жесточайшей эксплуатации и угнетения, насажденный империалистическими великими державами во всех зависимых от них странах, был в корне враждебен всякой демократии и основывался на подавлении широких народных масс. Если бы народ в таких странах взял власть в свои руки, то это не только нанесло бы удар местной феодально-буржуазной реакции, а также подорвало бы экономическое господство иностранного империализма в этих странах и лишило бы его прибыльных источников сырья и рынков сбыта. Вот почему западные державы заинтересованы в насаждении реакционных режимов в зависимых от них странах!

Тот, кто не понимает этой общности интересов империализма и полуфеодальной реакции в малых странах Восточной Европы, тот решительно ничего не понимает в развитии Придунайских и Балканских стран в эпоху империализма. Все буржуазные «критики» стран народной демократии усиленно отрицают ту очевидную истину, что восстановление в этих странах господства империализма может привести только к возрождению сил реакции и установлению той или иной разновидности диктатуры. Даже самое минимальное знание азбуки мировой политики в эпоху империализма и знакомство с историей

дают возможность предсказать это с полной уверенностью. Дело не меняется от того, что западные державы опирались в Придунайских областях и на Балканах на вождей кулацких аграрных партий. Буржуазные земельные реформы в этих странах, проведенные в свое время реакционными правительствами, отнюдь не ставили себе целью справедливый передел земли, который удовлетворил бы широкие массы бедняков-крестьян. Политической целью этих сомнительных реформ являлось создание определенного количества крупных кулацких хозяйств, призванных служить социальной опорой правящих кругов. Широкие же массы малоземельных крестьян продолжали прозябать в прежней нищете.

В свете всего этого и следует рассматривать замысловатые военно-политические махинации англо-саксов на Балканах и в Придунайских странах во время второй мировой войны.

В этот период так же, как и после первой мировой войны, британские консерваторы приложили все усилия к тому, чтобы любой ценой сохранить в этих странах старые порядки. Их целью было вернуть обанкротившимся реакционным правителям утерянные ими позиции. Англичане особенно стремились сохранить влияние королевских династий в качестве естественного центра для объединения реакции. Не случайно Уинстон Черчилль заявил, что он уважает монархов.

Предписываемое из Лондона «сопротивление» немецким оккупационным властям всегда преследовало именно эту цель. Британская тактика в оккупированных восточноевропейских странах определялась двумя главными моментами.

Во-первых, стремились сформировать во время оккупации как можно больше вооруженных подразделений из остатков старых вооруженных сил и подчинить их реакционным офицерам. Главная задача этих сил заключалась в том, чтобы «предотвратить анархию», когда будет сломлена немецкая оккупация. Эти силы должны были после войны проложить путь к власти для эмигрантских правительств. Эти «внутренние войска» могли быть также использованы в случае высадки британского десанта или вторжения англичан в оккупированные страны.

Вторым моментом политической стратегии Великобритании являлось намерение чинить всевозможные препятствия народному движению сопротивления оккупационным властям. В широком народном движении сопротивления англичане справедливо видели огромную потенциальную опасность для своего влияния в восточно-европейских странах. Они опасались, что народное движение приведет к созданию новой государственной народной власти, которая явится могучим конкурентом эмигрантских правительств. При господствовавших на Балканах и в Центральной Европе архаических социальных устоях не была исключена возможность революционного взрыва. Народная власть не только угрожала бы союзннику англичан — местной реакции, — но также представляла бы собой величайшую опасность для господства западных держав в восточноевропейских странах. Социализм мог найти благодарную почву в этих отсталых и заброшенных уголках Европы.

Именно этими соображениями диктовалась британская политическая стратегия и тактика в оккупированных странах во время войны. Последствия этой политики составили разительный контраст с теми «демократическими» освободительными лозунгами, которые выдвигались англо-саксонской пропагандой.

Поучительно будет проследить развитие событий в Югославии. Сербская реакция еще в довоенный период разделилась на два конкурирующих между собой лагеря. В первые годы войны отношения между ними крайне обострились. Одна группа делала ставку на сотрудничество с Германией, а другая — на западных союзников. Виднейшими представителями первой группы были принц-регент Павел, бывший диктатор Стоядинович и премьер-министр Цветкович, которые 24 марта 1941 г. подписали в Вене злополучный договор о присоединении Югославии к «антикоминтерновскому пакту». Однако через два дня правительство было свергнуто в результате военного переворота, организованного сторонниками англичан.

Генерал Милан Недич — военный министр в правительстве Цветковича — образовал осенью 1941 г., после оккупации страны немцами, сербское квислинговское правительство, которое тесно сотрудничало с оккупационными властями. Проанглийские силы в Югославии после

бегства короля и правительства сгруппировались вокруг реакционного сербского генерала Драже Михайловича. Последний получил от эмигрантского правительства директивы о том, чтобы создать в стране нелегальную военную организацию в горном районе Равна Горе в Западной Сербии — так называемое «королевское югославское внутреннее войско». В задачу этого войска не входила непосредственная борьба против оккупационных властей. Оно должно было находиться в состоянии боевой готовности в ожидании предполагаемой высадки англичан на Балканах.

Уже летом 1941 г. через турецких консулов в Югославии Михайлович установил прямую связь с эмигрантским правительством в Лондоне, а через Стамбул была установлена также прямая связь со штабом британской восточной армии в Каире. Для поддержания ежедневного контакта с эмигрантским правительством в Лондоне и местными командирами в различных районах Югославии, командование «внутреннего войска» имело не менее шестидесяти тайных радиостанций, разбросанных по всей стране.

Однако, несмотря на наличие такой военной организации Драже Михайловичу и его четникам не удалось контролировать югославское движение сопротивления против оккупационных властей. 7 июля 1941 г. в Сербии началось широкое народное восстание против немцев, руководимое югославскими коммунистами, которые впоследствии были преданы Тито и его кликой.

Мощность восстания и его широкий размах застали врасплох Михайловича и прочих руководителей «внутреннего войска». Вначале организация четников держалась пассивно и была изолирована в горах Равна Горе, но позднее четники решили принять активное участие в борьбе против народного восстания. Когда предатель Милан Недич 29 августа сформировал коллаборационистское сербское правительство, Михайлович немедленно послал своего представителя генерала Александра Мизича в Белград, чтобы наладить там сотрудничество с квислинговцами. Между обоими реакционными генералами было заключено официальное соглашение о совместной борьбе против партизан. Недич обещал вооружать и финансировать подразделения Михайловича и добиться у немцев

их «легализации». Немецкий главнокомандующий генерал Данкельман сразу же согласился на это.

Поскольку между тем восстание в сентябре и октябре продолжало непрерывно расширяться и охватывало все новые и новые районы, Михайлович начал, повидимому, сильно опасаться изоляции и несколько недель спустя изменил свою тактику — некоторые из его подразделений начали производить небольшие вылазки против немцев, а сам Михайлович вступил в контакт со штабом партизан в Западной Сербии. Более того, 26 октября 1941 г. четники заключили договор с партизанами о совместных действиях против немцев. Это соглашение, однако, просуществовало всего несколько дней. Уже 1 ноября Михайлович отдал своим подразделениям предательский приказ нападать на партизан с тыла и уничтожать их. Чем объяснялся такой поворот в тактике Михайловича?

Во второй половине октября в штаб Михайловича прибыли неожиданные гости. Военный министр эмигрантского правительства генерал Боголюб Илич послал из Каира в Сербию двух штабных офицеров — майора Остоича и Марка Лалатовича. Их сопровождал капитан из штаба британской восточной армии Хадсон. Эти лица, спустившиеся на парашютах, привезли с собой конкретные директивы Михайловичу, гласящие, что четники ни в коем случае не должны сотрудничать с партизанами. Позднее Михайлович рассказывал на суде о содержании этих директив:

«Эти указания исходили из того, что в Югославии не должно быть никакого восстания. Борьба в Югославии не должна была превратиться в коммунистическое движение, поддерживающее Советский Союз...»

Это и заставило четников нарушить соглашение, подписанное ими всего несколько дней назад. Это же заставило их предпринять без всякого предупреждения предательское нападение на партизан, которые вели борьбу против немцев. С этого момента капитан Хадсон становится постоянным представителем британского верховного командования при штабе Михайловича, прекрасно осведомленным обо всех его дальнейших маневрах.

После прибытия капитана Хадсона в Равна Горе Михайлович сразу же вернулся к своей первоначальной тактике «легализации». Нужно было формировать кадры для

«внутреннего войска» и в то же время вести беспощадную борьбу против партизан. Эта тактика началась с открытого предательства национально-освободительного движения. 13 ноября Михайлович лично встретился в деревне Дивзи с начальником штаба немецкой армии в Сербии и руководителем гестапо Мателем. Михайлович предложил свое сотрудничество в подавлении восстания при условии получения оружия от оккупационных войск.

Михайлович сразу доказал свою «лояльность», выдав немцам в ту же ночь 365 пленных партизан. Все они, за исключением 30 человек, были расстреляны. На следующий день Би-Би-Си объявила из Лондона, что сопротивление оккупационным властям в Югославии должно осуществляться только под руководством генерала Михайловича. Все вооруженные подразделения обязаны стать под его командование, в противном случае они будут рассматриваться как изменники родине.

Это совершенно ясно и недвусмысленно показало, как королевское эмигрантское правительство и англичане боялись народного движения сопротивления на Балканах.

На совещании со своими командирами, состоявшемся 30 ноября 1941 г. в Равна Горе, Михайлович отдал окончательное распоряжение о «легализации». Его сербские отряды были немедленно поставлены под командование Недича и немцев, но борьбой против партизан продолжал руководить сам Михайлович.

В начале 1942 г. четники перешли на легальное положение и в той части Югославии, которая была оккупирована итальянцами. Был заключен целый ряд официальных соглашений о совместной борьбе против партизан, и итальянское верховное командование обязалось посылать со складов итальянской армии вооружение и снаряжение подразделениям Михайловича. В Черногории, Боснии, Далмации и Герцеговине четники активно включились в борьбу против движения сопротивления.

Британский представитель капитан Хадсон был прекрасно осведомлен обо всех этих сделках. В штабном архиве Михайловича было найдено письмо Хадсона от 11 июня 1942 г., в котором он целиком солидаризируется с деятельностью Михайловича. В этом письме Хадсон высказывает желание лично встретиться с двумя-тремя командирами четников, которые, следуя итальянскому

приказу, особенно «отличились» в последних боях против партизан.

Вот какое удивительное переплетение событий наблюдалось иногда на фронтах Балкан во время второй мировой войны!

Одобренный англичанами и эмигрантским правительством «поворот фронта» Михайловичем зашел так далеко, что глава четников при реорганизации югославского эмигрантского правительства в январе 1942 г. был торжественно назначен военным министром этого правительства. Имеется также целый ряд документов, которые свидетельствуют о том, что эмигрантское правительство в Лондоне целиком одобряло как его кровавую борьбу против партизан, так и его сотрудничество с немцами. Почти ежедневно оно подбадривало его своими радиодирективами.

Позицию эмигрантского правительства можно проиллюстрировать несколькими красноречивыми примерами, проливающими свет также на настроения, царившие в тот период в Лондоне. Все они показывают, что Михайлович в то время действовал не только по своей инициативе. Он строго следовал официальной линии югославского эмигрантского правительства. 7 мая 1942 г. руководитель эмигрантского правительства Слободан Иованович писал своему министру иностранных дел Ниничу:

«Нами передана секретная директива не предпринимать несвоевременных действий большого масштаба, поскольку мы не желаем больших жертв и жестоких репрессий. ..»

В другом письме к министру иностранных дел Иованович совершенно откровенно рассказывает о своих директивах Михайловичу. В этом письме, датированном 14 июля 1942 г., говорится буквально следующее:

«Генералу Михайловичу была дана директива начинать восстание только в случае высадки мощных сил союзников в Югославии или в случае поражения Германии, и ни при каких других обстоятельствах, даже если будет передан такой приказ по радио...»

Это убедительно разоблачает лживость передач Би-Би-Си в военные годы. Ведь в течение трех лет Би-Би-Си неуклонно рекламировала Михайловича как «вождя»

югославского движения сопротивления, якобы руководившего всей вооруженной борьбой с немцами. В действительности же Михайлович делал все возможное, чтобы потопить в крови сопротивление югославского народа немецким оккупантам. Сотни документов с несомненностью доказывают это. Чего стоит после этого демагогическая агитация Черчилля за Михайловича, которого он прочит в «вожди» югославского народа!

В течение 1942 г. советское правительство предъявило западным союзникам огромное количество доказательств предательства Михайловича. Несмотря на это последний получил «королевский рескрипт», в котором эмигрантское правительство благословляло его на продолжение предательской деятельности. В телеграмме из Лондона, датированной 6 августа 1942 г., говорилось:

«Генералу Михайловичу. Я одобряю работу вашу и ваших сотрудников на благо нашего народа, для восстановления нашей родины. Я рекомендую вам создавать подобные организации во всех областях Югославии. Главнокомандующий Петр».

Королевский дом и эмигрантское правительство всячески пытались поддержать свой авторитет в пресловутом «внутреннем войске». После жестокой расправы четников с населением Черногории и других провинций 11 сентября 1942 г. целый ряд офицеров Михайловича был награжден высшими югославскими орденами. В их число вошли отъявленные головорезы — палачи югославских партизан, действовавшие по приказам итальянского и немецкого командования. За несколько месяцев до этого эмигрантское правительство совсем по-иному отнеслось к другой группе офицеров. 3 июля 1942 г. было решено исключить одиннадцать видных офицеров из рядов югославской армии за «дезертирство». Это были те офицеры, которые во время восстания боролись против немцев в рядах партизан. Среди исключенных был начальник штаба партизанского отряда капитан Арсо Иованович, инициатор и организатор освободительной борьбы против оккупационных властей. После разоблачения прямого предательства Тито в 1948 г. этот мужественный и способный офицер и югославский народный герой был убит из-за угла агентами клики Тито, перешедшей на сторону англо-американцев.

Сотрудничая с немецкими и итальянскими оккупационными войсками, Михайлович и его реакционная военная организация продолжали вместе с тем оставаться на службе у Великобритании. Какие цели они преследовали? Их главная задача состояла в том, чтобы восстановить старый реакционный режим, когда Германия потерпит поражение или когда западные союзники предпримут высадку на Балканах. Эта задача могла быть решена только путем подавления народно-освободительного движения в Югославии.

Летом 1942 г. Черчилль испытывал глубокое разочарование в связи с тем, что немцы никак не могли справиться с Красной Армией. Уже через несколько недель после заключения в мае 1942 г. англо-советского договора о союзе и взаимопомощи Черчилль предпринял энергичные попытки затянуть открытие второго фронта. Он всячески препятствовал оказанию эффективной помощи Советскому Союзу и систематически отодвигал реализацию планов высадки союзников в Западной Европе. Черчилль стремился в первую очередь осуществить свои планы операций на Средиземном море. Ему удалось переправить в Северную Африку американские войска, предназначавшиеся для высадки во Франции.

На конференции в Касабланке в январе 1943 г. Черчилль добился одобрения планов высадки десанта в Сицилии. Дальнейшие его намерения сводились к тому, чтобы эту операцию дополнить соответствующим десантом западноевропейских войск на побережье Югославии. После конференции в Касабланке Черчилль отправился в Турцию, чтобы уговорить турецкое правительство дать согласие на вступление в войну в 1943 г. и, таким образом, предоставить союзникам возможность вторжения в Болгарию. Турецкие власти дали свое принципиальное согласие на это, но ставили условием большие американские поставки по ленд-лизу. Окрыленное перспективами высадки союзных войск в районе «уязвимого подбрюшья Европы», британское правительство в декабре 1942 г. послало в штаб Михайловича полковника Бейли с новыми директивами для четников. О привезенных Бейли инструкциях Михайлович рассказывает:

«Он [полковник Бейли] привез письмо... Когда он прибыл, я узнал, что высадка должна быть предпринята на нашем побережье».

Михайлович рассказал далее, что в первый момент он хотел предложить примирение с партизанами ввиду предстоящей высадки союзников. Но его британский советник полковник Бейли придерживался другого мнения.

«Он посоветовал мне нечто другое. Он предложил мне уничтожить коммунистов».

Таким образом, уже во второй раз за время оккупации посланец британской армии роковым образом вмешивался во внутренние дела Югославии. Готовясь к высадке, англичане считали своими главными врагами партизан, а не немцев. О своих соображениях по поводу высадки Михайлович рассказывает следующее:

«Уже зимой 1942/43 г. меня информировали о том, что высадка должна состояться на побережье Далмации или в каком-нибудь другом месте нашего побережья. Я проанализировал все возможные варианты и пришел к заключению, что наилучшие условия для высадки были в Далмации, близ Сплита, где расположено много островов, которые могли бы облегчить высадку десанта. В это время партизаны начали свои атаки в Далмации. Одно было ясно для меня: я должен был удерживать свои позиции в Далмации...»

Первым конкретным результатом новых директив, привезенных полковником Бейли, явилось то, что Драже Михайлович 2 января 1943 г. приказал всем командирам четников готовиться к походу против партизан.

На следующий день в Риме состоялось совещание, на котором обсуждались те же проблемы. На этом совещании, проходившем под председательством Муссолини, немецкий генерал-полковник Лер и итальянские генералы Роатта, Работти и Каваллеро, вместе с одним хорватским генералом-квислинговцем, разработали план совместного наступления на югославских партизан. Четыре немецкие дивизии, пресловутая эсэсовская дивизия «Принц Евгений», три итальянские дивизии и две хорватские бригады усташей должны были участвовать в концентрированном наступлении на главные силы партизан на побережье. Михайлович и его советники решили принять участие в этом наступлении на партизан.

Действуя по указаниям своих британских советников, Михайлович бросил 15—20 тысяч своих четников в наступление, продолжавшееся с 15 января до середины апреля 1943 г. Партизаны были вынуждены отдать врагу занятую ими территорию, но им все же удалось выйти из окружения. Весьма показательно, что войска Михайловича во время этих боев снабжались деньгами, оружием и амуницией как с английских, так и с немецких складов. В борьбе против общего врага британские и немецкие интересы неожиданно слились воедино, несмотря на соперничество Англии и Германии на Балканах. Англо-германская помощь, однако, не спасла четников от значительных потерь и ряда поражений в боях против партизан.

В течение этих месяцев события в Югославии становились все более запутанными. Британские советники Михайловича майор Хадсон и полковник Бейли свободно разъезжали вместе со своими друзьями-четниками по итальянской зоне оккупации и посещали расположенные в ней города. Они присутствовали при кровавых расправах с пленными партизанами, которых приговаривали к смерти за то, что они боролись за дело союзников.

Как известно, Черчиллю не удалось добиться согласия Рузвельта на свой первоначальный балканский проект. Вместо этого последовала высадка в Сицилии и Южной Италии. В начале лета 1943 г. Михайлович был уведомлен через полковника Бейли, что высадка в Югославии отложена. Он удалился вместе со своим штабом 1 июня 1943 г. в глубь Сербии, оставив ряд своих подразделений под итальянским верховным командованием в прибрежной полосе. Михайлович рассказывает об этом:

«Я исходил из того, что высадка осуществится, когда мы достигнем определенной точки в Италии...» Однако балканский проект Черчилля так и не был осуществлен. Союзники потерпели в Италии полный крах. После прихода к власти Бадольо британские инструкторы при штабе Михайловича получили новое задание. Используя создавшееся запутанное положение, они вступили в открытые переговоры с местными итальянскими генералами. Полковник Бейли вместе с одним из командиров четников Лукашевичем отправился в Беран [Черногория], чтобы уговорить командование итальянской дивизии «Венеция» выступить против немцев. После переворота Бадольо в

Италии летом 1943 г. Михайловичу удалось договориться с командующим итальянскими войсками на Балканах генералом Роатта о передаче четникам значительного количества итальянского вооружения. Когда в первые дни сентября немцы начали свое наступление против отколовшихся от них итальянских союзников, Михайлович и его четники ни в какой мере не оправдали надежд, которые возлагались на них англичанами.

Михайлович дал знать всем своим местным командам в итальянской зоне, что они не должны оказывать сопротивления наступающим немецким войскам. По старой привычке и из осторожности Михайлович до последней минуты продолжал свою коллаборационистскую деятельность. В начале нового 1944 г. все соединения Михайловича, находившиеся в прибрежной полосе, вновь «легализовались» — на сей раз под покровительством немецкого командования. Преследования югославских партизан проводились со все нарастающей жестокостью.

Двойная игра Михайловича постепенно начала вызывать подозрения англичан, которые стали терять доверие к своему ненадежному протеже. В декабре 1943 г. один из виднейших разведчиков британской армии генерал Армстронг лично прибыл в штаб Михайловича, чтобы внести ясность в создавшееся положение. Он оставался в штабе Михайловича до мая 1944 г. и сделал неблагоприятные для четников и эмигрантского правительства выводы. В феврале 1944 г. британское правительство открыто объявило Михайловича коллаборационистом, умолчав, однако, о том, что он сотрудничал с немцами с санкции самих англичан.

В отношении югославского эмигрантского правительства Черчилль повел несколько иной курс. В условиях все расширяющегося движения сопротивления в Югославии его главной задачей было внесение раскола в ряды партизан. Орудием в этих маневрах должны были служить Тито и его клика.

„Интеллидженс сервис“ за работой

«Я получил печальный отчет о ситуации в Греции. Голод опустошает страну, как эпидемия. Люди умирают на улицах тысячами», — так описывает Геббельс в своем

дневнике 30 января 1942 г. результаты хозяйничанья немцев в оккупированных странах. 27 февраля того же года Геббельс продолжает:

«Население в оккупированных странах сильно страдает от материальных лишений. Голод и холод стали обычным явлением. Но население, переносящее такие лишения, редко решается на восстание».

В отношении Греции гитлеровский министр пропаганды, однако, ошибся. Греческий народ единодушно поднялся и изгнал опустошавшую страну немецкую оккупационную армию. Тысячам смертей был положен конец, но последствия оккупации приобрели в Греции катастрофический характер. Эта горная страна никогда не обеспечивала себя хлебом. До войны она была вынуждена импортировать 350 тысяч тонн пшеницы из-за границы. Средства для этого приносил главным образом греческий торговый флот, имевший двухмиллионный тоннаж и осуществлявший фрахтовые перевозки. Оккупированная Греция потеряла свой флот и в результате этого лишилась возможности покупать хлеб на зарубежных рынках. Кроме того, оккупационная армия, как саранча, пожирала большую часть самой дефицитной в стране продукции — зерна. В результате такого высасывания соков немецко-итальянскими армиями в первые два года войны (1941 — 1942 гг.) умерло голодной смертью свыше 400 тысяч греков.

Греческое правительство во главе с бывшим директором Национального банка Греции реакционером-монархистом Эмануэлем Цудеросом бежало в Лондон и прежде всего занялось там разработкой планов восстановления в Греции после войны реакционной диктатуры. Другое крыло греческих монархистов решило образовать в Греции квислинговское правительство. Перед греческим народом встал выбор — умереть с голоду или освободиться от тех, кто привел страну к рабству и вымиранию.

29 сентября 1941 г. в Греции была создана организация, взявшая на себя задачу поднять греческий народ на решительную борьбу с оккупантами и их приспешниками.

Эта организация называлась ЭАМ — Национально-освободительный фронт Греции. Она объединяла всех противников довоенной диктатуры Метаксаса. В рядах ЭАМ состояли люди самых различных политических

убеждений: коммунисты, социалисты, республиканцы, члены греческой крестьянской партии, демократического союза, прогрессивной партии и левого крыла либералов.

Говоря о греческом движении сопротивления во время второй мировой войны, следует подчеркнуть, что наибольший вклад в это движение внес ЭАМ. В послевоенные годы буржуазная пропаганда пыталась оклеветать ЭАМ и умалить его заслуги. Поэтому полезно будет ознакомиться с рассказом одного из участников греческого движения сопротивления о деятельности этой организации в годы войны. 20 и 27 января 1946 г. греческий принц Петр из династии Глюксбургов опубликовал две статьи в консервативной датской газете «Берлингске тиденде», в которых об ЭАМ говорится, между прочим, следующее:

«Самой главной организацией сопротивления был ЭАМ (Национально-освободительный фронт). Он вырос из коммунистической партии (ККЕ) и имел в своем распоряжении целую сеть организаций, существовавших уже во время военной диктатуры генерала Метаксаса, установленной 4 августа 1936 г. Вскоре ККЕ приняла на себя общее руководство всеми действиями движения сопротивления фашистским захватчикам. ЭЛАС (Национально-освободительная народная армия) насчитывала 60 тысяч хорошо вооруженных, хорошо организованных и находящихся под опытным руководством бойцов. Во главе этой организации стояли такие люди, как Кларас (который также известен под кличкой «Арес» и «Велухиотис»), Сиантиос, Парцалидес, генералы Сарафис, Мандакас и Бакиис, профессора Сволос, Циринокос и Ангелопулос».

Отдавая дань послевоенным буржуазным установкам, принц Петр стремился изобразить ЭАМ как чисто коммунистическую организацию. Бесспорно, что коммунисты были инициаторами создания ЭАМ и его военной организации. Но ЭАМ не был коммунистической партийной организацией. В рядах ЭАМ удалось объединить самые широкие и разнообразные политические силы. Что эта организация охватывала не только греческое рабочее движение, подтверждается в другом разделе статьи принца Петра, где говорится о популярности ЭАМ среди греческих крестьян.

«Доведенное до предела нищеты крестьянское население, составлявшее костяк движения сопротивления

[1 300 деревень было сожжено немцами в виде репрессии за партизанскую деятельность], следовало за находящейся под коммунистическим влиянием ЭЛАС, руководствуясь патриотическими побуждениями и добиваясь земельной реформы. Меньшинство крестьянства, добивавшееся восстановления республиканского режима, существовавшего до 1935 г. — без монархии и без коммунизма, — присоединилось к Зервасу...»

В другом месте принц Петр пишет, что греческие крестьяне составляли 75 процентов населения страны. В Греции имелась лишь незначительная прослойка зажиточных крестьян, выделявшихся из широких масс крестьянской бедноты и проводивших свою кастовую политику. Одним из наиболее значительных результатов греческого освободительного движения явилось закрепление союза между рабочими и крестьянами и создание единого фронта между коммунистами и греческой левой крестьянской партией.

Принц Петр признает также совершенно ничтожную роль в движении сопротивления реакционной организации ЭДЕС. Эту организацию принц Петр характеризует довольно расплывчато:

«К сожалению, другая партизанская организация вступила в конфликт с ЭЛАС. Это была ЭДЕС [Греческая республиканская национальная армия], которой руководил полковник Наполеон Зервас, бывший республиканский революционный (?) офицер. Она насчитывала около 5 тысяч человек и центром ее была Янина — главный город Эпира. Ей удалось устоять в борьбе против превосходящих сил противника благодаря горному рельефу местности, в которой она оперировала...»

По сравнению с ЭЛАС, ЭДЕС была маленькой организацией, не имевшей даже десятой доли тех вооруженных сил, которыми располагала ЭЛАС. Кроме того, ее деятельность ограничивалась только одной прибрежной провинцией Эпиром, где она вербовала бойцов для своих подразделений исключительно из владельцев богатых земельных участков. Войска ЭДЕС поддерживали связь с эмигрантским правительством и штабом британской восточной армии, которые усиленно снабжали ее всем необходимым для борьбы с ЭЛАС. В первый период войны ЭДЕС также поддерживала тесную связь с итальянскими

оккупационными войсками. Один офицер из итальянской военной разведки в 1946 г. рассказал, что фашист Зервас начал свою карьеру на службе у итальянцев, а в дальнейшем его переманили к себе англичане. В октябре 1943 г. Зервас принимал активное участие в операциях нацистов против войск ЭЛАС. Таким образом, полковник Зервас открыто перешел на сторону врагов движения сопротивления и окончательно предал национальные интересы своей родины!

Кроме того, в оккупированной Греции существовала еще одна махрово-реакционная организация. Это было квислинговское правительство в Афинах, во главе которого первоначально стоял реакционный генерал Чолакоглу, а позднее—монархист Раллис. Вот что сообщает принц Петр о деятельности этих презренных коллаборационистов:

«Чтобы еще более ухудшить и усложнить положение, квислинговское правительство в Афинах, состоявшее из предателей, организовало при помощи немцев антикоммунистические отряды безопасности. Их главной задачей была помощь немцам в поддержании порядка. ...»

Во главе этих гитлеровских отрядов, сильно напоминающих созданный гитлеровцами в период оккупации Дании «свободный корпус», стоял реакционный греческий генерал Стилианос Гонатас, который впоследствии, во время оккупации Греции англичанами, занял пост военного министра в монархическом «коалиционном» правительстве. В послевоенный период сотни греческих партизан были зверски казнены только за то, что они боролись с оккупационными властями и их приспешниками из пресловутых «отрядов безопасности».

Столь же неприглядной является фигура руководителя монархической народной партии неизвестного Цалдариса. Как сообщает бывший начальник венгерской разведки генерал-майор Иштван Уйсаси, во время войны Цалдарис работал не только на англичан, но состоял также агентом немецкой и венгерской разведок. Вот какую пеструю картину представляло это сборище предателей!

Ни один беспристрастный наблюдатель не станет отрицать, что во время оккупации Греции ЭЛАС была

опорой греческого движения сопротивления. Бесспорным фактом является и то, что ЭЛАС оказала союзникам неоценимую услугу, заставив немецко-итальянских оккупантов бросить значительную часть своих войск на борьбу с партизанами в горах Греции.

Несмотря на это ЭАМ и его военная организация никогда не пользовались поддержкой со стороны Англии, хотя они значительно облегчили англичанам проведение операций на Средиземном море. С точки зрения Уинстона Черчилля греческое движение сопротивления страдало двумя существенными «недостатками»: оно было народным республиканским движением и оно выдвигало программу социальных реформ, требующую уничтожения в послевоенной Греции режима диктатуры. Цели британских консерваторов были совершенно иными. Это особенно ясно выявилося в речи Уинстона Черчилля 31 августа 1943 г.

«Я с упованием жду того дня, когда Югославия и Греция снова будут свободны и снова сумеют сами строить свою собственную жизнь и сами будут определять свою судьбу. Я пользуюсь этим случаем, чтобы послать горячий привет их правительствам, королю Греции и королю Югославии, которые действуют столь решительно и которые, как мы надеемся, снова займут свои троны в результате свободного избрания их освобожденными народами Греции и Югославии...»

Между тем широкие массы балканских народов справедливо видели в монархии одно из главных орудий угнетения и эксплуатации, одну из главных причин бедствий и нищеты. В свете всего этого вполне понятно, что ЭАМ, отражавший взгляды народных масс, не мог содействовать проведению в жизнь английских планов в Греции. Поэтому англичане спровоцировали гражданскую войну в Греции, в которой Черчилль поддерживал полковника Зерваса и его реакционную организацию. 24 мая 1944 г. Черчилль сделал следующее заявление о событиях предшествующих лет в Греции:

«В это время продолжали царить настроения враждебности и недоверия, которые осенью (1943 г.) привели к гражданской войне между ЭАМ и прочими организациями движения сопротивления (?), главной из которых была ЭДЕС, возглавляемая полковником Зервасом,

получавшим от гражданского населения в своем районе неограниченную поддержку (?) и строго подчинявшимся приказам нашей ставки на Среднем Востоке».

Зервас был греческой разновидностью британского протезе Драже Михайловича. Этот последний еще летом 1942 г. пытался установить сотрудничество с Зервасом, чтобы вместе с ним проводить общую тактику. Британский полковник Бейли привез Михайловичу директивы английского командования в Каире, предписывавшие ему укреплять сотрудничество с Зервасом. Об этом свидетельствует письмо полковника Бейли Михайловичу от 3 февраля 1943 г. В этом письме, между прочим, говорилось:

«Через моего коллегу я получил сообщение от полковника Зерваса, в котором тот пишет: «Будьте добры передать братский привет от меня лично и от имени свободной Греции генералу Михайловичу и мужественным сербам. Я хочу быстро установить с ним контакт, чтобы разработать при участии англичан план совместных действий. Мои люди предлагают некоторые конкретные пути для встречи между вашими представителями, греками и нашими представителями. Когда я приеду, мы сможем подробно обсудить эти предложения...»

Таким образом, при посредстве британских инструкторов была установлена связь между Зервасом и Михайловичем. Это было частью британских планов установления господства на Балканах. Англичане пытались в этот период договориться с немецкими оккупационными властями об эвакуации последними Балканских стран. Уже в 1943 г. из Каира был направлен уполномоченный для переговоров с немецким командованием в Греции. Об этом рассказал генерал Иодль на Нюрнбергском процессе:

«Я очень хорошо помню, что англичане в этот момент установили контакт с нами в Афинах. Я помню, что к нам явился капитан, который заявил, что прибыл от главнокомандующего союзными войсками на Ближнем Востоке генерала Александера. Я присутствовал при докладе министра иностранных дел фон Риббентропа фюреру, и я помню, как он предложил испытать этот контакт, чтобы посмотреть, какие результаты он может дать. Фюрер согласился на это, но я никогда больше ничего не слышал об этом».

Это прощупывание почвы англичанами относится ко времени капитуляции Италии. Англичане чувствовали себя победителями и ждали скорого отступления немцев с Балкан.

О намерении англичан договориться с немцами об укреплении реакционных сил в Греции известно также и из других документов, относящихся к тому периоду. Самым красноречивым из них является донесение, которое было опубликовано в Белой книге ЭАМ. После падения Муссолини за два месяца до того, как полковник Зервас начал свое наступление против сил ЭЛАС в Эпире, британский бригадный генерал Эдди писал в своем рапорте из ставки Зерваса:

«Я думаю, что было бы полезно для всех нас установить контакт с представителями квислинговского правительства в Афинах и с некоторыми высшими офицерами из армии и полиции этого правительства. Их нужно убедить, что их долгом и делом чести будет передать руководителей и ЭЛАС и ЭАМ в руки немецких властей и помогать при их аресте...»

Комментарии излишни. Именно в этой политике нужно искать причину снисходительного отношения англичан к греческим квислинговцам военного времени. В своей речи от 24 мая 1944 г. Черчилль попытался скрыть предательскую роль генерала Гонатаса и его «охранных батальонов» и оклеветать ЭЛАС. Он заявил:

«Беспутство (?), которому предавалась ЭЛАС — военный корпус, входивший в состав ЭАМ — настолько оттолкнуло от нее население во многих частях страны, что немцы смогли создать охранные батальоны из греков для подавления движения ЭАМ. Эти охранные батальоны состояли главным образом из людей, которые гораздо охотнее отправились бы в горы, чтобы продолжать там партизанскую войну. Сами греки совершенно оттолкнули их от себя...»

«Охранные батальоны» генерала Гонатаса были точной копией квислинговских войск в прочих европейских странах, которые, находясь на службе у немцев, совершали злодеяния и вели войну против своих собственных народов. Несмотря на все это, Черчилль относился к ним благосклонно, поскольку они охраняли старый режим. Напротив, с ЭАМ Черчилль никогда не мог примириться,

так как она выступала с прогрессивной социальной программой, которая шла вразрез с основной линией британской политики на Балканах.

Именно попытки англичан подорвать влияние ЭАМ среди широких масс греческого народа послужили толчком к разжиганию гражданской войны в Греции в этот период. Следуя указке англичан, полковник Зервас 10 октября 1943 г. бросил свои войска в совместное с немцами наступление против партизанских отрядов. Он действовал точно так же, как югославский протеже Черчилля — Михайлович. Эта предательская тактика поистине была неотъемлемой составной частью политической стратегии англичан на Балканах во время второй мировой войны.

Уже в самый последний период войны — в 1944 г. — англичане постоянно составляли все новые планы подавления греческого движения сопротивления. Согласно данным, приведенным в Белой книге ЭАМ, английский полковник Вудхауз послал 24 апреля 1944 г. донесение из Греции, в котором цинично заявлял:

«Мы будем вынуждены рано или поздно послать бригаду, чтобы обезвредить Ареса (военный руководитель ЭЛАС), а в случае вооруженного восстания мы должны будем взять в плен генеральный штаб ЭЛАС...»

Не следует думать, что греческая трагедия послевоенных лет явилась результатом «хаотической обстановки», создавшейся после изгнания из страны немцев. Она была хладнокровно подготовлена лондонскими правителями заранее — за много месяцев до этого. Подлинная причина послевоенных политических осложнений в Греции заключается прежде всего в том, что руководители Британской империи задались целью порабощения Греции, совершенно не считаясь с волей греческого народа. Вот зачем понадобилась высадка английских войск в Греции в последние недели 1944 г.

Был период, когда почва совершенно ускользала из-под ног поддерживаемой Черчиллем монархо-фашистской греческой реакции.

Эмигрантское правительство утратило всякую связь с освободительной борьбой в стране, остатки «королевских войск», обосновавшиеся в Египте, также были совершенно дискредитированы. В своем заявлении в палате

общин 24 мая 1944 г. Черчилль был вынужден констатировать, что греческие «королевские войска» находятся в плачевном положении:

«Начиная с февраля... мы претерпели кризис весьма серьезного характера. Одна греческая бригада и большая часть греческого флота подняли восстание и заявили о своей поддержке организации под названием ЭАМ — греческое освободительное движение, которое, разумеется, направлено против короля и его правительства. Греческому королю, находившемуся в Лондоне, не советовали возвращаться в Каир, он был предупрежден, что такое возвращение будет стоить ему жизни. И все же несколько дней спустя он выехал в Каир. Положение в то время было очень серьезным. Греческая бригада была окружена английскими войсками приблизительно в пятидесяти километрах от Александрии, а греческий флот, поднявший восстание в Александрийском порту, находился в пределах досягаемости береговой артиллерии. В этот район стягивались превосходящие силы нашего флота. Такое напряженное положение продолжалось около трех недель. В конце концов, восстание во флоте было подавлено. Греческие суда были захвачены греками, стоявшими за правительство, и восставшие, потеряв около пятидесяти человек убитыми и ранеными, были взяты в плен и отправлены на берег. Восставшая бригада в пустыне подверглась нападению превосходящих британских сил, захвативших в плен главарей восстания, в подчинении у которых находилось 4 тысячи человек, которые сдались... Британские военные и морские власти проявили величайший такт и терпимость (?), благодаря чему в течение нескольких недель было восстановлено полное спокойствие и порядок, а греческие силы... были временно интернированы. ...»

В политическом отношении этот кризис совершенно выбил почву из-под ног реакционного эмигрантского правительства Цудероса. Создавшееся затруднительное положение заставило англичан созвать конференцию представителей всех греческих партий в Ливане, в результате которой в мае 1944 г. было образовано новое греческое правительство во главе с лидером маленькой социал-демократической партии Папандреу. В состав

нового правительства вошло несколько человек из руководства ЭАМ. Однако вскоре обнаружилось, что англичане отнюдь не отказались от поползновений разделаться с левыми греческими партиями. После освобождения Греции от немцев для этого были использованы находившиеся в стране британские вооруженные силы.

Можно шаг за шагом проследить, как английские деятели проводили свою реакционную политику и по отношению к северо-западному соседу Греции — Албании. Албания — маленькая горная страна у Адриатического моря — меньше всего нуждалась во вмешательстве извне, направленном на поддержку реакционных элементов в стране. По своей общественной структуре Албания была, пожалуй, наиболее отсталой феодальной страной в Европе. К началу войны она представляла собой какой-то сгусток пережитков турецкого средневековья. Затерянная в горах, она была предоставлена самой себе и изолирована от окружающего мира.

Хозяевами Албании были 160 богатых крупных помещиков (беев). Этим потомственным феодалам, правившим страной со времен турецкого владычества, принадлежало более двух третей земли в стране, и притом, конечно, земли наиболее плодородной. В Албании отсутствовали железные дороги и другие современные средства передвижения. Там не существовало почти никакой промышленности. Албания была страной пришедших в упадок примитивных ремесел. Природные богатства страны — нефть, битум, хром и различные руды, были переданы разложившимися албанскими властителями в распоряжение итальянских и британских монополий.

Во второй половине двадцатых годов один из крупнейших помещиков страны Ахмед Зогу совершил переворот и объявил себя албанским «королем». Затем он постепенно отдал страну под полный итальянский контроль и, между прочим, заключил соглашение, по которому в Албании должно было быть поселено триста тысяч итальянцев. Подобно тому, как в свое время английские колонизаторы скупили большую часть крестьянских земель в Малайе, Муссолини скупал или попросту при-

сваивал лучшие земли албанских крестьян и отдавал их итальянским переселенцам.

Когда весной 1939 г. Зогу был изгнан из Албании итальянскими войсками, превратившими это маленькое государство в итальянскую провинцию, господствовавшие в стране беи, испугавшись растущего недовольства крестьян, быстро договорились с оккупационными властями о создании нового марионеточного правительства и поставили прежнюю администрацию, жандармерию и помещичью милицию на службу итальянцев. Во время войны политические организации беев «Легалитета» и «Балла комбетаре», повидимому, завязали некоторые сношения с британскими агентами, которые действовали от имени изгнанного «короля» Зогу. Но одновременно они совершенно открыто сотрудничали с оккупантами.

Народное восстание против оккупационных властей было организовано молодой албанской коммунистической партией, которая была создана в ноябре 1941 г. на юге страны албанскими рабочими, крестьянами и прогрессивной интеллигенцией под руководством Энвера Ходжи. Своей первой задачей партия поставила освобождение страны от оккупации. Новое движение быстро превратилось в массовое движение, которое расширялось за счет присоединения к нему всех слоев трудящегося населения Албании. В 1942 г. уже были организованы первые сорок партизанских отрядов, насчитывавших десять тысяч человек. На национальном антифашистском съезде в городе Пеза в сентябре 1942 г. был избран Центральный народно-освободительный совет, который еще более активизировал движение сопротивления. В 1943 г. во всей стране уже вело борьбу свыше тридцати тысяч партизанских бойцов, которые в результате капитуляции Италии овладели большими запасами оружия. Было большим успехом, что в 1944 г. в маленькой Албании с ее населением в 1 миллион человек насчитывалось семьдесят тысяч партизан, действовавших против оккупационных властей и квислинговской организации «Балла комбетаре». Антифашистская и антифеодальная программа освободительного движения объединила вокруг него широкие массы албанского крестьянства.

Несмотря на внушительную народную поддержку, албанское народное войско и Народный освободитель-

ный совет так же мало пользовались расположением англичан, как ЭАМ и греческие партизаны. Английское верховное командование на Ближнем Востоке в течение многих лет поддерживало тайный контакт с квислинговцами и феодалами из «Легалитета» и «Балла комбетаре», которые во время восстания вели борьбу против своего собственного народа.

Британское проникновение в Болгарию и Венгрию

Господствующая клика в Болгарии, объединившаяся вокруг немецкой Кобургской династии, в марте 1941 г. через правительство Филова санкционировала присоединение страны к фашистскому блоку и превратила Болгарию в плацдарм для нападения немцев на Югославию, Грецию и Советский Союз. Это было произведено вопреки желанию народа. Широкие массы болгарского народа всегда были ярыми противниками политики войны, династии Кобургов и диктатуры. Как и в прочих Балканских странах, в Болгарии возникло мощное движение сопротивления нацизму.

Организаторами этого активного сопротивления немцам и диктатуре Филова были коммунисты, объединенные в рядах нелегальной Болгарской коммунистической партии. Уже летом 1941 г. были организованы первые группы сопротивления и партизанские отряды, но в силу постоянной нехватки оружия и снаряжения действия этих отрядов на первых порах ограничивались актами саботажа против немецких линий связи, покушениями на поезда и нападениями на фашистские военные склады с целью захвата оружия. Со второй половины 1942 г. партизанская борьба принимает организованный и массовый характер.

Существенным фактором в активизации все более широких слоев населения послужило планомерное разграбление Болгарии немцами во время войны. Сотрудничество болгарского фашистского правительства с Гитлером привело, наряду с прочими бедствиями, к тому, что немцы в военные годы безвозмездно вывезли из Болгарии товаров на 160 миллионов лей, главным образом сырья и сельскохозяйственных продуктов, которые часто насильственно реквизировались у крестьян. Стремясь

положить конец этим реквизициям и разграблению страны, все большие массы крестьян присоединялись к партизанам.

Чтобы придать движению сопротивления более сознательный политический характер, была разработана программа, ставившая своей задачей образование объединенного болгарского Отечественного фронта. Эта имевшая очень большое значение программа была составлена по поручению руководства Болгарской компартии Георгием Димитровым и впервые передавалась по подпольной болгарской радиостанции «Христо Ботев» 17 июля 1942 г. Эта программа послужила знаменем объединения болгарского народа на борьбу против немецкого засилья, военной политики Кобургов и диктатуры Филова.

Как только Болгарская коммунистическая партия объявила о своем намерении объединить в общенародном Отечественном фронте все антифашистские элементы в стране, борющиеся за освобождение Болгарии, она натолкнулась на противодействие руководящих верхов некоторых других партий. Главным препятствием этому послужила деятельность английских агентов в Болгарии во время войны.

Англичане проникали в Болгарию двумя путями. Один путь шел из Турции, другой — от агентов британского главного командования в Югославии, где, как уже было сказано, «Интеллидженс сервис» крепко обосновалась при штабе Михайловича с октября 1943 г. Подробности английских директив, шедших из Турции, пока не стали достоянием гласности. Зато те директивы, которые посылались в Болгарию через Михайловича, довольно хорошо известны. Они в точности совпадают с той практикой, которая была принята англичанами в прочих Балканских странах.

Англичане опирались в Болгарии главным образом на две партии — на правое крыло некогда сильной аграрной партии и на партийную организацию «Звено», которая объединяла оппозиционные, проанглийски настроенные офицерские круги и гражданские слои населения. Эта партия стремилась прежде всего к свержению Кобургской династии, а отнюдь не к демократизации государственного устройства Болгарии.

После фашистского переворота 9 июня 1923 г., в результате которого было свергнуто правительство Стамболийского, некогда могущественная аграрная партия Болгарии в течение многих лет переживала внутренний кризис. Различные течения и группы боролись за влияние на крестьянское движение. Режим диктатуры способствовал захвату партийного аппарата правыми кулацкими элементами, хотя кулаки составляли только десятую часть всей массы болгарских крестьян. Фашистские властители в Болгарии загнали в подполье некогда сильное левое крыло аграрной партии. Защитники и представители мелких крестьян огульно объявлялись «коммунистами», на основании чего их расстреливали, сажали в тюрьмы или высылали. Зато сменявшие друг друга фашистские диктаторы терпимо относились к правым аграриям, всемерно поощряя их.

В предвоенные годы наиболее влиятельной фигурой среди лидеров аграриев был д-р Г. Димитров (Гемето), ярый англофил. В течение первых месяцев войны он пытался организовать в Болгарии тайную радиостанцию для английской разведки. Он занимался и другой нелегальной деятельностью, но в 1941 г. бежал из страны, чтобы занять пост специального болгарского советника при штабе английской восточной армии. Он быстро стал рьяным сторонником черчиллевского проекта об объединении восточно-европейских государств в «Балканскую федерацию» и через посредство англичан вступил в контакт с Драже Михайловичем в Югославии, чтобы таким путем поддерживать связь со своей страной. Из документов обширного архива Михайловича видно, что именно летом 1942 г. Михайловичу и его английским вдохновителям удалось установить непосредственную связь с двумя крайне правыми лидерами болгарской аграрной партии. Непосредственным связующим звеном с болгарам был начальник разведки при штабе четников в Нише (Восточная Сербия) полковник Радослав Джурич. Знаменателен тот факт, что сейчас он является одним из руководящих работников в генеральном штабе Тито!

Еще в письме от 21 августа 1942 г. Михайлович известил полковника Джурича о том, что через руководителя сербских кулаков Драголюбa Иовановича им уста-

новлен контакт с одним из лидеров болгарских аграриев Ассеном Стамболийским. Предполагалось заставить болгар создать особые отряды «крестьянской гвардии» по образцу отрядов четников. Позднее эта связь с Болгарией осуществлялась через другого лидера аграриев д-ра Михея Геновского. Используя Димитрова (Гемето), командование в Каире установило постоянный контакт с лидерами правого крыла аграриев.

Следующим шагом англичан и Михайловича была попытка привлечь одного из руководителей «Звена» — генерала Дамиана Велчева — болгарского военного разведчика с чрезвычайно пестрым прошлым. Первоначально Велчев принадлежал к фашистской военной лиге, которая в двадцатых годах, после государственного переворота 9 июля 1923 г., поставила вне закона аграрную партию и коммунистов. В тридцатых годах члены «Звена» вышли из старой военной лиги и 19 мая 1934 г. посредством военного переворота захватили власть в стране, но вскоре у них возник конфликт с королем Борисом и год спустя они были отстранены от власти. Им на смену пришла другая диктатура.

С этого момента деятельность «Звена» была направлена против династии Кобургов. «Звено» стояло за тесное сотрудничество с Югославией, и его руководители были против союза с Гитлером и против немецкой оккупации Болгарии. Окружение Велчева состояло исключительно из одних проанглийски настроенных офицеров.

В начале осени 1942 г. Джурич энергично стремился добиться контакта с окружением Дамиана Велчева. Это представляло известные трудности, так как Велчев тогда был интернирован за свою нелояльность по отношению к правительству. Окольными путями одному из агентов Джурича, полицейскому Лузазичу, удалось установить контакт с Велчевым и его приверженцами в ноябре 1942 г. Михайлович тогда лично написал письмо Велчеву и переправил его через одного из лидеров аграриев Геновского:

«При теперешней трудной обстановке я безмерно счастлив, что установлена связь как с болгарским лидером Велчевым, так и с представителем аграриев Геновским — преемником покойного Стамболийского... Я имею связь с Димитровым (Гемето) и могу служить

посредником между ним и его приверженцами. Сотрудничество с Велчевым и людьми Стамболийского объединит болгарский народ с нашим народом...»

Итак, «Интеллидженс сервис» прилагала все усилия к тому, чтобы построить фундамент для создания реакционного балканского блока. О целях ее деятельности Джурич позднее рассказал следующее:

«Они ставили себе целью объединение всех национальных отрядов, чтобы помешать им присоединиться к партизанам и тем самым препятствовать расширению партизанского движения. Все национальные силы должны были объединиться. Насколько я помню, Велчев с самого начала был поставлен в известность о том, что в его распоряжение будут предоставлены финансовые средства. Я же главным образом был занят тем, чтобы помешать партизанам прорваться в Македонию и таким образом сделать невозможным контакт между болгарскими и югославскими партизанами...

Я получил директивы об установлении контакта с Дамианом Велчевым, чтобы договориться с ним о формировании националистических соединений в Болгарии, о привлечении на свою сторону аграрной партии и о борьбе с распространением партизанского движения в Болгарии.

Было также решено, что после создания организации Дамиана Велчева необходимо будет покончить с Кобургской династией. После освобождения следовало организовать Балканскую федерацию, во главе которой должна была стоять династия Карагеоргиевичей. Предполагалось, что федерация будет охватывать Югославию, Болгарию, Турцию, Грецию, Албанию и Македонию. Эта федерация будет самостоятельной государственной единицей. Таким образом, хотели связать организацию Дамиана Велчева с организацией Драже Михайловича, чтобы создать антибольшевистский блок на Балканах.

Через агентов, находившихся в контакте с Велчевым, я был информирован о том, что Велчев согласен с такой политикой. Хотя в это время Велчев был интернирован, он все же осуществлял руководство. Все новости он пересылал мне. Он сообщил мне, что организованные отряды скрывались в лесах, окружающих Драгоман. Это было сделано в результате первого соглашения об обра-

зовании подразделений. Лузазич информировал меня об этом, и я передал полученные сведения дальше — Драже Михайловичу. Осенью 1943 г. Лузазич был арестован немцами и отправлен в Германию. После того как я сообщил, что лишился этого связующего звена, контакт с Велчевым был снова немедленно налажен через Лазаря Трикля. Это было осенью 1943 г....»

Из этого подробного сообщения ясно видна стратегия «Интеллидженс сервис» в Болгарии. Англичане вовсе не стремились поддерживать движение сопротивления немецкой оккупации, — напротив, все их усилия были направлены на раскол этого движения. Особенно важной считалась работа по ослаблению активности прогрессивно настроенной части населения Балкан. Главные усилия были направлены на то, чтобы после войны передать власть в руки реакционного проанглийски настроенного блока, поддерживавшего пресловутый план Черчилля по созданию «Балканской федерации». Эта антинародная политика Англии препятствовала героической освободительной борьбе населения Балкан во время войны.

В Болгарии в годы войны англичанам все же не удалось зайти так далеко, как в Югославии и Греции. Во время оккупации этих стран дело дошло до вооруженного столкновения между агентами англо-саксов и силами народно-освободительного движения. Выдвинутая Георгием Димитровым программа создания народного Отечественного фронта против оккупационных властей и диктатуры встретила самый горячий отклик болгарского народа; мракобес Черчилль не без оснований рассматривал коммунистов и партизан как своих основных врагов. Однако авторитет и популярность Советского Союза и Болгарской коммунистической партии были слишком сильны, чтобы западная пропаганда могла увенчаться успехом.

Когда в начале 1942 г. начались переговоры о сотрудничестве между различными партиями и группировками, сразу же обнаружились разногласия. Как только поднимался вопрос об общей тактике борьбы за освобождение страны, проанглийски настроенные элементы неизменно препятствовали достижению единства мнений между участниками переговоров. Представители орга—

низации «Звено», правое крыло аграриев, руководимое Николой Легковым и другими, а также прочие англо-филы, всячески мешали работе. Опасаясь, что национально-освободительное движение охватит всю страну, они категорически возражали против создания местных комитетов Отечественного фронта, против выдвигаемых коммунистами планов постепенного превращения партизанской войны в вооруженное восстание с целью свержения диктатуры и немецкого засилья.

Англичане вели в Болгарии усиленную пропаганду, имевшую целью представить руководителя болгарских кулаков Николу Летков а как «великого вождя» движения сопротивления, как одного из активнейших деятелей Отечественного фронта и борца за дело демократии. Вся эта пропаганда не имела ничего общего с действительным положением вещей. Один из активных участников движения сопротивления д-р Кирилл Драмалиев во время процесса Николы Петкова в 1947 г. рассказал следующее об основных разногласиях в годы войны:

«При первой нашей встрече в конце февраля или в начале марта 1942 г. я говорил Николу Петкову, что единственным путем к завоеванию власти является вооруженное восстание. Никола Летков не был согласен с основным пунктом нашей политики, который заключался в том, чтобы захватить власть путем вооруженного восстания и при помощи партизанских отрядов. Он был сторонником государственного переворота. В этом состояло основное разногласие, и этой точки зрения он придерживался с начала и до конца».

Сам Никола Петков хвастался на суде тем, что правое руководство аграрной партии во время войны ни в коем случае не согласилось бы на активную борьбу:

«Как вам известно, мы не принимали участия в нелегальных действиях. Мы не могли участвовать в таких действиях. Мы только предоставили партизанам убежище».

Уже после войны в своей речи на 27-м съезде болгарской аграрной партии в январе 1948 г. Георгий Димитров решительно подчеркнул, что проанглийски настроенные руководители аграриев намеренно тормозили движение сопротивления:

«Разве было случайностью, что люди, вышедшие из рабочего класса, его передовые борцы и коммунистическая молодежь еще до 9 сентября принимали активное участие в партизанском движении, которое находилось тогда в полном разгаре, в борьбе партизан против немецкой оккупации и монархо-фашистской диктатуры? В то время как люди, примыкавшие к аграрной партии, хотя и не воевали, но уверяли, что активно участвовали в борьбе, снабжая партизан, а на самом деле они играли роль только вспомогательных отрядов. Разве это случайно? Нет, это далеко не случайно...»

Убеждение консервативного британского правительства и агентов «Интеллидженс сервис» в том, что широкое народное движение и народная война против оккупационных властей уже сами по себе «мятежны» и опасны, рельефно отражалось на всей политике болгарских англофилов по отношению к партизанской борьбе в стране. Несмотря на формальную принадлежность к Отечественному фронту, Петков всегда послушно вторил голосу своих английских хозяев. Англофилы пользовались всяким представлявшимся им случаем, чтобы заявить о необходимости разрушения старой государственной машины угнетения и фашистской диктатуры, однако при этом ратовали за «преимущество государственной власти». Войска на худой конец могли бы свергнуть правительство, как это бывало и раньше, но если это сделает народ, то это уже будет «плебейской революцией» и чистейшим большевизмом.

Вопрос о захвате власти становился все более актуальным для руководителей Отечественного фронта, поскольку партизанское движение в Болгарии расширялось и превращалось в могучую силу.

Активное сопротивление народа правительству все нарастало. 17 февраля 1942 г. фашистский премьер-министр Филов записывает в своем дневнике: «Мы чувствуем себя все более изолированными». Осенью 1942 г. проанглийски настроенное правое крыло Отечественного фронта отказалось от вооруженной борьбы.

3 августа 1943 г. один из руководителей аграриев д-р Михаил Геновский откровенно заявил коммунистам: «Наше руководство мешает нашим людям участвовать

в вооруженной борьбе и в комитетах Отечественного фронта». Два дня спустя Петков в национальном комитете Отечественного фронта спросил: «Нельзя ли отодвинуть срок вооруженного восстания?» 23 сентября он, проводя ту же линию, настаивал: «Забудьте партизан и дайте мне вместо них регулярные войска».

Так как коммунистическая фракция в руководстве Отечественного фронта все время настаивала на расширении освободительной борьбы, Петков призвал к себе на помощь одного из военных руководителей «Звена» полковника Станчева, который хвастливо заявил: «Именно мы назначим срок выступления».

Директивы английского командования, получаемые из Каира через Гемето, и инструкции, передаваемые через штаб Михайловича, все более обостряли противоречия между различными группами в болгарском Отечественном фронте. Правое крыло аграриев и офицеры организации Дамиана Велчева собирались приступить к решительным действиям не раньше, чем Турция вступит в войну и англо-американцы перейдут границу или после того, как произойдет удачная высадка в Югославии или в Греции. Поэтому они неприязненно относились к немедленному развертыванию народной войны.

Руководители правого крыла аграриев придерживались этой позиции до самого конца войны. 11 апреля 1944 г. Отечественный фронт организовал в Софии Военный исполнительный комитет для оказания помощи партизанам и для подготовки восстания. Желательно было привлечь и аграриев и поэтому обратились к Николе Петкову, находившемуся в Свистове. Он опять ответил: «В принципе я против вооруженного восстания». Но все же один из местных руководителей аграриев в Софии Каниу Славов вступил в комитет. Спустя несколько дней руководители правого крыла исключили его из партии аграриев.

Несмотря на противодействие со стороны верхушки аграриев, десятки тысяч болгарских крестьян участвовали во время войны в местных комитетах Отечественного фронта во всех частях страны и в партизанских отрядах, возглавляемых коммунистами. Проанглийские руководители аграриев вскоре лишились всякого влия-

ния на большинство крестьян в стране. Только кулаки выполняли их указания.

Особое внимание следует уделить позиции командования британской восточной армии по отношению к болгарскому движению сопротивления. Несмотря на то, что партизанские отряды насчитывали много тысяч бойцов, в Каире игнорировали их существование, в то время как коллаборационист Михайлович щедро снабжался оружием и деньгами. Лишь в декабре 1943 г. британская армия через майора Дэвиса — представителя ставки англичан в Каире — вошла в контакт с партизанским штабом. Из главной ставки партизанам обещали пятнадцать самолетов с вооружением, но в действительности дали всего лишь три самолета.

Среди агрессоров времен второй мировой войны фашистская Венгрия, безусловно, занимает одно из видных мест. Ее старый регент Хорти в первые годы войны участвовал по меньшей мере в пяти нападениях на соседние государства. В 1938—1939 гг. он участвовал в обоих разделах Чехословакии, во время румынского кризиса в августе 1940 г. он присоединил к Венгрии Северную Трансильванию, в апреле 1941 г., несмотря на подписание им специального венгеро-югославского договора о дружбе, он участвовал в первом балканском походе Гитлера и, наконец, 22 июня 1941 г. он предоставил свои войска для нападения на Советский Союз.

В «крестовом походе» против коммунизма фашисты Венгрии участвовали с особенным усердием, но отнюдь не увенчали себя военной славой. Венгерский фашизм отличался крайней реакционностью и поистине средневековым характером. Внутреннее разложение фашистской Венгрии все более давало о себе знать по мере развертывания войны. 19 мая 1942 г. Геббельс пишет в своем дневнике о венгерских подразделениях на восточном фронте:

«В южных частях этих областей (партизанские районы) венгерским подразделениям приходится преодолевать большие трудности. Проводя «умиротворение», они вынуждены отвоевывать деревню за деревней. Эта деятельность оказалась мало успешной. Когда венгры сообщают, что они умиротворили деревню, это обычно

означает, что там не осталось ни одного жителя, ни одного дома. Следствием такого умиротворения является то, что в этих местах мы почти не можем заниматься обработкой земли...»

Хорти и его офицеры-помещики во время второй мировой войны вели себя точно так же, как их феодальные предки, которые в средние века практиковали кровавые походы против крестьян. Военные преступники с феодальными традициями! Внутренняя слабость и разложение феодального строя Венгрии привели к тому, что Хорти и его приспешники вскоре поняли, что затяжная война должна плохо кончиться как для них самих, так и для всего феодального строя Венгрии. Несмотря на искреннее желание добиться победы над грозным коммунизмом, они стали стремиться к заключению на терпимых условиях мира с англо-американцами раньше, чем все рухнет. В английской оккупации они видели спасительный выход и средство для сохранения своей системы. Следует сказать, что Черчилль и прочие консерваторы отнюдь не были склонны отклонять руку дружбы, протянутую им Хорти. Правители Англии предпочитали заключение сделки с магнатами фашистской Венгрии революционному взрыву в сердце Центральной Европы.

Курс на установление взаимопонимания с западными державами ясно обрисовался в первые месяцы 1942 г., когда Хорти приступил к реализации своих планов превращения Венгрии в свою потомственную монархию. Премьер-министр Бардоши, который был настроен пронацистски, возражал против этого плана; поэтому он был смещен и в марте 1942 г. его место занял другой венгерский фашист — Миклош Каллаи. В течение своего двухлетнего пребывания у власти Каллаи и его ближайшие приспешники настойчиво добивались заключения сепаратного мира с англо-саксами.

В своей книге о тайных попытках заключения мира во время второй мировой войны французский писатель Максим Мурэн рассказывает, что премьер-министр Каллаи уже в 1942 г. посылал руководителя отдела печати министерства иностранных дел Антала Ульштайна Ревичи в Стамбул, чтобы установить контакт с западными союзниками. Начиная с февраля 1943 г. такой контакт

был прочно установлен, но Хорти попрежнему продолжал свои военные авантюры в России.

Вследствие своей двойной игры Хорти попал в затруднительное положение. Венгерские агенты Гитлера вскоре обнаружили, что ориентация Хорти изменилась. Во время официального визита Хорти к Гитлеру в Оберзальцберге в апреле 1943 г. дело дошло до открытого скандала. Геббельс рассказывает об этом в своем дневнике 18 апреля 1943 г.:

«В первый же день Гитлер поддал жару. Фюрер не постеснялся дать ему (Хорти) понять насколько ошибочной он считает его политику вообще и в особенности по отношению к евреям. Он упрекнул венгров в том, что они стремятся установить связь с врагом через Испанию и Португалию. Хорти категорически отрицал это. Однако это ему не помогло...»

Хорти покался перед Гитлером, но, вернувшись домой, продолжал прежнюю политику. Когда пронемецкая организация «Скрещенные стрелы» и партия Имреди пытались обрушиться на Каллаи за его политику, Хорти заткнул рот оппозиции, распустив 4 мая парламент во избежание возможных разоблачений. Раздосадованный Геббельс пишет в эти дни в своем дневнике (7 мая 1943 г.):

«Хорти испытал мало удовольствия от своей встречи с фюрером. Но, видимо, он не принял это близко к сердцу. Он не выполнил ни одного обещания из данных им в Оберзальцберге. Может быть, фюрер был слишком суров с ним...»

Надвигавшийся в это время кризис в Италии побудил Хорти начать приготовления к выходу из блока стран «оси». Он рассчитывал, что западные союзники быстро окажут ему военную помощь в случае нападения со стороны Германии и в дальнейшем будут его использовать в своей антисоветской политике, не требуя никаких социальных изменений в Венгрии.

В одном отношении Хорти все же побил рекорд в годы войны. Ему удалось внести весьма своеобразное новшество в современное международное право. Хорти заключил военный союз с одной державой, с которой Венгрия формально находилась в состоянии войны. Это дает прекрасное представление о тех непримиримых вну-

тренних противоречиях и разложении, которые так характерны для буржуазного мира.

Одновременно с установлением дипломатического контакта с Великобританией Хорти предпринял попытки связаться с югославским эмигрантским правительством в Лондоне и, что самое интересное, это правительство само сделало первые шаги в этом направлении. Красочную картину этой дипломатической игры нарисовал после войны бывший руководитель венгерской разведки генерал-майор Иштван Уйсаси.

Он рассказывает, что регент Хорти летом 1942 г. получил доверительное письмо от Михайловича, который в то время занимал пост военного министра в югославском эмигрантском правительстве. Вот что говорит Уйсаси о содержании этого письма:

«Михайлович в письме сообщал о своем желании, чтобы королевское югославское правительство и правительство Хорти в Венгрии установили дружеские, добрососедские отношения, направленные против их общих врагов — Советского Союза и югославских партизан. Он также осуждал в письме нарушение Венгрией договора с Югославией...»

Начиная с июля регент Венгрии через вдову одного хорватского адмирала, взявшую на себя роль посредницы, установил связь с военным министром югославского эмигрантского правительства. Однако в августе Хорти просил Уйсаси установить контакт непосредственно с представителями югославского эмигрантского правительства.

Когда в следующем году наметился итальянский кризис, Уйсаси получил новый приказ активизировать связи с югославами, чтобы добиться формального соглашения с ними. Начальник разведки использовал в качестве своих агентов двух югославских офицеров, которые до этого времени находились в плену в Венгрии. Это были полковник Трумбич и капитан Уросиевич. В мае эти офицеры были направлены в Стамбул с венгерскими паспортами. Трумбич остался в Турции, чтобы связаться с находившимся там консулом югославского эмигрантского правительства — подполковником Перичем, а капитан Уросиевич отправился дальше — в ставку Михайловича в Сербии.

Позднее Михайлович рассказывал на суде о своих переговорах с Уросиевичем:

«Венгры сообщили через Уросиевича, что они готовы к действиям против немцев, и в настоящее время выжидают удобного случая».

Другая задача Уросиевича состояла в том, чтобы передать, что Хорти предлагает Михайловичу сотрудничество и помощь в борьбе против югославских партизан и русских.

Михайлович спешно послал свой ответ на предложение венгерского правительства. Генерал-майор Уйсаси рассказывает, что он в июле 1943 г. снова был вызван к Хорти, поскольку последний уже получил благоприятный ответ Михайловича. Уйсаси сообщает следующее о содержании письма главы четников к Хорти:

«Михайлович от своего имени и от имени югославского правительства в Лондоне просил Венгрию о помощи в борьбе против партизан. Он писал, что очень нуждается в вооружении и снабжении, и надеется получить все это из Венгрии... Михайлович предлагал тесное сотрудничество между югославской и венгерской разведками и контрразведками, направленное против Советского Союза и партизан. Далее в письме сообщалось, что югославское эмигрантское правительство в Лондоне согласно на уступку Венгрии северной части провинции Бачка и готово установить новую государственную границу вдоль реки Драва. ..»

Таким образом, Венгрия получила предложение о заключении выгодного мира и установлении военного сотрудничества с королевским эмигрантским югославским правительством. Спустя некоторое время был получен также ответ непосредственно от эмигрантского правительства в Лондоне через консула Перича в Стамбуле. Об этом Уйсаси рассказывает в своем докладе:

«В сентябре 1943 г. Трумбич вернулся в Будапешт и уведомил меня о том, что консул Перич направил мое сообщение Нинчичу — министру иностранных дел в лондонском правительстве. Нинчич ответил, что королевское югославское эмигрантское правительство согласно на венгерское предложение и считает целесообразным

обсудить практические вопросы, касающиеся совместных политических и военных действий. В Стамбул был послан специальный венгерский представитель, который должен был вступить в переговоры с представителями югославского правительства в Лондоне... Вопрос о границах между Югославией и Венгрией должен был оставаться открытым до будущей мирной конференции, на которой следует также урегулировать проблему обмена венгерского и югославского населения в пограничных районах».

Венгерский министр иностранных дел Гичи в дальнейшем продолжал переговоры через венгерского посланника в Берне Бакх-Бешеньи, который, повидимому, уже заранее установил тайный контакт с руководителем американской разведки в Европе Алленом Даллесом.

Между тем «военный министр» Михайлович поддерживал постоянный контакт с венгерским правительством через капитанов Уросиевича и Босняковича. С октября — ноября 1943 г. стал производиться регулярный обмен материалами разведки между штабом Михайловича и венгерским главным командованием. Их общими врагами были Советский Союз и югославские партизаны.

5 января 1944 г. была окончательно установлена тайная, но эффективная дипломатическая связь между двумя «воюющими» государствами. В этот день в Будапешт приехал офицер югославского штаба Перо Илич в качестве официального представителя эмигрантского правительства. Контакт был настолько официальным, что Илич был торжественно принят премьер-министром Каллаи и министром иностранных дел Гичи. К тому же перед своим прибытием в Будапешт Илич добился от начальника гестапо в Белграде Майснера разрешения на доставку венгерского оружия в Югославию для четников Михайловича, воюющих против югославских партизан. Таким образом, «борьба с коммунизмом» превращалась в общее дело европейской реакции. Состояние войны между Югославией и Венгрией было лишь ничего не значащей внешней оболочкой.

Регулярная радиосвязь между Будапештом и штабом Михайловича была установлена 17 января 1944 г., и

вскоре после этого было достигнуто соглашение о венгерских поставках оружия. В феврале первые партии оружия были переправлены Михайловичу по Дунаю. Было отправлено, между прочим, 20 тысяч винтовок, 500 пулеметов, 50 тысяч ручных гранат и двести 81-миллиметровых пушек и сверх того огромное количество снаряжения. В придачу к этому была послана большая венгерская радиостанция для личного пользования Михайловича в целях поддержания контакта с венгерским генеральным штабом.

Представитель Михайловича в Будапеште капитан Уросиевич в 1943 г. сообщал в своих донесениях из столицы Венгрии интересные данные о действиях англичан, пользующихся вновь обретенной защитой со стороны Хорти. В отличие от югославского эмигрантского правительства, англичане не имели официального дипломатического представительства в Будапеште, но тем не менее агенты «Интеллидженс сервис» энергично орудовали в этот период в столице Венгрии.

Как сообщал капитан Уросиевич, в качестве местного руководителя «Интеллидженс сервис» в этот период выступала таинственная личность под именем Сафет Людовик Тоза. Уроженец Герцоговины, он во время войны занимал пост финского и турецкого консула в Будапеште. Его специальностью до войны была продажа и переправка оружия. Его радиостанция в Будапеште ежедневно обслуживала «Интеллидженс сервис». В одном из своих сообщений Уросиевич писал:

«Связь с «им необходимо использовать как базу для прямого контакта с окружением Черчилля, поскольку он является одним из руководителей английской разведки. ...»

Будапешт в эти годы, невидимому, являлся настоящим раем для шпионов и разведчиков всех мастей и служил маклерской конторой для антисоветских манипуляций западных держав. На суде Михайлович показывал:

«Наиболее важный канал английского шпионажа в Польше проходил через Будапешт и через моего агента Мачека (хорватский руководитель кулаков), связанного с Загребом. Группа людей Мачека, бежавшая от Паве-

лича, находилась в Будапеште. Тоза — агент британской «Интеллидженс сервис» — также находился там и желал присоединиться к моему штабу. Тоза предложил также установить контакт между мной и Маниу...»

Последний был руководителем важнейшего для англичан румынского центра: он руководил профашистской национально-крестьянской партией в Румынии.

Старый Хорти во время войны ставил сразу на двух лошадей и имел великолепные отношения с западными союзниками. Поэтому-то он и не был осужден как военный преступник после окончательного краха фашизма.

ЗАГОВОР 20 ИЮЛЯ 1944 г.

Снова „верхушечная оппозиция“

Многие видные представители нацистских военных кругов с опаской следили за приготовлениями Гитлера к нападению на Советский Союз. Говорят, что когда начальник германского генерального штаба генерал Франц Гальдер впервые услышал о так называемом «плане Барбаросса», он сказал:

«Я допускаю, что этот олух способен даже вовлечь нас в войну с русскими». Под «олухом» подразумевался, конечно, Гитлер. Страх перед войной на два фронта постоянно владел генералами.

Бывший главнокомандующий рейхсвера граф Курт фон Гаммерштейн был не менее категоричен в своих мнениях. Он хорошо знал мощь Красной Армии, так как в течение нескольких лет занимался шпионажем в Советском Союзе, и не питал никаких иллюзий насчет быстрой победы немцев. 22 июня 1941 года, когда началась война, он сказал о наступающих немецких войсках:

«Из тех войск, которые двинулись на Россию, никто не вернется...»

Крикливые сводки Геббельса о победах гитлеровских войск в первые месяцы войны не смогли обмануть хорошо информированные круги. Они полностью отдавали себе отчет в серьезности положения, в то время как некоторые одураченные обыватели тщетно ждали «падения Москвы». В октябре 1941 г. начальник немецкой уголовной полиции Артур Небе, который входил в состав руководства гестапо и был участником «верхушечной оппозиции», сказал своим друзьям по возвращении из инспекционной поездки по восточному фронту:

«Мы не только проиграем войну. На сей раз мы потерпим настоящее военное поражение — в этом не может быть никакого сомнения...»

Таковы были предчувствия наступающей катастрофы. И все же «верхушечная оппозиция» отнюдь не старалась приостановить войну с Россией, а хотела заключить сепаратный мир с западными державами. Оппозиция не желала войны с Западом и военная разведка Канариса попросту заранее выдавала врагу оперативные планы Гитлера.

Канарис проводил в течение многих лет обширную практическую подготовку к войне на Востоке через своих агентов на Украине. Не случайно ударные части излюбленного полка Канариса (Бранденбуржцы) к началу войны получили важное задание. Датский журналист Хельге Кнудсен рассказывает по этому поводу следующее:

«Бранденбуржцы в первую же ночь войны против России перешли через реку Сан для того, чтобы захватить важный для атаки мост. В эту ночь они были переодеты в русскую форму. Интересно, знал ли об этом Канарис и в какой мере он содействовал этому...»

Главари «верхушечной оппозиции» проводили на Востоке совершенно иную политику, чем на Западе. Напрашивается мысль, что они смотрели на русских как на «естественных» врагов Германии, в то время как военные противники на Западе рассматривались ими скорее как потенциальные союзники.

Эта точка зрения была типична и для разведки Канариса. Он зачастую снабжал нацистов неверными сообщениями о событиях на Западе, но никогда не делал этого в отношении событий на Востоке. Об этом интересно рассказывает Хельге Кнудсен:

«Работа в России была намного сложнее, но при помощи украинской организации и шпионского центра в Японии Канарис добывал много сведений о вооруженных силах России. Эти сведения были предметом его гордости. Он еще до войны послал донесение о танке «Т-34». Это был тот самый танк, который оказался таким неприятным сюрпризом для немцев на восточном фронте. Канарис сообщал об этом еще задолго до того, как Гитлер начал свое наступление на самом растянутом фронте,

который когда-либо знала история. Канарис посылал много предостерегающих донесений о мощи вооруженных сил русских, но эти донесения не были в достаточной мере оценены Гитлером, так как они так же мало устраивали его, как и донесения военного атташе и посла из Москвы. Когда немцы на восточном фронте впервые натолкнулись на сопротивление, начались поиски виновных, и на абвер со всех сторон посыпались обвинения. В подробном меморандуме Канарис отвергал все эти обвинения. ...»

В своей книге «Бунтовщики в крепости Гитлера» Хельге Кнудсен изображает Канариса и его сообщников как «миролюбивых» и «демократически» настроенных «антинацистов». Однако он все же вынужден указать на разницу в их тактике по отношению к различным противникам Германии. Кнудсен, в частности, рассказывает о следующей директиве Канариса сотрудникам абвера:

«Необходимо, чтобы «второе отделение» (по проведению саботажа) вело себя пассивно, в то время как внешне оно должно демонстрировать наибольшую активность. Пусть оно не выполняет все те задания, которые можно не выполнять. В течение всей войны этот приказ действовал в отношении западных держав, в то время как Канарис, вследствие своих антикоммунистических взглядов, не всегда применял его в отношении России. ...»

В своих воспоминаниях о немецкой «верхушечной оппозиции» Ганс Бернд Гизевиус характеризует весь период от немецкого генерального наступления на западе до 1943 г. как «потерянные годы». Пока удача еще сопутствовала немецким армиям на восточном фронте, «верхушечная оппозиция» держалась довольно пассивно. Это относится не только к генералам, но в такой же мере и к социал-демократической верхушке, которая участвовала в этой оппозиции. Когда в конце 1942 г. возник план покушения на Гитлера и военного переворота, социал-демократические вожаки не поддержали его.

В своих воспоминаниях о событиях 20 июля 1944 г. немецкий правый социал-демократ Эмиль Хенк рассказывает, что партийное руководство в конце 1942 г.

нелегально собралось в Обстердорфе, где было принято решение «воспрепятствовать назначенному на весну перевороту и осуществить его через несколько недель после начала наступления союзников в Европе».

Другой пункт программы оппозиции так же ярко отражает ее ориентацию. Эмиль Хенк прямо говорит:

«В течение многих лет было правилом: никакого сотрудничества с коммунистами до «дня Икс». Икс — день, когда должен был быть свергнут Гитлер...»

Было бы слишком наивно при таких обстоятельствах утверждать, что «верхушечная оппозиция» стремилась свергнуть Гитлера и установить мир в Европе. Гораздо правильнее считать, что оппозиция хотела свергнуть Гитлера именно в такой момент, когда западные державы будут контролировать положение в Европе. Такая возможность, как известно, была исключена на первом этапе войны. Именно в этом нужно искать причину того, что оппозиция до 1943 г. проявляла лишь незначительную активность. Только после поражения немцев под Сталинградом, доказавшего неизбежность разгрома немецкой армии на восточном фронте, оппозиция начала активизировать свою деятельность, предприняв попытки войти в контакт с англо-саксонскими державами.

Хотя Ганс Гизевиус, во время войны работавший в немецком консульстве в Цюрихе, играл роль связующего звена между «верхушечной оппозицией» и западными державами, в его объемистых воспоминаниях напрасно было бы искать подробности немецко-англо-американских переговоров. Он считает этот важный исторический материал «секретным», не подлежащим пока опубликованию. Гизевиус утверждает, что руководитель оппозиции генерал-полковник Людвиг Бек относился очень сдержанно к ведению переговоров с западными державами, опасаясь дискредитировать оппозицию.

«Поэтому он ограничился согласием вести эти переговоры лишь в том случае, когда действительно появятся шансы для переворота. Такие благоприятные обстоятельства складывались лишь пять раз в течение войны: в ноябре 1939 г., весной 1940 г., в начале 1943 г. после поражения под Сталинградом и в Тунисе, в конце 1943 г. и в июле 1944 г.»

Из этих пяти случаев ведения переговоров с западными державами только два первых могут быть сколько-нибудь подробно освещены. Об остальных трех случаях известно очень немного и в основном они до сих пор находятся под покровом дипломатической тайны.

Но все же можно установить, какие каналы использовались при этих переговорах. С немецкой стороны выступали Гизевиус и примыкавший к оппозиции молодой немецкий дипломат Адам Трот цу Зольц, служивший рупором Людвигу Бека и Карла Герделера. Со стороны западных союзников в переговорах участвовал руководитель ОСС — американской разведки в Европе — Аллен Даллес, который с конца 1942 г. был связан с американским посольством в Берне. В качестве его ближайшего помощника и эксперта по германскому вопросу выступал Геро фон Геве́рниц, который после войны опубликовал книгу «Мятеж против Гитлера», основывающуюся на заметках казненного оппозиционера Фабиана фон Шлабрендорфа. О роли Даллеса, как специального политического представителя Уолл-стрита, Гизевиус сообщает следующие ценные сведения:

«В конце 1942 г. Даллес прибыл в Швейцарию в качестве руководителя ОСС, и с тех пор он стал оказывать влияние не только на американскую разведку, но и на разведки союзников в Европе. В то время было невозможно поддерживать непрерывный политический контакт с врагом. Встречи происходили лишь изредка, причем союзники, как правило, стремились лишь получить от нас информацию. Конечно, никакие серьезные переговоры на этой базе вести не удавалось. Особенно упорно придерживались этого метода англичане. Они рассматривали нас только как объект деятельности секретной службы. Досадно было наблюдать, как эта точка зрения мешала им использовать немецкое подпольное движение.

Лишь Даллес осмелился перенести свою деятельность в политическую сферу. Благодаря своему острому уму и знанию европейских проблем, с которыми он был хорошо знаком со времени первой мировой войны и переговоров в Версале, Даллес понял, что наступила пора для проведения основательной политической подготовки к прекращению этой кровавой войны. Поэтому он

пытался войти в контакт со всеми группами движения сопротивления в Европе. Его контора на Херренгассе в Берне превратилась со временем в центр европейского движения сопротивления. Не только немцы, но также австрийцы, венгры, итальянцы, румыны и финны, не говоря уже о подданных оккупированных стран, встречались здесь. Все облегченно вздохнули, потому что, наконец был найден человек, с которым можно было обсуждать все противоречивые проблемы, возникшие в связи с гитлеровской агрессией».

Следует добавить некоторые замечания к этому красочному описанию конторы Даллеса, которая, бесспорно, явилась крупнейшим в Европе центром шпионажа. Отъявленные реакционеры и враги коммунизма всех мастей пользовались особым вниманием Даллеса. Им руководил постоянный страх перед тем, что страна социализма— Советский Союз выйдет из войны победителем. И этот страх породил у него навязчивую идею о том, что необходимо заключить мир с Германией, чтобы объединить силы Западной Европы для борьбы с СССР. У Даллеса и компании поражение немцев под Сталинградом отнюдь не вызвало стремления к немедленному свержению нацизма.

В этой связи важно обратить внимание на то, что первый зондаж Аллена Даллеса вовсе не был направлен в сторону «верхушечной оппозиции».

В феврале 1943 г. Даллес вел переговоры совсем другого рода. Он пытался войти в контакт с правящими нацистскими кругами.

Безрезультатные попытки начать переговоры о мире в 1940 и 1941 гг. и военное поражение под Сталинградом в конце 1942 г. заставили некоторые нацистские круги склониться в пользу заключения сепаратного мира с англо-саксами. Видимо, инициатива на сей раз исходила от руководителя гестапо Генриха Гиммлера. В качестве посредника он использовал своего знакомого — адвоката Карла Лангбена, тесно связанного с «верхушечной оппозицией» и, в частности, с находившимся в Женеве Карлом Буркардтом. Ульрих фон Гассель следующим образом описывает встречу Лангбена с представителями англичан и американцев, имевшую место 12 декабря 1942 г.:

«Лангбен имел беседу с официальным английским лицом в Цюрихе и с одним американцем (Хоппером) в Стокгольме с ведома службы безопасности. При известных предпосылках (смена правительства) существует возможность мира на приемлемых условиях, прежде всего с Англией, которая с опасением оглядывается на Америку и Японию и которая боится большевизма, а также с Америкой, которая не желает хаоса в Европе и которая охотно развяжет себе руки в отношении Японии».

Карлу Лангбену, впрочем, не повезло с его англичанином. Этот последний не держал язык за зубами и сообщил о предложениях Гиммлера агенту польской разведки, который, в свою очередь, немедленно телеграфировал в Лондон: «Адвокат Генриха Гиммлера рекомендует мир с Англией». Тут Лангбену опять не повезло: эта телеграмма была перехвачена конкурентами Гиммлера в гестапо Кальтенбруннером и Мюллером, и после длительных перепалок Лангбен в сентябре 1943 г. был арестован. Все же, видимо, его зондаж послужил основой для дальнейших переговоров между Алленом Даллесом и князем Морисом Гогенлоэ в начале 1943 г. В послевоенное время подробный отчет об этих важных мероприятиях Даллеса получил гласность, по крайней мере, в одной части Европы. Когда русские после падения Берлина стали изучать материалы, оставшиеся в архивах немецкой службы безопасности, они натолкнулись, между прочим, на подробный отчет о переговорах, происходивших в феврале 1943 г. между Алленом Даллесом, выступавшим под псевдонимом «Балл» и неофициальным уполномоченным германского правительства князем Гогенлоэ. В это время Гитлер и Риббентроп, в связи с разгромом немцев под Сталинградом, считали уместным на всякий случай выяснить, на каких условиях возможно заключение мира на Западе.

Отчет об этих секретных совещаниях весьма интересен, так как из него можно узнать о планах американских правящих кругов, а возможно, даже и самого Рузвельта, в отношении будущего Европы. Следует напомнить, что Аллен Даллес был не только руководителем американской разведки. Вместе со своим братом Джоном Фостером Даллесом он принадлежал к узкому кругу влиятельных деятелей Уолл-стрита. Династия Даллесов

пользовалась большим политическим весом в Вашингтоне, где вокруг германского вопроса происходила борьба мнений. Аллен Даллес высказался тогда следующим образом: «Никогда впредь не будет допущено, чтобы народы подобно германскому были вынуждены на отчаянные эксперименты и героизм из-за несправедливости и нужды. Германское государство должно остаться существовать как фактор порядка и восстановления. О разделе его или об отделении Австрии не может быть речи».

Даллес далее заявил: «Путем расширения Польши в сторону востока и сохранения Румынии и сильной Венгрии следует поддержать создание санитарного кордона против большевизма и панславизма».

Кроме того, Даллес заверил представителя Гитлера князя Гогенлоэ в том, что германской промышленности будет обеспечена ведущая роль в Европе. В докладе Гогенлоэ об этом говорится следующее: «М-р Балл более или менее согласен с государственной и промышленной организацией Европы, на основе больших пространств, полагая, что федеративная Великая Германия (подобная США) с примыкающей к ней Дунайской конфедерацией будет лучшей гарантией порядка и восстановления Центральной и Восточной Европы».

В решающие годы войны американцы уже имели тщательно разработанную программу совместных действий западных держав против страны социализма.

В приведенном плане Даллеса, касающемся послевоенной Европы, мы находим любопытное смешение различных идей. Сюда входят и наиболее важные элементы предложений лорда Галифакса о создании «Великой Германии», сделанных в 1940 г., и излюбленная идея Черчилля о «Дунайско-Балканской федерации», распространяющейся от Балтийского до Эгейского моря и предназначенной служить орудием антисоветской политики Запада. До сих пор неизвестно, что именно помешало осуществлению агрессивного плана Даллеса о сговоре с нацистами. Возможно, что Рузвельта и его советников испугали слишком прямолинейные действия руководителя ОСС. Достоверных сведений об этом пока нет. Но мы знаем, что на тайном военном совещании англо-саксов в Вашингтоне, состоявшемся 12—15 мая 1943 г., было принято решение снова отсрочить открытие второго

фронта в Западной Европе, на этот раз до 1944 г. В этом явно сказалось желание затормозить продвижение Красной Армии на восточном фронте и продлить на некоторое время существование нацизма.

Не означало ли это надежду на скорый внутренний переворот в Германии, который облегчил бы задачу заключения немецко-англо-саксонского сепаратного мира за спиной России?

Или, возможно, Гитлер, встретив такое благожелательное отношение к себе со стороны западных держав, счел, что у него еще есть возможность маневрировать и еще раз испытать свое военное счастье? Однако такой возможности ему не представилось.

На все эти решающие вопросы можно будет дать исчерпывающий ответ, когда мы будем располагать полными данными о событиях за кулисами второй мировой войны. Некоторый свет в этом отношении проливают действия руководителя американской разведки Аллена Даллеса по «разрешению германской проблемы» в интересах англо-саксов. Его деятельность была довольно разносторонней и шла одновременно во многих направлениях, несмотря на то, что Аллен Даллес повсюду преследовал одни и те же агрессивные цели.

Полное окружение 6-й немецкой армии, ее разгром и позорная капитуляция послужили в Германии предупреждением о надвигающейся военной катастрофе. Для оппозиции пришло время действовать. Если разгул нацистских армий в оккупированных областях в течение первых лет войны вызывал у «верхушечной оппозиции» лишь растерянность и колебания, то перспектива поражения и разгрома гитлеровцев вдохновила, наконец, оппозицию на более решительные действия.

1943 год — год упущенных возможностей для «верхушечной оппозиции»

Очень немного известно о связях между немецкими оппозиционными кругами и засекреченным центром американской разведки в Берне, возглавлявшимся Алленом Даллесом, но и этого достаточно, чтобы составить общее представление о происходившем.

Доказано, что планы оппозиции убрать Гитлера путем покушения окончательно созрели в начале 1943 г. одно-

временно с тем, как рухнули из-за нерешительности генералов надежды на мятеж в войсках на восточном фронте, терпевших поражение за поражением. Первая серьезная попытка покушения на Гитлера имела место 13 марта 1943 г., но окончилась неудачей.

Не кто иной, как начальник штаба немецкой армейской группы на центральном участке восточного фронта генерал Тресков, лично подложил бомбу замедленного действия в самолет Гитлера, когда тот летел из Смоленска в Восточную Пруссию. Бомба имела совершенно невинный вид — несколько бутылок коньяку, но взрыв не удался, так как оказался не в порядке часовая механизм. Покушение должно было явиться сигналом для открытого мятежа немецких резервных войск. Покушение не было раскрыто только потому, что Тресков приказал своему другу Фабиану фон Шлабрендорфу следовать за Гитлером, чтобы обменять злополучные бутылки, как только стало известно, что покушение не удалось.

Имеются указания на то, что Аллен Даллес имел некоторое отношение к подготовке покушения на Гитлера и к предполагаемому мятежу. Установлено, что Гизевиус все время состоял в непосредственном контакте с руководством ОСС в Берне и что оппозиционно настроенный дипломат Адам Трот цу Зольц в январе и апреле 1943 г. ездил по поручению генерала Бека и Карла Герделера в Швейцарию для переговоров с англо-саксами.

Добилась ли немецкая оппозиция в первой половине 1943 г. каких-нибудь конкретных результатов, ведя переговоры с Алленом Даллесом о планах переворота? Материалов об этом немного, но имеющиеся данные указывают на то, что была достигнута известная договоренность на случай, если Гитлера удастся убрать. Несомненное доказательство этому мы находим в письме, посланном Карлом Герделером в июле 1943 г. фельдмаршалу фон Клюге, в котором Герделер уговаривает Клюге участвовать в мятеже. Это письмо сохранилось в архиве оппозиции. Оно ясно рисует точку зрения Герделера и Бека на международное положение и бросает свет на обещания, данные заговорщикам англо-саксами.

«Знаете ли вы теперь, когда продолжается во все увеличивающихся темпах ужасное разрушение немецких городов, какое-нибудь средство добиться победы? Знаете

ли вы какое-нибудь средство удержать Россию вдали от Европы? И как заставить Соединенные Штаты Америки и Британскую империю прекратить свои бомбежки и заключить мир? Именно это является насущной политической и военной задачей. Если победа невозможна, продолжение войны является вопиющим преступлением. Ведь весь народ не может умереть героической смертью. Он будет вынужден жить дальше.

Я вполне убежден и могу со всей ответственностью заявить, что имеется возможность заключить мир на благоприятных для нас условиях, если только, мы, немцы, превратимся в народ, с которым можно вести переговоры. ..

Конечно, теперь труднее, чем год тому назад, реализовать эти возможности, но это все же можно будет сделать, если наши государственные деятели смогут маневрировать и если они неожиданно не окажутся, как в 1918 г., перед военным разгромом. Если эта возможность будет реализована, что зависит от армии, то мы при помощи переговоров сможем сразу прекратить войну в воздухе и постепенно свести на нет сухопутную войну. Тот, кто сегодня объявит немецкому народу, что война с воздуха прекращена, тот завербует народ на свою сторону, и никто не посмеет поднять свой голос против этого человека или хотя бы пальцем тронуть его. Именно так, а не иначе, обстоит дело».

Знаете ли вы какое-нибудь средство удержать Россию вдали от Европы? Вот вопрос, который, видимо, так же неотступно стоял перед Даллесом и западными государственными деятелями, как перед Герделером и германскими генералами. Этот вопрос особенно остро встал летом 1943 г. после Сталинградской битвы и последовавших за ней побед русских. Новое в международной обстановке заключалось в том, что победоносная Красная Армия быстро продвигалась на Запад, преследуя разбитые немецкие армии и не дожидаясь открытия второго фронта в Западной Европе.

Но не только одна немецкая «верхушечная оппозиция» реагировала на эти события. Западные союзники, испугавшись стойкости и силы социалистического государства, начали серьезно задумываться над тем, как сохранить в послевоенной Европе старые порядки и общественный

строй. Для обеих сторон было ясно, что спасения следует искать в достижении немецко-англо-саксонского взаимопонимания, которое дало бы возможность изолировать социалистическую Россию. Все данные подтверждают это, в том числе и откровенное письмо Карла Герделера колебавшемуся генерал-фельдмаршалу Ключе.

Видимо, имелась вполне определенная немецко-англо-саксонская договоренность о фактическом прекращении войны в Европе, в то время как на Востоке война продолжалась бы. После намечавшегося государственного переворота война в воздухе должна была, по словам Герделера, немедленно прекратиться, а ведь именно бомбардировки в этот момент были единственной формой войны, которую англо-саксы вели против Германии. Сухопутная война также должна была постепенно прекратиться, да и велась она только в одном единственном районе Западной Европы—в Италии. Возможно, что такого рода соглашение фактически привело бы к тому, что новое немецкое правительство получило бы возможность сконцентрировать все свои силы на восточном фронте. Может быть, таким путем западные державы рассчитывали отстранить Советскую Россию от послевоенного разрешения европейских проблем.

В указанный период военная разведка гитлеровской Германии тесно сотрудничала о разведкой англо-саксов. Та часть «верхушечной оппозиции», которая группировалась вокруг адмирала Канариса, развивала свою деятельность не только в Германии, но и в оккупированных областях, главным образом в государствах-сателлитах «Третьего рейха». Полезно будет подробнее ознакомиться с внешнеполитической деятельностью адмирала Канариса.

Известно, что Канарис во время поездки в Испанию в 1940 г. использовал свои тесные личные отношения с Франко, чтобы отговорить его от вступления в войну на стороне Германии и от нападения на Гибралтар. Франко ограничился посылкой своей пресловутой «голубой дивизии» на восточный фронт. Известно также, что абвер Канариса избегал посылать донесения о подготовке американцами десанта в Африке в ноябре 1942 г.

Менее известны материалы об участии адмирала в подготовке свержения Муссолини. Вот что об этом рассказывает Хельге Кнудсен в своей книге:

«Через свою разведку он (Канарис) хорошо знал настроения в Италии и Венгрии, извлекая из них пользу везде, где это было возможно. Его связи шли прямо к регенту Венгрии Хорти, которому он предлагал последовать примеру Италии и выйти из войны в тот же день, когда будет свергнут Муссолини (25 июля 1943 г.). Генерал Роатта, первоначально бывший начальником итальянской разведки и коллегой Канариса, а позднее ставший начальником генерального штаба, еще до войны бывал у Канариса, и нет сомнения, что Канарис приложил свою руку к планам свержения Муссолини...»

Свержение Муссолини было, повидимому, самым большим успехом западных союзников в течение всей второй мировой войны. Англо-саксонская коалиция стремилась таким образом добиться своей главной цели — завоевания контроля над всей Европой к западу от государственной границы Советского Союза.

Тайная связь англо-саксов с некоторыми привилегированными кругами Италии имела довольно большую давность. Две тайные нити связывали правящую верхушку Италии с западными державами. Одна нить шла к царствовавшей в Италии Савойской династии, другая — к итальянскому генералитету, а оттуда дальше, к influential прослойке итальянской аристократии.

Когда англо-саксы 10 июля 1943 г. высадились в Сицилии после поражения немецко-итальянских войск в Африке, итальянские правящие круги поняли, что игра Муссолини проиграна. 25 июля Бадольо совершил государственный переворот и арестовал Муссолини. Затем он сразу же взял курс на заключение сепаратного мира.

Перед западными союзниками открывались невиданные перспективы: не только возможность дойти до немецкой границы у Бреннера, но и получить контроль над большей частью Балкан. Все Адриатическое побережье Югославии и Хорватии было оккупировано итальянскими войсками, с командованием которых британская разведка заранее вошла в контакт. Албания и значительная часть Греции также были в итальянских руках. На Балканах находилось восемнадцать итальянских дивизий, готовых

«повернуть фронт» против немцев. Казалось, что появилась возможность осуществления пресловутых планов Черчилля по захвату «уязвимого подбрюшья Европы».

Но этим возможности не исчерпывались. Захватив западную часть Балкан, англо-саксы могли вплотную подойти к венгерской границе, Дунайскому бассейну и самому сердцу Центральной Европы, а в Венгрии, как уже упоминалось, среди правящих кругов царили такие же настроения, как и в Италии.

Используя переворот в Италии, можно было создать крепкий фронт против немцев в западной части Балкан, и Венгрия, как созревший плод, попала бы в руки наступающих англо-саксонских армий. Из Дунайского бассейна англо-саксы могли продвинуться к границам Австрии, Чехословакии и Польши и очутиться в Румынии и на Украине, в тылу нацистских войск, в то время, как Красная Армия еще сражалась бы на своей собственной территории, на сотни километров к востоку от старой границы Советского Союза.

Колеблющаяся немецкая оппозиция получила недвусмысленное предупреждение о том, что пришло время убрать обанкротившегося Гитлера.

Переговоры о капитуляции Италии и переходе ее на сторону западных союзников велись втайне и с большой осторожностью, чтобы не дать Гитлеру возможности своевременно предпринять контрдействия. 3 сентября было подписано перемирие, но оно не осталось в тайне из-за нескромности американцев. Несмотря на это, о нем было официально объявлено лишь 8 сентября. Затем последовал полный провал далеко идущих англо-саксонских планов.

Гитлеровские войска опередили англичан и американцев в захвате Италии и Балкан. Англо-саксы стали жертвой своей собственной реакционной тактики — стремления опереться на старые, отживающие свой век слои итальянского общества. Переворот Бадольо не имел народной поддержки. Он был результатом всеобщей усталости от войны. Савойская династия и диктатура реакционных генералов не могли вдохновить массы итальянского народа на борьбу против немецких войск. Программа правительства Бадольо была крайне реакционной. Народ не хотел ее поддерживать. Западные союзники были побеждены не

Гитлером, а собственным страхом перед итальянским народом.

Бадольо и его генералы опирались на большое количество дивизий, вооруженных лучше, чем бронированные немецкие вспомогательные войска. На основании чисто военного подсчета не могло быть никакого сомнения в результатах. Но следовало учитывать еще один фактор — настроение итальянских народных масс.

Итальянские войска не стали оборонять новый «повернутый фронт». Армия дала себя обезоружить. Солдаты хотели вернуться домой и не обращали внимания на распоряжения высших офицерских чинов, грудь которых еще вчера была украшена фашистскими орденами и которые бросали фашистские словечки и сыпали угрозами. Жалкое фиаско англо-саксов в Италии летом 1943 г. не было исключительно военным поражением. Это было большое политическое и моральное поражение, наглядно иллюстрирующее, что может произойти с великими державами, если они в своей политике опираются на отжившие свой век реакционные силы.

Уже 9 сентября немцы организовали собственное фашистское «правительство» в Северной Италии, в то время как бронированные части Роммеля заняли пограничные горные проходы и разоружили итальянские гарнизоны прежде, чем те успели понять, что происходит. Уже 10 сентября армия Кессельринга заставила капитулировать большую армию Бадольо в Риме, в то время как сам Бадольо и королевская семья бежали на юг к союзникам. Вся Италия вплоть до Неаполя попала в руки немецких войск, в то время как напуганные и лишенные всякой инициативы англо-саксы топтались на юге Италии, совершенно не понимая, почему такая судьба постигла их тщательно продуманный план, который при первом же сильном порыве ветра рассыпался, как картонный домик.

Такая же печальная участь постигла в ближайшие недели восемнадцать дивизий Бадольо на Балканах, которые должны были подготовить почву для высадки союзников на восточном побережье Адриатического моря. В граничащей с Венгрией северной части Хорватии фашистский ставленник Анте Павелич объявил о присоединении к Германии побережья Далмации. 10 сентября войска немецкого генерала Вейхса уже наводнили

Албанию и заняли Тирану, Дуррес, Валону и Эльбасан без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны солдат Бадольо, единственным желанием которых было поскорее вернуться домой.

Войска Бадольо и его англо-саксонских хозяев не сумели даже обеспечить за собой несколько важных портов в качестве предмостного укрепления на югославском побережье. Дубровник был взят 14 сентября, а Сплит — 28 сентября. Только у старой итало-югославской границы близ Горица и в Истрии немцам было оказано более упорное сопротивление. Здесь несколько недель шли бои. Итальянскими войсками командовали генерал Малагута и агент британской секретной службы майор Уильям Джонсон, который снабжал оружием английских ставленников в Словении. В начале октября и это сопротивление, организованное в трудно доступном горном районе, было сломлено.

Не более успешно развивались и действия армии Бадольо в Греции. Итальянские солдаты сдавались почти поголовно, не оказывая никакого сопротивления, если только обещали отправить их домой. 18 сентября итальянская дивизия «Аквиа», находившаяся на острове Кефалония, сдалась под угрозой бомбардировки, а 28 сентября остров Корфу снова попал в руки немцев. «Уязвимое подбрюшье» сразу стало неуязвимым. В результате всего этого у Бадольо остался всего лишь маленький участок в Южной Италии. Из этого района англо-саксы впоследствии стали крайне медленно продвигаться в глубь Италии.

Итальянское поражение осенью 1943 г. было настолько внушительным, что выжидавший в Венгрии Хорти считал для себя самым подходящим сделать хорошую мину при плохой игре. Его министры и генералы поспешили заверить Гитлера в своей непоколебимой верности и лояльности по отношению к нацистам, одновременно с удивлением наблюдая за событиями на юге и недоумевая, куда же девались долгожданные британские войска.

События в Италии вынудили англо-саксонских стратегов к перемене курса. Они самонадеянно мечтали победить Германию путем вторжения с юга. Но результаты оказались ничтожными. Такой курс не принес никаких успехов. Англо-саксам поневоле пришлось перестраивать-

ся на военное сотрудничество с победоносными русскими союзниками и согласиться на отклоненный ими весной план высадки в Западной Европе.

Несомненно, что итальянские события, столь неожиданные для западных союзников, отрицательно повлияли на судьбу немецкой «верхушечной оппозиции». Не предстали ли перед этой оппозицией со всей ясностью ее собственные внутренние слабости? Сходство ее с кликой Бадольо было очевидным. Однако «верхушечная оппозиция» не извлекла для себя никаких уроков из итальянских событий и не сумела правильно оценить создавшееся положение. 20 июля 1944 г. имела место попытка переворота, оказавшаяся еще более неудачной и закончившаяся еще более трагически для ее организаторов.

Начальник разведки Вильгельм Канарис и дипломат Ульрих фон Гассель, несомненно, были в курсе событий, и, видимо, сами активно участвовали в подготовке переворота. Хельге Кнудсен рассказывает в своей книге, что Канарис, узнав о событиях в Италии, с отчаянием воскликнул:

«Я больше не в состоянии выносить это. Если в Берлине ничего не предпринимается, то добейтесь во всяком случае договоренности с Бадольо, чтобы Германия могла присоединиться к нему».

Когда Гитлер задумал свое небезызвестное похищение Муссолини, Канарис сознательно указывал неправильное местопребывание последнего, чтобы помешать этому. Но вскоре для всех стало ясно, что в Италии нечего искать поддержки, а в Венгрии Хорти был слишком осторожен, чтобы последовать настойчивым уговорам Канариса, — он выжидал. Канарис как будто сам был настолько разочарован исходом переворота Бадольо, что на некоторое время прекратил активную деятельность и рекомендовал Гизевиусу поступить так же.

Тот же глубокий пессимизм мы встречаем в дневнике фон Гасселя в годы войны. 13 сентября 1943 г. он писал об итальянских событиях:

«Особенно неблагоприятными являются разочаровывающие события в Италии. Бадольо поспешил со своим выступлением. Близорукая английская политика в отношении Бадольо, незначительная военная помощь со стороны англо-американских войск в Италии, а также

зверская жестокость, глупая мстительность, проявленные при перевороте в Италии, расстрелы тысяч итальянских офицеров и солдат по методу бешеного Гитлера — все это послужило причиной того, что итальянский переворот, который и для нас мог бы означить победу, на самом деле превратился в источник дальнейших зол. К этому еще нужно прибавить расшатывание основ итальянской монархии. Картина не меняется: Бадольо вовсе не является сторонником каких-либо прогрессивных принципов. Но гитлеровская Германия в глазах всего мира предстает как абсолютное зло, что окончательно дискредитирует немцев».

Генералы, которые и раньше не слишком охотно решались участвовать в попытках выступления против Гитлера, теперь снова отступили после мало ободряющего итальянского эксперимента. Будущий участник заговора 20 июля фельдмаршал Эрвин Роммель явился даже одним из организаторов разоружения войск Бадольо в Северной Италии.

В свете всего этого полезно будет проследить ход переговоров между немецкой оппозицией и Лондоном, происходивших в конце 1943 г. Англичане стали более сдержанны в отношении немецкой оппозиции, чем в первые годы войны. Зато они усиленно толкали ее на решительные действия против Германии Гитлера. Особенно активным, казалось, Черчилль был в период перед Тегеранской конференцией. 13 ноября Гассель записывает:

«Я встретил Герделера на вокзале. Он утверждает, что через Швецию получены достоверные сообщения о том, что Черчилль заявил, что до переворота в Германии он не может обещать ничего определенного. Но если переворот действительно удастся, то, как он предполагает, можно будет найти общий язык».

5 декабря 1943 г. Гассель описывает пребывание шведа Валленберга в Берлине и говорит:

«Герделер утверждает, что Черчилль через Валленберга просил лично передать ему, что новая система в Германии (то есть правительство Герделера) будет принята благосклонно».

План бывшего президента немецкого Рейхсбанка Яльмара Шахта, вызвавший большую дискуссию, видимо, также относится к 1943 г. По этому плану западные

союзники не только должны были согласиться на сепаратный мир с Германией, но и разрешить Германии сохранить вооруженные силы для «защиты Европы от большевизма». Таким образом, здесь ясно обнаруживается намерение «повернуть фронт» и продолжать войну объединенными силами против страны социализма.

Гарантии, которые Шахт собирался предложить западным державам при создавшемся положении вещей, заключались в передаче Англии и США части акций немецкой промышленности. Это полностью обеспечило бы экономическое сотрудничество с их стороны.

Что касается практических мероприятий по борьбе против нацизма, то «верхушечная оппозиция» не шла дальше многочисленных планов переворота и постоянных переговоров с Западом о предварительных гарантиях в отношении будущего немецкого государства. В заговоре участвовали лишь консервативные политики католической и социал-демократической верхушки и вечно колеблющиеся генералы, которые никак не могли принять окончательного решения. Они приступали к переговорам, когда дела на фронте шли плохо, а как только военное положение несколько улучшалось, они сразу же заявляли о своей «лояльности» по отношению к Гитлеру.

Таким образом, многочисленные планы переворота и смены правительства не только не были реализованы, но даже не оставили никаких следов и не способствовали созданию органического единства в рядах самой оппозиции. Она объявила о своей решимости «спасти Германию» от военной катастрофы, но перспектива столкновения с нацистами не вдохновляла малоспособную верхушку армии. Вместе с тем стремление к великогерманской экспансии было крайне типично для всех оппозиционеров, начиная с немецких националистов, членов партии центра, и кончая правыми социал-демократическими лидерами, которые вошли в блок Карла Герделера.

Руководители оппозиции казались уверенными только в одном, а именно в том, что военный переворот может удался только в том случае, если до этого сам Гитлер будет уничтожен в результате покушения на него. Только после этого армия сможет выступить.

Подобно первому покушению на Гитлера в марте 1943 г. не удалось и попытки организовать покушение в

Берлине в ноябре и декабре 1943 г. «Верхушечная оппозиция» топталась на месте.

Немецкая оппозиция верила в дворцовый переворот, подобно тому, как в Италии верили в переворот Бадольо. Монархический переворот в Италии в конечном счете потерпел фиаско вследствие того, что не имел народной поддержки. Немецкая оппозиция даже не сумела повторить римский фарс, а тем временем в Риме несколько немецких полков окончательно подавили дворцовую революцию.

Бомба против Гитлера

Когда наконец 20 июля 1944 г. немецкой военной оппозиции удалось взорвать бомбу в картографическом зале главной ставки Гитлера в Восточной Пруссии, это не было неожиданностью для всех тех, кто находился за пределами Германии. Более того, в некоторых кругах западных союзников этого события с нетерпением и волнением ожидали уже в течение нескольких недель.

Во всяком случае одним из лиц, полностью посвященных в это дело, был руководитель американской разведки в Европе Аллен Даллес. Ганс Гизевиус, находившийся в Цюрихе и осуществлявший связь между оппозицией и американцами, не скрывает этого факта в своих воспоминаниях.

Верные установившейся традиции, Людвиг Бек, Карл Герделер и компания прежде, чем пойти на риск покушения и переворота, обратились к западным державам, пытаясь выяснить вопрос об условиях заключения мира. Об этих важных переговорах Гизевиус рассказывает следующее:

«В марте 1944 г. Бек считал, что нам следует еще раз проверить, есть ли какая-нибудь возможность достижения взаимопонимания между оппозицией и западными державами. Бек желал внести полную ясность в вопрос о том, хотят ли вообще союзники нормализации положения в Германии, то есть хотят ли они ликвидировать нацистский режим путем сотрудничества с оппозицией, или же они будут в политическом отношении связаны своими официальными декларациями».

Гизевиус подчеркивает, что проблема, более всего интересовавшая оппозицию, заключалась в том, захотят ли

западные державы при любых обстоятельствах придерживаться формулировок конференции в Касабланке, состоявшейся в январе 1943 г., на которой безоговорочная капитуляция Германии была признана обязательным условием заключения мира. Оппозиция стремилась «угговорить союзников отказаться от узкой формулировки, принятой в Касабланке или, по крайней мере, смягчить ее путем более либерального толкования».

Гизевиус продолжает:

«Когда Ветъен (германский консул в Цюрихе) и я в результате переговоров с Даллесом получили более ясное представление обо всей обстановке, чем наши друзья в Берлине, мы решили раскрыть карты. Мы сообщили, что немецкая оппозиция намерена теперь попытаться организовать покушение, и сообщили точные данные о тех генералах и гражданских лицах, которые готовы были пойти на это... Наши последние попытки мирного зондажа были санкционированы Беком, и Даллес безусловно рекомендовал своим хозяевам пойти нам навстречу, но, к сожалению, мы не получили положительного ответа. Таким образом, несчастью суждено было свершиться...»

В Берлине ждали ответа от западных союзников, и подготовка к задуманному покушению снова задержалась. 6 июня 1944 г., наконец, был осуществлен десант англо-саксов в Нормандии, которого пришлось ждать почти так же долго, как покушения оппозиции на Гитлера.

В течение нескольких месяцев Гизевиус поддерживал постоянный контакт с Даллесом, который с нетерпением ждал результатов действий своих немецких приспешников. На побережье Ла-Манша шли жестокие бои. Именно в этот момент англо-саксы остро нуждались в помощи своих немецких сообщников. Мы знаем, что Гизевиус 9 июня через своего помощника—директора страхового общества Штрюнка — послал Беку и Герделеру письмо, в котором настоятельно требовал немедленных действий. Гизевиус следующим образом рассказывает о содержании своего послания:

«Я писал, что утрачена всякая возможность для переговоров с союзниками. Теперь дело не терпит отлагательства, и не следует терять времени на предварительные переговоры. Теперь надо действовать...»

Это был последний сигнал к драматическим событиям 20 июля.

Месяц спустя Штрюнк снова приехал в Цюрих с сообщением о том, что покушение будет совершено незамедлительно. Он сообщил также, что недоверие гестапо к Гизевиусу возросло до того, что гестапо потребовало его немедленного возвращения на родину. Ему рекомендовали бежать. Новый начальник Гизевиуса по разведывательному управлению полковник Георг Хансен, который также принадлежал к оппозиции, посоветовал Гизевиусу на всякий случай лечь в швейцарский госпиталь.

Описывая дальнейшие события, Гизевиус явно чего-то не договаривает. Он рассказывает, что им был составлен подробный отчет Аллену Даллесу о положении в Германии и о планах переворота, после чего он 11 июля выехал обратно в Германию вместе со Штрюнком. К чему был такой легкомысленный поступок, если не было какого-либо дополнительного важного задания, которое следовало выполнить в связи с планами покушения? Все говорит о том, что Гизевиус во время этой поездки должен был выполнить определенное задание — он должен был передать немцам заговорщикам новые директивы Аллена Даллеса!

Это становится совершенно очевидным из собственного отчета Гизевиуса о его конфиденциальных беседах с Карлом Герделером по приезду в Берлин. Кое-что из новых директив, привезенных Гизевиусом, проскальзывает уже в его отчете о беседе с Герделером 12 июля. Вот что Гизевиус рассказывает о состоявшемся обмене мнений:

«Герделер не верил, что западные державы будут настаивать на своем требовании о безоговорочной капитуляции. Если армии удастся остановить русских, то, как он был уверен, англичане захотят еще раз пересмотреть этот вопрос. Борьба против Гитлера противоречила бы их политике, так как, одержав победу над Гитлером, они могли бы способствовать захвату Европы русскими.

В этом пункте я придерживался другого мнения. Война зашла слишком далеко — настолько далеко, что наши противники уже не могли больше отступать. С другой стороны, я считал решающим вопрос о том, какое государство оккупирует Германию и в какой форме совершится эта оккупация. Несмотря на соглашение в

Тегеране и в Ялте об оккупационных зонах, было возможно, что англичане первыми достигнут линии Кенигсберг — Прага — Вена — Будапешт. Герделер же считал, что такое предположение слишком оптимистично...»

Здесь память явно изменяет Гизевиусу. У него никогда не было возможности говорить о Ялтинской конференции с Герделером, так как конференция состоялась лишь полгода спустя — в феврале 1945 г., а Карл Герделер был повешен за три дня до открытия конференции; но важнее то, что Гизевиус здесь сам рассказывает, что в его задачу входила пропаганда англо-американской оккупации всей Германии и как можно большей территории Средней Европы. Еще отчетливее это выявилось позднее — во время подготовки покушения 20 июля 1944 г.

План покушения на Гитлера сводился к тому, что тогдашний военный руководитель оппозиции полковник Клаус фон Штауфенберг, занимавший пост начальника штаба немецкой резервной армии, должен был во время совещания лично положить бомбу замедленного действия в ставку фюрера. Две первые попытки покушения — 11 и 15 июля — сорвались. Штауфенберг не положил бомбы, так как на совещании отсутствовал руководитель гестапо Гиммлер.

Поскольку в связи с этим срок переворота оттягивался, Гизевиус считал, что наступил подходящий психологический момент для того, чтобы предложить свой собственный план, который должен был в корне изменить характер переворота. 15 июля Гизевиус попытался склонить Герделера к изменению программы действий. Вот что он рассказывает о своем предложении:

«Я еще раз представил план, который мы уже обсуждали в Швейцарии, а именно — отказаться от покушения на Гитлера и переворота в Берлине в пользу односторонних акций на западном фронте. Если бы Клюге и Роммель твердо решились пойти на это, они должны были бы отказаться повиноваться Гитлеру и предложить Эйзенхауэру заключить сепаратное перемирие. Практически это означало бы, что западный фронт был бы оголен и что англо-саксонские войска устремились бы через «линию Зигфрида» в Германию, где они встретили бы лишь ничтожное сопротивление. Во всяком случае, они

могли бы дойти до Берлина раньше русских. Это было бы значительно лучше безоговорочной капитуляции».

Нетрудно догадаться, с кем обсуждал этот план Гизевиус еще в Швейцарии. К нему явно приложили руку американцы, стремившиеся сохранить немецкое сопротивление на восточном фронте, чтобы удержать русских подальше от Польши и Восточной Пруссии, и вместе с тем открыть войскам Эйзенхауэра беспрепятственный доступ в Германию и к Берлину с запада. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что подлинным инициатором этих новых проектов мог быть только предприимчивый руководитель американской разведки Аллен Даллес. Именно по его указаниям действовал Гизевиус, внесший колебание в ряды оппозиции непосредственно перед нанесением решающего удара.

В его новом плане содержались некоторые элементы старого плана Людвига Бека, Герделера и Штауфенберга. Они все время считали, что необходимо любой ценой оборонять восточный фронт. Сопротивление против русских должно было продолжаться. Если бы покушение удалось, резервная армия захватила бы власть в Берлине и образовала бы новое правительство. Людвиг Бек должен был стать главой государства, а Герделер — канцлером. Это правительство должно было всеми силами добиваться мира с западными державами. Но этот план не предусматривал безоговорочного открытия фронта для англо-саксов, чего требовали Даллес и Гизевиус.

Из дневника Ульриха фон Гасселя известно, что Герделер раньше считал, что можно отказаться от покушения на Гитлера и ограничиться лишь военным переворотом. Его легко уговорили согласиться на предложение Гизевиуса.

Однако один из наиболее влиятельных руководителей заговора генерал-полковник Людвиг Бек отверг предложение Гизевиуса, несмотря на то, что оно было одобрено начальником берлинской полиции графом Гельдорфом и начальником военной разведки полковником Георгом Хансеном, принадлежавшими к оппозиции. Последний даже предоставил в распоряжение Гизевиуса военный самолет, чтобы тот мог полететь во Францию и договориться обо всем необходимом с генералами фон Клюге и Роммелем.

Когда Гизевиус 17 июля снова попытался уговорить генерала Бека санкционировать этот план, он встретил упорное сопротивление.

«Бек резко высказался против этого проекта», — рассказывает Гизевиус. Повидимому, два обстоятельства предрешили позицию Бека. При всех условиях он желал убрать с дороги Гитлера, чтобы освободить армию от присяги. Он сомневался, решатся ли в противном случае генералы на предлагаемую акцию.

Кроме того, было бы крайне рискованным и несовместимым со старыми милитаристскими традициями отдать Германию на милость англо-саксов. Гизевиус пишет о Беке: «Он никогда не думал, что его первым правительственным актом в качестве главы нового немецкого государства явится посылка представителя в ставку генерала Эйзенхауэра для того, чтобы сообщить ему о безоговорочной капитуляции (Германии)». Единственным результатом попыток Гизевиуса добиться принятия составленного им совместного с Алленом Даллесом проекта открытия фронта был, повидимому, лишь разброд среди заговорщиков в решающие дни перед 20 июля. Остро проявились существующие тактические и личные разногласия. Время проходило в бесплодных спорах.

Попытка переворота 20 июля 1944 г. имела место непосредственно после двух исторических событий в ходе второй мировой войны. 6 июня началось вторжение через Ла-Манш. Был наконец создан второй фронт. В то же время на восточном фронте было в полном разгаре крупное летнее наступление русских, начавшееся 22 июня на центральном участке фронта. Это большое наступление переместило линию фронта от Смоленска к Висле. Постоянные прорывы фронта, окружение немецких армий, жестокие поражения немецких войск на Востоке привели к тому, что немцы целыми войсковыми частями сдавались в плен. Армия Гитлера была накануне полного военного краха.

По сравнению с разгромом гитлеровских войск на восточном фронте, события на Западе имели второстепенное значение. Победы Красной Армии произвели ошеломляющее впечатление на круги немецкой оппозиции. Это видно из записи в дневнике такого старого консервативного

дипломата, как Ульрих фон Гассель, который 10 июля отметил приближение скорого краха:

«Первые признаки разложения, появившегося в наших войсках, указывают на это. Победа, одержанная русскими между Двинском и Ковелем, была неожиданной как для нашего военного командования, так, видимо, и для самих русских. Бегущие солдаты в Восточной Пруссии! Три генерала героически погибли.

Таких темпов отступления не наблюдалось даже в 1918 г. ...»

У целого ряда членов «верхушечной оппозиции» начали появляться сомнения в целесообразности односторонней западной ориентации при сложившейся обстановке. Возник вопрос, не стали ли русские решающей силой в войне.

Этот кризис ориентации наблюдался у социал-демократов за несколько недель до 20 июля. Раскол был налицо. Более молодые элементы требовали ревизии враждебного отношения социал-демократов к Советскому Союзу и коммунистам. Строгая подпольная дисциплина была уже не в состоянии заглушить разногласия. Такие люди, как Юлиус Лебер и профессор Рейхвайн по собственной инициативе нащупывали контакт с руководителями подпольного коммунистического движения.

22 июня 1944 г. состоялась первая встреча этих социал-демократов с представителями немецких коммунистов, на которой было решено продолжать переговоры о будущей совместной работе. Правый социалист Эмиль Хенк рассказывает о внутреннем расколе в социал-демократической партии:

«Лейшнер ничего не знал об этих событиях и планах. Он всячески стал бы препятствовать этому; впоследствии он энергично протестовал против того, что в свое время его не поставили в известность...»

В этом изложении чувствуется влияние шумахеровской пропаганды, утверждающей, что Лейшнер якобы не знал о попытках объединения социал-демократов с коммунистами; в действительности же он не только знал о них, но и препятствовал им.

К сожалению, Лебер, Рейхвайн, а также три коммунистических представителя были арестованы по доносу при более поздней встрече — 10 июля. В следующие дни про-

изводились массовые аресты и обыски в рабочих кварталах Берлина...

Кризис коснулся и других политических деятелей в рядах оппозиции. Это проявилось в дискуссиях о том, кого назначить министром иностранных дел — Ульриха фон Гасселя, который придерживался западной ориентации, или Вернера фон Шуленбурга, который считал, что важнее всего добиться заключения мира с СССР и что иначе все будет потеряно.

Разгром немецких войск на центральном участке восточного фронта вызвал среди оппозиционеров колебания и сомнения в правильности избранного пути. Полковник Клаус фон Штауфенберг и его ближайшие друзья были среди колеблющихся.

Первоначально Штауфенберг, так же как и остальные военные, придерживался точки зрения, что основной целью должен быть сепаратный мир на Западе, но развитие событий заставило его изменить свое мнение. Когда Гизевиус 12 июля излагал свои планы односторонней капитуляции перед западными державами, Штауфенберг прервал его конкретным вопросом: «Не слишком ли поздно пытаться войти в контакт с западными державами?»

Штауфенберг и его ближайшие друзья считали, что немецкие поражения на Востоке являются настолько катастрофическими, что следует подумать об установлении взаимопонимания с советским правительством. Таким образом, накануне покушения на Гитлера «верхушечная оппозиция» была ослаблена внутренним расколом, вызванным политическими и тактическими расхождениями. Эти расхождения не уменьшились от того, что Гизевиус и Даллес попытались в последний момент перекроить весь ранее разработанный план действий оппозиционеров.

20 июля 1944 г. начальник штаба германской резервной армии полковник Штауфенберг прибыл в ставку Гитлера с докладом. Он привез с собой портфель, в котором помещалась бомба замедленного действия. Во время совещания он неожиданно вышел, оставив свой портфель на столе Гитлера и предварительно открыв часовой механизм бомбы. Затем Штауфенберг прямо из зала совещания направился к ожидавшему его самолету и вылетел обратно в Берлин. Десять минут спустя совещание

Гитлера с генералами было прервано оглушительным взрывом. Это был сигнал к перевороту 20 июля.

Но произошло одно непредвиденное обстоятельство — совещание у Гитлера состоялось не в бомбоубежище фюрера, как обычно, а в картографическом зале, в бараке. Штауфенберг был сильно раздосадован, но надеялся, что взрывная сила его бомбы при всех обстоятельствах окажется достаточной для того, чтобы превратить всех присутствовавших в порошок.

Однако его постигла неудача. Четверо ближайших военных советников Гитлера были убиты, но сам он отделался несколькими царапинами. Стены зала вследствие взрыва были разрушены.

Заговорщики в Берлине все же начали действовать, предполагая, что Гитлер убран с дороги. Генералы объявили о захвате власти и предложили гарнизонам в других городах и войскам на фронте повиноваться новому главе государства генерал-полковнику Беку и главнокомандующему генерал-фельдмаршалу Вицлебену. Новое «правительство» Герделера было готово приступить к исполнению своих обязанностей.

Переворот в Берлине обнаружил всю организационную и политическую слабость «верхушечной оппозиции». Вследствие конспирации о заговоре знал лишь узкий круг генералов, сановников и политических деятелей. Среди населения не велось подготовительной пропагандистской работы и даже в рядах полиции, среди солдат и младших офицеров не проводилось никаких организационных мероприятий. Оппозиция рассчитывала на то, что солдаты механически последуют за своим «начальством», а полиция также будет повиноваться своим двум начальникам — членам оппозиции. Не было создано также ударных отрядов, которые были бы посвящены в этот план.

Заговорщики действовали с поразительным легкомыслием — настолько легкомысленно, что даже не позаботились о том, чтобы арестовать Геббельса и прочих нацистских министров, которые преспокойно оставались на своих местах. Никто даже пальцем не пошевелил, чтобы обезвредить гестапо и войска СС или хотя бы арестовать их главарей. Считалось, что с этим можно «повременить», пока в Берлин не подойдут бронированные части и подкрепления из провинции. Таким образом, у нацистов было

достаточно времени, чтобы спокойно организовать контр-выступление. Чтобы внести замешательство в ряды заговорщиков, по радио в самый разгар событий было передано сообщение, что было совершено покушение на Гитлера, но что он остался невредим, и затем передавалась его речь из главной ставки.

В решающий момент Геббельсу к тому же удалось переманить на свою сторону одного из руководителей берлинского гарнизона — майора Отто Эрнста Ремера. Этот последний, сначала поддерживавший оппозицию, в последнюю минуту приказал своим солдатам арестовать всех руководителей заговора, находившихся в помещении военного ведомства. Со стороны заговорщиков при этом не было сделано ни одного выстрела. 20 июля окончилось кровавой расправой. Но оно не привело ни к крушению нацизма, ни к открытию фронта...

Только на западе, в Париже, события сначала протекали более благоприятно для оппозиционеров. Один из генералов — Генрих фон Штюльпнагель — решительно взялся за дело и приказал арестовать всех руководителей СС и гестапо. Весь его гарнизон присоединился к нему. Когда во Францию пришло сообщение, что Гитлер уцелел, два других заговорщика — фельдмаршалы фон Клюге и Роммель, ранее пребывавшие в нерешительности, отдали приказ об аресте своего более энергичного коллеги генерала фон Штюльпнагеля. Таким образом, дело оппозиции было окончательно проиграно. Штюльпнагель был казнен, а оба фельдмаршала, предавшие заговорщиков, позднее сами были разоблачены и покончили жизнь самоубийством.

Из главных зачинщиков заговора уцелел только Гизевиус. Его могущественный покровитель и вдохновитель Аллеи Даллес после провала заговорщиков переслал из Швейцарии фальшивые документы и благополучно переправил его из Германии за границу.

Деятельность «верхушечной оппозиции» и драматические события 20 июля являются примером типичного для стран империализма разброда и загнивания среди правящей верхушки. Эти события свидетельствовали о разложении в рядах реакции и фашизма. Кроме того, они, а также переворот Бадольо, показали западным державам, к каким просчетам и провалам приводит их полити-

ческая игра, в которой они опираются исключительно на отжившие общественные силы.

Столь же бесславная участь постигла в послевоенный период и других ставленников западных держав — феодалов Восточной Европы, Чан Кай-ши и прочих азиатских деспотов. Силы прогресса всегда сметают со своего пути реакционное отребье.

События 20 июля были одной из неудачных попыток Запада решить судьбу Европы без участия Советского Союза и в ущерб его интересам. Провал «верхушечной оппозиции» на некоторое время убедил западные державы в непригодности такого пути и разбил мечты англосаксов о безраздельном господстве в послевоенной Европе.

ТАЙНЫ ПОЛЬСКОГО ВНУТРЕННЕГО ФРОНТА

**Польское эмигрантское правительство в Лондоне
и Армия Кракова**

Три года спустя после окончания второй мировой войны — 10 мая 1948 г. — перед Варшавским судом предстал по обвинению в антигосударственной деятельности поляк Тадеуш Мацинский — один из руководителей бывшей фашистской католической партии («Сторонничество народов»). Во время судебного процесса обвиняемый подробно рассказал, между прочим, о планах польской реакции на будущее:

«Я и другие члены подпольных организаций придерживались плана, согласно которому войска англо-саксов должны были первыми проникнуть в Польшу через так называемые Моравские ворота. Другие союзные войска должны были вступить в Польшу после высадки десанта на побережье Черного моря. Удар в северном направлении должен был отрезать Польшу от наступающих советских войск. Нас такой стратегический план вполне устраивал...»

На суде были выявлены планы командования британской восточной армии о проведении операции двойных клещей в Юго-Восточной Европе. Одни клещи должны были пройти от югославского берега через Венгрию и Чехословакию, а другие — через Болгарию и Румынию к Польше. Еще на Тегеранской конференции в ноябре 1943 г. Черчилль ожесточенно отстаивал этот проект. Эллиот Рузвельт приводит рассказ своего отца о том, как обсуждался этот военный план:

«Всякий раз, когда премьер-министр [Черчилль] настаивал на вторжении через Балканы, всем присутствовавшим было совершенно ясно, чего он на самом деле хочет. Он прежде всего хочет врезаться клином в Центральную

Европу, чтобы не пустить Красную Армию в Австрию и Румынию и даже, если возможно, в Венгрию. Это понимал Сталин, понимал я, да и все остальные...»¹

Заветной военной целью Черчилля была такая союзническая стратегия, которая изолировала бы русские армии от Центральной Европы и обеспечила бы установление в этом районе безраздельной англо-саксонской гегемонии. Как известно, предложения Черчилля не были одобрены в Тегеране. Сталин и Рузвельт оба отвергли его стратегический план, построенный на корыстных политических расчетах.

Тем не менее польское эмигрантское правительство в Лондоне и реакционные группы в Польше строили свою политику во время войны именно на черчиллевских проектах. Исходя из этих предпосылок, в Польше были организованы нелегальные военные подразделения, так называемая польская внутренняя армия (Армия Крайова) под руководством генерала Бур-Комаровского. Задачи Армии Крайовой были просты и ясны: организовать нелегальные военные подразделения под руководством старого фашистского офицерского корпуса, собирать оружие и запасы, проводить постоянную тренировку отрядов, но не начинать активных действий до той поры, пока соединения англо-саксов не перейдут польскую границу. До этого момента не должно оказываться никакого активного сопротивления немцам.

Польский майор Адам Рошинский, командовавший в 1943 г. батальоном Армии Крайовой в лесах около Влодавы (к юго-востоку от Варшавы), рассказывал после войны, как рассуждали его подчиненные после сталинградской битвы: «Теперь и у нас есть шанс отбросить немцев». 19 марта 1943 г. он отдал приказ своему батальону напасть на немецкую колонну, проходившую ночью по дороге Влодава — Брест-Литовск. 118 немцев были убиты и 37 взяты в плен.

Два дня спустя этот предприимчивый командир стоял на вытяжку перед своим начальством — полковником Черняком, который недвусмысленно растолковал ему задачи Армии Крайовой:

¹ Эллиот Рузвельт. Его глазами. Издательство иностранной литературы, М., 1947, стр. 186—187.

«Господин майор, вы совершили непростительную ошибку. Я должен потребовать, чтобы вас предали военному суду за то, что вы действовали без приказа. К счастью, потери вашего батальона незначительны. Мы не можем вести борьбу против немцев, да в этом и вовсе нет необходимости. Немцы будут изгнаны независимо от того, примем мы в этом участие или нет. Наша задача — сохранить наши силы на будущее. Не немцы, а Советы являются нашим врагом. И мы будем бороться против большевиков, а не против немцев. Какое отношение к нам, полякам, имеет Сталинград? Это высокая политика. Наши вожди знают, что делают... Надеюсь, что я достаточно ясно выразился, господин майор. Ни одного выстрела без приказа! Вы получите инструкции относительно немецких пленных. Мы обменяем их на наших пленных...»

Здесь, как на ладони, видна вся, политическая ориентация Армии Крайовой и ее стратегия в период оккупации. Во время войны Армия Крайова вместо того, чтобы вести борьбу против немцев, выполняла совершенно другие функции, связанные с планами польской реакции на послевоенный период. Помимо всего прочего, руководство Армии Крайовой организовало так называемые «разведывательные бригады». В августе 1947 г. несколько руководителей таких «бригад» предстали перед судом по обвинению в принадлежности к подрывной организации — банде ВИН. Один из таких руководителей — Штолковский — рассказал следующее о деятельности своей «бригады» во время оккупации:

«Целью разведывательных бригад была слежка за деятельностью всех левых организаций в стране и составление персональных картотек на руководителей всех левых течений, начиная от красных и кончая самыми умеренными...»

Начальник другой «разведывательной бригады», Карчмаркчик, который во время диктатуры Пилсудского был вице-губернатором в восточных районах, следующим образом дополнил своего коллегу:

«Цель создания сети «разведывательных бригад» состояла в том, чтобы облегчить борьбу лондонского правительства против левых в решающий момент, — когда лондонское правительство придет к власти в стране...»

Подробные картотеки на руководителей демократических течений внутри национально-освободительного движения в Польше во время оккупации составлялись, конечно, не потому, что эмигрантское правительство в Лондоне было намерено наградить этих бесстрашных польских борцов сопротивления за их героизм. Эмигрантское правительство использовало также «черные» списки, остававшиеся от старого полицейского режима. На основании этих данных оно рассчитывало после войны немедленно расправиться с польскими борцами за демократию.

Генералы Армии Крайовой действовали не менее энергично. Они постоянно поддерживали тесный контакт с эмигрантским правительством в Лондоне и с агентами «Интеллиджене сервис» в Восточной Европе. Многие нити протянулись в военные годы между Лондоном и штабом Армии Крайовой. Была налажена связь через Би-Би-Си. Значительное количество тайных передвижных радиостанций в Польше находилось под контролем Армии Крайовой. Кроме того, существовала прямая связь через парашютистов. Курьеры «Интеллидженс сервис» регулярно совершали маршруты из штаба английской восточной армии к югославскому дворушнику Михайловичу и к Хорти в Венгрии, а оттуда к польской границе у Карпат. Михайлович сообщает следующее о своем участии в этом деле:

«У меня бывал польский офицер из армии Андерса. Через Стамбул я был связан с Польшей... Два или три звена этой английской цепи, ведущей в Польшу, находились на нашей территории. Я принимал письма из Польши, хотя это не было моей прямой обязанностью... Через этот источник я получил длинные списки поляков...»

Центр континентальной связи «Интеллидженс сервис» со штабом Армии Крайовой, повидимому, находился в Венгрии. Во всяком случае Михайлович после войны рассказывал:

«Английская разведка проникала в Польшу главным образом через Будапешт».

В этой связи следует обратить внимание на отношение руководителей польского эмигрантского правительства и Армии Крайовой к немецким оккупантам.

Они занимали в этом вопросе такую же позицию, как Хорти в Венгрии и как главарь четников Михайлович. В целях координации действий против Советского Союза штаб польской Армии Крайовой открыто объединился с разведкой Хорти.

В 1945 г. командир одного из соединений Армии Крайовой, находившегося в районе Станислава в Галиции [близ венгерской границы] майор Герман сообщил, что Армия Крайова начиная с 1943 г. регулярно обменивалась с венгерским генеральным штабом шпионскими материалами, касающимися позиций и продвижений советских войск на восточном фронте.

Начиная с апреля 1943 г. лондонское эмигрантское правительство Сикорского всемерно укрепляло свои связи с реакционными деятелями польского «внутреннего фронта». Дело зашло так далеко, что был создан настоящий филиал эмигрантского правительства в оккупированной Польше. Руководителем этого второго «правительства» был реакционер Ян Станислав Янковский, одновременно занимавший пост вице-премьера в лондонском правительстве. Его заместителем был Адам Биен из консервативного католического крыла польской «крестьянской» партии «Стронництво людове». Членами «правительства» являлись также Ясюкович — один из руководителей католическо-фашистской партии «Стронництво народов» и адвокат Антон Пайдак из краковской организации польской социалистической партии (ППС). Только крайне правое крыло ППС — группа, именовавшая себя «Вольност, руовност, неподлеглост» [«Свобода, равенство, независимость»] — примыкало к этому сборищу реакционеров. Большинство же членов ППС отказалось от сотрудничества с этими профашистскими элементами.

Начиная с января 1944 г. вышеуказанный филиал правительства был подкреплен подпольным парламентом, именовавшимся «Рада едносци народовей» и состоявшим из целого ряда партийных вождей старой Польши. Председателем «парламента» был «социалист» из группы ВРН, бывший секретарь социалистической партии Казимир Пузак, заместителем которого являлся вожак кулаков Казимир Багинский. Все эти старые реакционеры были генералами без армий. Они обанкро-

тились еще в довоенное время, а после распада польского государства совсем потеряли авторитет среди народа.

Как «министры», так и сама «рада» по существу являлись лишь связными фашистских польских генералов из Армии Крайовой, которым они передавали директивы лондонского правительства.

Положение в оккупированной Польше, однако, не позволяло широким народным массам примириться с пассивным ожиданием вторжения англо-саксонской армии. Фашисты в штабе Армии Крайовой были озабочены только тем, чтобы обеспечить сохранение в Польше старого довоенного общественного строя, а польский народ нуждался в армии, которая уже во время оккупации могла бы активно защищать его от зверств оккупационных властей и внести эффективный вклад в дело быстрого окончания войны. Искусственное удлинение оккупации унесло бы жизнь десятков тысяч польских граждан.

Не пытались ли нацисты превратить польский рабочий класс в бесправных рабов? Разве сотни тысяч поляков не были угнаны в Германию на принудительные работы? Разве большинство народа — в том числе и крестьян — не подвергалось зверской эксплуатации? Разве не велась истребительная война против польской интеллигенции?

Созданное по окончании войны польское народное государство опубликовало следующие данные о жертвах нацистских оккупантов: немцы с 1939 по 1945 г. убили 6 миллионов 28 тысяч польских граждан; из них — приблизительно 3 миллиона евреев, 2,9 миллиона поляков и около 100 тысяч украинцев и белоруссов. В эту последнюю цифру не вошли данные об истреблении населения Западной Украины и Белоруссии.

Весьма показательно при этом, что большая часть погибших явилась жертвами немецких палачей именно в период оккупации, тогда как во время военных операций весной 1939 г. погибло не более 123 тысяч польских граждан. Это — жертвы концлагерей, газовых камер, рабского труда, депортаций, расстрелов.

Немцы в Польше занимались не только убийствами, но также грабили и разоряли страну, особенно крестьян.

Во время войны немцы вывезли из Польши 2,8 миллиона лошадей. Они реквизируют или зарезали 8,5 миллионов голов рогатого скота, 6,5 миллионов свиней и 3,2 миллиона овец. поголовье крестьянского скота резко сократилось.

Едва ли не самой тяжелой была депортаций. Систематическая охота за людьми гнала поляков в леса, где они могли сохранить свою свободу и вести партизанскую войну против палачей. В 1943 г. польский народ, несмотря на пассивную тактику Армии Крайовой, перешел к активному сопротивлению, фронт которого постепенно расширялся. В своем дневнике весной 1943 г. Геббельс часто сетует на развитие событий в Польше. В апреле и мае в Варшавском гетто велась героическая борьба с оккупантами не на жизнь, а на смерть. Все более организованно и сплоченно восставало население и в других районах. 25 апреля Геббельс записывает:

«В Варшаве положение хаотическое не только в гетто, но также и среди широких масс польского населения».

1 мая он продолжает:

«В генерал-губернаторстве [Польше] имеют место попытки восстания и акты саботажа в размерах, превосходящих всякие границы».

7 мая он вновь пишет:

«События в генерал-губернаторстве достигли такого напряжения, что генерал-губернатор Франк больше не может оставаться на своей должности. Фюрер, по всей вероятности, заменит его Грейзером. Д-р Франк сломал себе шею на последних событиях в Варшаве...»

22 мая Геббельс опять жалуется:

«В пределах генерал-губернаторства имеют место все учащающиеся убийства из-за угла, акты саботажа, бандитские нападения. Во многих случаях создается хаотическое положение. К сожалению, фюрер не предпринял предполагавшейся смены руководства...»

25 мая Геббельс рисует следующую картину польского партизанского движения:

«Цернер подал в отставку с поста губернатора в Люблине. Он навел меня, чтобы объяснить причины этого. Ему удалось выкачать невероятно большое количество продовольствия в Люблинской области. Эта

область, видимо, самая плодородная во всем генерал-губернаторстве. Внезапно ему приказали произвести перемещение населения, и это сильно повлияло на настроения масс. Вначале предполагалось эвакуировать 50 тысяч поляков. Нашей полиции удалось поймать лишь 25 тысяч человек. Остальные 25 тысяч присоединились к партизанам. Нетрудно представить себе, какие это имело последствия. Затем была намечена эвакуация дополнительных 190 тысяч поляков. Он отказался выполнить этот приказ. Теперь он будет подчинен варшавскому губернатору д-ру Фишеру. И хотя генерал-губернатор д-р Франк разделял точку зрения Цернера, он не обладал достаточными полномочиями, чтобы воспрепятствовать вмешательству полиции и СС...»

Когда несколько сот тысяч жителей насильственно перемещаются и из них 25 тысяч человек предпочитает уйти в леса к партизанам — это значит, что положение достигло предельного напряжения. Оставался единственный выход — бегство, и им воспользовались многие поляки, проявляя при этом самопожертвование и энергию. Но какую позицию занимало лондонское правительство и его Армия Крайова в то время, когда партизанская борьба постепенно превращалась в настоящее народное восстание против оккупационных властей? Люди старого режима и их английские друзья отрицательно относились к этому. В 1943 г. эмигрантское правительство объявило по радио из Лондона:

«Наша страна опустошается бандами разбойников, которые прикрываются уважаемыми именами: Костюшко, Домбровского и им подобных».

Особенно ужасало поляков в Лондоне то, что во главе активного народного сопротивления нацистам стали прогрессивные и смелые люди. В то же время Армия Крайова совершенно устранилась от борьбы против оккупационных властей.

Организующей силой народного движения сопротивления стала созданная в 1942 г. революционная Польская рабочая партия (ППР), руководителями которой были испытанные старые коммунисты, активно участвовавшие в подпольной борьбе против диктатуры. Эта партия вскоре пополнилась за счет левого крыла и частично за счет центра старой партии ППС, правое крыло кото-

рой образовывала реакционная группа ВРН. Старые вожаки кулаков окончательно потеряли влияние среди широких масс крестьянства. Они отошли от активного участия в крестьянском движении и в партизанской войне и перешли к защите своих собственных очагов. Можно сказать, что во всех старых партиях началось внутреннее брожение и раскол в связи с необходимостью выбора между движением сопротивления и Армией Крайовой. Все старые политические группировки, существовавшие со времен Пилсудского, переживали острый кризис.

Этот процесс политической дифференциации еще более активизировался благодаря той позиции, которую командование Армии Крайовой заняло в отношении партизан. Относясь совершенно безразлично к бесчинствам немецких оккупантов, генералы Армии Крайовой в то же время активно выступили против партизан, которых они считали своими злейшими врагами.

Красочно охарактеризовал Армию Крайову президент Польской народной республики Болеслав Берут, который сказал: «Она убила больше наших партизан, чем немцы». История польского движения сопротивления в этот период изобилует кровавыми эпизодами, так как подразделения Армии Крайовой нападали на партизан, убивали из-за угла наиболее активных из них, посылали оккупационным властям доносы на прогрессивных политических деятелей. Особенно жестоко Армия Крайова расправлялась с теми партизанскими отрядами, которые состояли из бежавших в польские леса русских военнопленных. Эти партизаны поголовно истреблялись или выдавались немцам.

При таких обстоятельствах участники польского движения сопротивления в конце 1943 г. предприняли ряд мероприятий, направленных к тому, чтобы объединить все антифашистские силы в общей подпольной организации и создать таким образом новый политический центр для борьбы на два фронта.

31 декабря 1943 г. в Варшаве была созвана нелегальная конференция представителей всех польских политических партий и группировок, участвовавших в народном движении сопротивления. Кроме представителей Польской рабочей партии, в конференции принимали

участие делегаты большинства Польской социалистической партии (ППС), целый ряд уполномоченных от организаций Польской крестьянской партии, а также представители буржуазной «демократической» партии. В качестве руководящего органа народного движения конференция избрала Национальный народный совет во главе с Болеславом Берутом. Командующим партизанскими войсками был назначен генерал Роля-Жимерский. Чтобы ускорить освобождение Польши, было решено немедленно послать делегацию в Советский Союз с целью наладить совместные действия с Красной Армией и обеспечить партизанские отряды военным снаряжением. Борьба польского народа против немецкой оккупации, таким образом, вступила в новую, решающую фазу.

Катынская провокация и ее германские и польские вдохновители

Среди злостных антисоветских клеветнических измышлений, пущенных в ход во время и после войны, видное место занимает извращенное изображение катынских событий, впервые сфабрикованное нацистами.

Геббельс считал свой лживый рассказ о катынских событиях удачным трюком нацистской пропаганды в дни войны. Вскоре после войны геббельсовский миф был снова вытаскен на свет англо-саксонской пропагандой. Этот миф почти дословно повторен в воспоминаниях Миколайчика и генерала Владислава Андерса и уж, конечно, он фигурирует в лживых мемуарах незадачливого Блисс-Лэйна — первого дипломатического представителя США в новой Польше, который недавно посетил Копенгаген и продолжает разезжать по Западной Европе в поисках новых «материалов» о катынских событиях. Поэтому бесполезно будет привести некоторые факты, разоблачающие этот миф.

В связи с катынским делом выступают две группы действующих лиц. С одной стороны, в антисоветской провокации принимали участие поляки в Лондоне. В марте 1943 г. несколько недель спустя после сталинградской битвы, реакционное польское эмигрантское правительство в Лондоне пустилось на провокацию,

Имевшую целью посеять раскол среди союзников. Оно предъявило Советскому Союзу совершенно непомерные требования в вопросе об установлении послевоенных границ. Правительство Сикорского заняло непримиримую позицию, заявляя, что должна быть восстановлена восточная граница, существовавшая до 1939 г. Это означало, что обширные украинские и белорусские районы, которые Польша захватила в свое время силой оружия, снова должны отойти к Польше. Практически это сводилось к тому, что Советский Союз, вынесший основное бремя войны, должен был дать свое согласие на то, чтобы несколько миллионов украинцев и белорусов оставалось под чужестранным игом. Как и следовало ожидать, это наглое польское требование привело к горячим спорам между союзниками. Советское правительство настаивало на том, что граница с Польшей должна в основном проходить по так называемой «линии Керзона», которая была принята 8 декабря 1919 г. Вильсоном, Ллойд Джорджем и Клемансо, как справедливая этнографическая граница между этими двумя государствами.

Однако лондонских эмигрантских политиканов интересовала вовсе не дипломатическая сторона этой проблемы. Они прежде всего стремились обострить отношения между Красной Армией, которая снова быстро продвигалась на Запад, и населением Польши. Польские фашисты были напуганы растущим дружелюбием к русским со стороны народных масс Польши. Польский народ справедливо видел в русских своих освободителей от нацистского ига. По мнению же реакционеров, русские должны были считаться врагами Польши.

Именно в этот момент Геббельс и его приспешники решили, что пора немецкой пропаганде подлить масла в огонь, для того чтобы спровоцировать конфликт между противниками Германии. Это был продуманный шаг.

В первые дни апреля немецкое министерство пропаганды распространило сообщение, что в Катынском лесу близ Смоленска обнаружены общие могилы, в которых зарыты трупы 12—15 тысяч польских военнослужащих и гражданских лиц, которые якобы были уничтожены русскими в 1940 г. Нацистские пропагандисты лезли из

кожи вон, чтобы очернить русских в глазах польского народа и тем самым помешать объединенной борьбе против нацизма. Это явствует даже из дневника Геббельса, который писал 9 апреля 1943 г.:

«Я позаботился о том, чтобы эти общие могилы были показаны нейтральным журналистам, находящимся в Берлине, а также продемонстрировал их польской интеллигенции. Они должны собственными глазами видеть, какая участь их постигнет, если осуществляться их мечты о победе большевизма над Германией...»

13 апреля снова повеяло духом геббельсовской пропаганды:

«Фюрер разрешил сделать драматическое сообщение в немецкой прессе. Я получил распоряжение как можно лучше использовать этот материал для пропаганды. В течение целых двух-трех недель мы будем непрерывно писать об этом...»

Это была очевидная и грубая провокация. Тем не менее заседавшие в Лондоне польские мракобесы совершенно открыто поддержали Геббельса. 16 апреля вечером военный министр эмигрантского правительства генерал Кукель сделал гнусное антисоветское клеветническое заявление, подхваченное всеми польскими фашистами. В этом заявлении Советский Союз лживо изображался как инициатор массовых убийств польских военнослужащих. Представитель эмигрантского правительства демагогически потребовал, чтобы Международный Красный Крест расследовал это дело. Геббельс немедленно принял это предложение. В последовавший за этим период вся польская эмигрантская пресса в Лондоне изливала потоки антисоветской клеветы. Польское радио из Лондона вторило этим злопахательским выпадам. Армия Крайова в свою очередь использовала свою секретную службу информации для того, чтобы отравить сознание польского населения, внушая ему страх перед СССР и пытаясь насадить враждебность к русским, чтобы противодействовать растущему народно-освободительному движению. Немецко-польская фашистская агитация слилась в одно целое.

26 апреля 1943 г. советское правительство сделало правильный вывод из создавшегося положения и отозвало своего представителя при польском лондонском

правительстве, понимая, что это правительство представляет собой профашистскую клику, которая не имеет ни малейшего желания вести совместную борьбу против нацизма. Одновременно Советский Союз прекратил предоставление эмигрантскому правительству военной помощи, которая оказывалась ему до тех пор. 9 мая Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу многочисленных польских эмигрантов в СССР о формировании польской дивизии, которая должна была бороться за освобождение Польши бок о бок с Красной Армией.

Геббельс торжествовал, видя, с какой готовностью польское эмигрантское правительство подхватило его провокацию. Гитлер также испытывал пламенный восторг. 10 мая министр пропаганды самодовольно отмечал:

«Катынское дело произвело на фюрера сильное впечатление. Это дело не касается вермахта. Вопросы психологического воздействия подлежат ведению министерства пропаганды».

Это — лишь внешняя сторона катынского дела. Важно разобраться в нем глубже и раскрыть подлинные обстоятельства этого дела.

Решающим моментом в этом отношении является, конечно, выяснение вопроса: кто в действительности убил польских военнопленных? Не подлежит сомнению, что произошло массовое уничтожение польских военнослужащих и интеллигенции. Но кто был их палачом и убийцей? Заглянем прежде всего в дневник, который вел немецкий генерал-губернатор Польши Франк, и обратимся к тому периоду, когда на западном фронте происходили тяжелые бои. В своем дневнике Франк записывает 1 мая 1940 г.:

«Мы должны воспользоваться теперь этим случаем. Наступил момент, когда я в присутствии обергруппенфюрера СС Крюгера вместе с моим коллегой Штрекенбахом начал обсуждение этой необыкновенной программы умиротворения, состоящей в том, чтобы как можно скорее ликвидировать основную массу мятежников, руководителей сопротивления и других политически неблагонадежных элементов. Я открыто говорю, что тысячи поляков должны поплатиться жизнью, и это

прежде всего коснется представителей польской интеллигенции. ...»

В том же месяце на совещании начальников немецкой полиции Франк выступил с планом массовых убийств поляков — планом так называемой операции АБ. Он разъяснил, что директивы относительно этих массовых убийств исходят от самого Гитлера, слова которого Франк передал следующим образом:

«Необходимо ликвидировать руководящую верхушку, функционирующую в настоящее время в Польше. По мере того как подрастает их потомство, его также следует разыскивать, захватывать и ликвидировать...»

Вот они — подлинники организаторы массового уничтожения!

Вот еще одна техническая, но имеющая большое значение деталь. Летом 1941 г. произошло нападение на Советский Союз. Полезно просмотреть приказы Гимmlера, изданные за это лето. Вот, например, небезызвестный циркуляр от 17 июля 1941 г. с подробными указанием, какие категории пленных следует уничтожать без суда, путем, как выражалось гестапо, «специальной обработки». В циркуляре Гимmlера говорится буквально следующее:

«По возможности пленных следует отправлять для специальной обработки на бывшие советские территории. ...»

Зачем понадобились эти убийства на таком далеком расстоянии от Германии? Может быть, нацисты боялись запугать простых немецких людей массовыми убийствами? Тогда ведь техника убийств еще не успела достичь такого чудовищного «совершенства» как повсеместное насаждение «фабрик смерти», газовых камер, крематориев. До этого нацисты додумались позднее. Сам собой напрашивается вопрос: не боялись ли нацисты, что массовые могилы в Германии будут слишком ярким свидетельством их садизма и бесчеловечности в случае, если дело обернется плохо для Германии? Поэтому целесообразнее было расправиться с жертвами на чужой территории, на Востоке. Многие тысячи европейских евреев прошли этот путь на Восток именно потому, что так удобнее было замести следы! Если бы что-нибудь и было обнаружено, то всегда можно было найти

«доброжелателей» в Западной Европе и в Америке, которые только цинично пожали бы плечами и заявили: «Ну да, массовые могилы! Жертвы большевизма!»

Было вовсе нетрудно найти массовые могилы и трупы в оккупированных районах Советского Союза во время войны. Там было достаточно и польских трупов. Гиммлер вместе со своим гестапо и СС в совершенстве постиг несложное искусство силой подавлять проблески малейшего возмущения. Именно он был виновником этих массовых убийств на территории Советского Союза.

Послушаем теперь, что сказали бы очевидцы катынского дела, если бы они были в состоянии заговорить. Нацисты имели необычайное пристрастие к писанию писем и ведению дневников. Быть может, в этом сказывалась немецкая склонность к порядку. Однако если пишешь, то нужно давать объяснение событиям и так или иначе отражать факты.

Нашим первым свидетелем является Лотар Штрейхер — немецкий солдат на восточном фронте, сын известного антисемитского демагога. В апреле 1943 г. он стоит с лопатой в Катынском лесу. 24 апреля он записывает в дневнике свои соображения по поводу происходящего:

«Катынь. Откопаны массовые могилы. Сотни трупов в зеленом обмундировании. Они напоминают сардины. Здесь допущена серьезная ошибка: нельзя было допустить, чтобы эти трупы были когда-нибудь обнаружены. А сколько таких могил может служить свидетельством против нас? Лучше совсем не думать об этом...»

Следующий свидетель — Грегор Словенчик, нацистский оберлейтенант из Австрии. Тот же злополучный апрель 1943 г. Словенчик похвывается в письме к своей тетке — австрийской писательнице Марии Чичек. Его перо так и порхает по бумаге, как перо человека, опьяненного успехом.

«Катынское дело, одним из авторов которого я являюсь, на последнем этапе доставляет мне много работы. .. Я посылаю все сообщения о Катыни. Один из моих наибольших успехов — это разрыв дипломатических отношений между Советским Союзом и лондонскими поляками. Все поздравляют меня».

Мог ли Лотар Штрейхер предполагать, что страничка из его дневника будет опубликована в официальной газете американской армии в Германии «Старс энд страйпс», и потом попадет в датскую газету «Берлинг-ске тиденде»? Мог ли обер-лейтенант Словенчик думать, что впоследствии его письмо будет фигурировать в качестве сенсационного материала в венских газетах? Думал ли он о том, что в 1946 г. будет принят на службу в американскую оккупационную армию в Австрии? Там был как раз большой спрос на людей его «специальности». Нацистские методы пропаганды были возрождены западными державами во время «холодной войны».

Еще один свидетель — очень болтливый свидетель — один из уже умерших нацистских лидеров. Он говорил, писал и снова писал. 8 мая 1943 г. министр пропаганды Геббельс очень взволнован и нервничает. Он думает о том, как бы доказать свое «алиби» и пишет в своем дневнике:

«К несчастью, в могилах в Катыни найдено немецкое снаряжение. Теперь следует произвести расследование, каким образом оно туда попало. Оно могло (?) быть продано нами Советскому Союзу в тот период, когда мы состояли с ним в дружеских отношениях. Во всяком случае, очень важно, чтобы это открытие держалось в строгой тайне. Если это дойдет до сведения врага, мы погубим все катынское дело...»

Неизвестно, посылал ли Геббельс в этот момент злобные ругательства в адрес оскандалившегося Гимmlера. Он всегда больше заботился о количестве, чем о качестве. 29 сентября 1943 г. последовал новый ужасный удар для Геббельса. Он с разочарованием пишет:

«К сожалению, мы должны отказаться от Катыни. Большевики, без сомнения, скоро докажут, что именно мы расстреляли 12 тысяч польских офицеров. Это дело в будущем доставит нам целый ряд трудностей. Большевики, конечно, поставят перед собой задачу найти как можно больше массовых могил и доказать нашу вину...»

Наконец, последний этап в развитии событий. На этот раз перед нами уже не свидетели, а обвинители. Русский генерал Покровский 14 февраля 1946 г. присутствует на суде в Нюрнберге над главными немецкими

военными преступниками. Опираясь на неоспоримые документы, он описывает события в Катыни и указывает виновных. На следующий день газета «Политикен» рассказала своим читателям:

«Генерал Покровский полностью подтвердил документами, каким образом немцы осенью 1941 г. совершили массовые убийства и, кроме того, он мог также рассказать на суде, какие немецкие подразделения принимали участие в этих убийствах. Он привел имена начальников. ... Свидетели немцев были подкуплены и выступали по принуждению. Польские трупы были выкопаны из других могил и отправлены в Катынь, чтобы окончательно замести следы».

Нюрнбергский военный трибунал не выдвинул никаких возражений против приведенных доказательств. Он постановил принять документацию Покровского как доказательство вины нацистов, наряду с тысячами других доказательств зверств и обманов, совершенных нацистами во время войны. Трибунал осудил организаторов катынских убийств.

В немецком концентрационном лагере Штуттгофе около Данцига я познакомился в 1944 г. со многими интересными подробностями катынского дела. Один поляк дал мне следующие красноречивые сведения о тех методах, которые применялись немцами при опознании польских трупов.

Одна его родственница была замужем за польским офицером, который в 1939 г. был взят в плен немцами. Из лагеря для военнопленных он был затем направлен в концентрационный лагерь и там погиб в числе тысяч других поляков. Жена этого офицера получила официальное сообщение от СС о смерти своего мужа в Германии. Но Гиммлер не ограничился этим. В апреле 1943 г. жена этого же самого польского офицера получила новое извещение о смерти мужа. На этот раз ей официально сообщалось, что неожиданно труп ее мужа в полной военной форме и все его бумаги в полной сохранности были найдены в одной из общих могил в Катынском лесу. Далее в извещении говорилось, что он был убит русскими! О действительном положении дел нетрудно догадаться по неувязке с предыдущим официальным извещением о смерти этого офицера!

Неудивительно, что документы польского офицера оказались в Катыни. Последняя война, которую вели немцы, отличалась таким обилием трупов, что трудно было вести им точный учет. Не всегда это удавалось даже такому мастеру своего дела, каким был Генрих Гиммлер. Трупы исчезали, а иногда они снова появлялись и причиняли нацистам чорт знает сколько беспокойства!

Катынская провокация составляет особо поучительную главу в истории польского движения сопротивления. Эта глава рассказывает о подтасовках и злостной клевете. Поэтому необходимо знать правду о катынских событиях, в особенности теперь, когда призрак маленького, вертлявого Геббельса снова назойливо разгуливает на Западе.

Так выглядело на деле варшавское восстание

Официальная западная версия о варшавском восстании, которое началось 1 августа 1944 г. и которое стоило жизни четверти миллиона населения польской столицы, представляет собой одну из наиболее злостных антисоветских выдумок периода второй мировой войны.

Эта выдумка была широко использована в послевоенные годы антикоммунистической прессой на всем Западе. Она искажает историю героической борьбы жителей польской столицы против нацистских оккупантов.

Содержание этой выдумки, как она обычно преподносится, в общих чертах сводится к следующему. Армия Крайова восстала в Варшаве, когда победоносные колонны Красной Армии приближались к городу. Армия Крайова под командованием генерала Бур-Комаровского подавила немецкое сопротивление в столице Польши, сделав красивый жест в сторону союзников. Она удерживала город в течение почти двух месяцев. Но, в конце концов, она должна была отступить под натиском превосходящих сил немцев, и Варшава была превращена в руины. Ее поражение пытаются объяснить мнимой пассивностью Красной Армии. Военные соединения маршала Рокоссовского на центральном фронте обвиняются в том, что они якобы преднамеренно заняли выжидательную позицию, в то время как изоли-

рованное восстание в Варшаве было подавлено. Западные пропагандисты пытаются даже утверждать, что русские якобы желали уничтожения Армии Крайовой.

Эта злобная антисоветская клевета не имеет ничего общего с действительностью. Она представляет собой грубую фальсификацию истории. Пропагандистские трюки англосаксов разбиваются в прах при первом же сопоставлении с фактами.

Дело в том, что ни польское эмигрантское правительство в Лондоне, ни штаб Армии Крайовой никоим образом не были намерены сотрудничать с продвигающимися вперед русскими войсками. Меньше всего они были намерены сообщать главному командованию Красной Армии о подготовке к восстанию. На это были свои определенные причины. Взоры польских фашистов в это время были направлены совсем в другую сторону. На деле восстание в Варшаве было прямым отголоском немецкого заговора 20 июля 1944 г. Польская реакция действовала в расчете на успех немецкой «верхушечной оппозиции».

Лишь несколько спустя после окончания войны в англо-саксонской печати начали просачиваться первые сообщения о тайных немецко-польских связях во время войны. Довольно странно, что в Дании эти важные сообщения, правда в весьма неполном виде, появились в социал-демократической печати. 14 сентября 1949 г. газета «Демократен», выходящая в Орхусе, перепечатала статью из столичной газеты, в которой говорилось о связях между лондонскими поляками и небезызвестным руководителем немецкой разведки адмиралом Канарисом.

«Постоянная вражда между немцами и поляками накануне, во время и после войны достаточно известна, и поэтому кажется парадоксальным, что в течение многих лет могла существовать тайная «ось Берлин — Варшава». Тем не менее этому находится все больше подтверждений. Между немецкой военной разведкой, руководимой адмиралом Канарисом, и польскими офицерами из генерального штаба еще с 1933 г. существовала тайная связь, о которой ни Гитлеру, ни Гиммлеру ничего не было известно. Связь эта, видимо, относится к тому времени, когда Польша управлялась маршалом Пилсуд-

ским, который был противником СССР и которого огорчал конфликт между Германией и Польшей...

Впервые связь между Канарисом и польским генеральным штабом была установлена помощником тогдашнего военного польского атташе в Берлине капитаном Соснковским. Когда об этом узнали нацисты, было казнено несколько немецких офицеров как предателей родины. Военный атташе и его помощник были осуждены на пятнадцать лет каторжных работ, но позднее были обменены на немецкого агента, который был осужден в Польше. Контакт с Канарисом позволил польскому правительству в Лондоне во время войны направить польского офицера в Польшу, где он наладил связь с нелегальными группами. Он был снабжен документами южноамериканского дипломата...»

Существование многолетнего контакта между немецкой и польской службой разведки подтверждается и другими источниками. Канарис пользовался не только нелегальными связями. В самом начале такое сотрудничество осуществлялось в официальных рамках. Это относится к тридцатым годам, когда и немцы и поляки Пилсудского совместно занимались планами раздела Советского Союза с помощью троцкистского заговора. С 1934 г. существовала официальная немецко-польская договоренность о борьбе против коммунизма, и Германия, Польша и Япония в эти годы совместно занимались шпионажем в СССР. Отсюда берут свое начало и польские связи Вильгельма Канариса, которые он не растерял и в годы войны, когда он принадлежал к «верхушечной оппозиции».

Далее газета «Демократен» приводит еще более важные разоблачения немецко-польских интриг, раскрывающие подоплеку варшавского восстания:

«Адмирал Канарис, этот неутомимый организатор немецкой службы разведки, в период, когда Германия в конце войны оказалась в весьма трудном положении, воспользовался своими тайными связями с польскими офицерами. Он сделал это на собственный страх и риск, так что никто в Германии и не подозревал об этом. Он предлагал в начале 1944 г. поддержать подготавливаемую польским эмигрантским правительством инсценировку варшавского восстания. Он дал своим польским аген-

там понять, что он путем доставки оружия и оттягивания немецких войск из различных районов Варшавы, поддержит восстание при условии, что поляки за это пообещают ему не сдавать польскую столицу русским войскам. Таким образом Канарис думал оказать содействие созданию самостоятельной Польши, которая могла бы служить буферным государством между Советским Союзом и побежденной гитлеровской Германией. Эта последняя должна была, по планам Канариса, окончательно рухнуть 20 июля, в результате покушения на Гитлера, и после этого должен был быть заключен мир со всеми противниками...

Канарис вскоре был арестован и казнен за свое участие в заговоре. Его план не ограничивался тем, чтобы помочь проведению варшавского восстания. Он хотел использовать новое польское государство в своей политической игре. Его намерение, повидимому, состояло в том, чтобы доказать западным союзникам, что первоначальной причиной войны послужила Польша. Этой стране должен был быть возвращен ее суверенитет, который она потеряла в результате немецкого нападения. Аргумент, таким образом, был достаточно веский. Государственный строй Польши сегодня мог бы быть иным, если бы Гитлер и его система потерпели крушение в результате покушения в июльский день 1944 г., и война была бы прекращена приблизительно на десять месяцев раньше. . .»

Таким образом, мы здесь выяснили целый ряд действительных фактов, касающихся восстания в Варшаве. Возможно, что Канарису приписывается слишком большая роль в этих немецко-польских планах. Он был смещен со своего поста в феврале 1944 г. Поэтому вернее всего будет предположить, что переговоры с Армией Крайовой и лондонским правительством продолжал вести его преемник в абвере полковник Георг Хансен, который также играл видную роль в «верхушечной оппозиции».

Это тем более вероятно, поскольку известно, что Хансен через своего подчиненного Ганса Гизевиуса находился в 1944 г. в непосредственной и регулярной связи со своим американским «коллегой» Алленом Даллесом в Берне. О позиции последнего в отношении переворота

20 июля и о его новых директивах, данных в последний момент, уже подробно говорилось раньше. Не может быть также никакого сомнения в том, что предприимчивый начальник ОСС был одним из главных вдохновителей немецко-польского сотрудничества по подготовке варшавского восстания. Политическая цель всего этого заключалась в том, чтобы поставить у власти в Польше приспешников Армии Крайовой и таким образом затруднить дальнейшее продвижение Красной Армии в Центральную Европу и Германию. Уместно напомнить, что Даллес одновременно договорился с участниками заговора 20 июля о том, что они откроют фронт на западе для оккупации всей Германии западными союзниками. Этот момент явился главной темой переговоров Аллена Даллеса с князем Гогенлоэ.

Для Черчилля и его окружения подготовка к варшавскому восстанию представляла собой новый вариант военных планов, выдвигавшихся им в Тегеране год назад. Поскольку не удалось направить англо-саксонские армии в Польшу и Юго-Восточную Европу, то пусть по крайней мере Армия Крайова попытается создать барьер против продвигающихся советских войск. Варшавская авантюра не была делом рук одной польской реакции. Она была одним из звеньев в антисоциалистическом заговоре западных держав. Предпринятое Бур-Комаровским 1 августа 1944 г. выступление явилось красноречивым доказательством того, что тайная связь с «верхушечной оппозицией» принесла свои результаты, несмотря на полную неудачу заговора 20 июля. Контакт с немцами облегчал снабжение оружием Армии Крайовой и способствовал желательному размещению немецких войск в Варшаве к началу восстания. Не удивительно поэтому, что большая часть Варшавы уже с самого начала восстания попала в руки Армии Крайовой. Этому способствовал один из деятелей «верхушечной оппозиции» генерал фон Тресков, который до событий 20 июля занимал пост начальника штаба центральной группы немецких войск на восточном фронте. Прорыв русских восточнее Варшавы облегчил Трескову желаемую перегруппировку войск. Ему удалось существенно помочь инсценировке восстания в польской столице.

Вышеизложенное отображает закулисную подоплеку варшавского восстания, о которой до сих пор молчат западные политиканы. Они голословно пытаются свалить на русских ответственность за разрушение польской столицы. На самом деле Варшава стала жертвой антисоветской авантюристической политики западных держав; в варшавских руинах погребена политическая стратегия Черчилля, которая была направлена на установление англо-саксонской гегемонии в Восточной Европе.

24 мая 1944 г. премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль сделал в палате общин развернутое сообщение по поводу польских событий. Это сообщение английского премьера находится в откровенном противоречии с действительным положением вещей. В своей речи Черчилль демагогически заявил:

«Ничто не может превзойти храбрость, которую наши польские союзники проявили в Италии и других местах, как на море, так и в воздухе. Они героически сопротивляются немцам. В Лондоне я встречался с людьми, которые всего несколько дней тому назад прибыли из Польши и рассказали мне об этом. Они поддерживают связь с теперешним польским правительством в Лондоне, в распоряжении которого они находятся. Польское правительство заинтересовано в том, чтобы подпольное движение не имело столкновений с русскими войсками, а, наоборот, старалось бы помочь им, и поэтому оно издало приказ, согласно которому подпольное движение должно поддерживать русские войска. Партизанская война может привести к большим успехам...»

Из этого явствует, что Черчилль вел переговоры с представителями Армии Крайовой, и темой этих переговоров, совершенно очевидно, была тактика Армии Крайовой в те дни, когда ежеминутно можно было ждать, что Красная Армия вступит на польскую территорию. При желании Черчилль мог бы сообщить, что польское эмигрантское правительство уже разработало совершенно определенные директивы на случай, если это произойдет.

Приблизительно через двадцать четыре часа после того, как Черчилль сделал это заявление, один из польских высших офицерских чинов спустился на парашюте с британского самолета в польские леса. Это был

бригадный генерал Леопольд Окулицкий из польской эмигрантской армии. Он был послан из Лондона с важным поручением. Он привез с собой последние директивы польского главного командования и польского эмигрантского правительства, касающиеся задач Армии Крайовой на тот случай, если русские войска вступят в Польшу. Но эти инструкции выглядели несколько иначе, нежели можно было предполагать, основываясь на заявлении Черчилля в палате общин.

Окулицкий позднее рассказал, что новые директивы были переданы ему начальником штаба эмигрантской армии генералом Соснковским. Эти директивы гласили, что в случае вступления русских войск в Польшу следовало сохранить кадры Армии Крайовой. Они должны были быть разбиты на мелкие подразделения и нелегально действовать под руководством главной ставки. Окулицкий рассказывает далее:

«Соснковский сказал, что эта главная ставка должна руководить борьбой против русской армии. Соснковский просил, чтобы эти инструкции были переданы командующему Армией Крайовой в Польше — генералу Бур-Ко-маровскому, что мной и было выполнено при первой же встрече с ним. ..»

В течение последующих недель была проведена ко-ренная реорганизация всей Армии Крайовой. Войска были разукрупнены и состояли из небольших групп по 60—65 человек. Устраивались новые склады оружия во всех частях Польши, и были организованы специальные местные центры для проведения актов саботажа и диверсий. Кроме того, из «надежных» людей формировались специальные террористические «карательные команды», которые должны были быстро ликвидировать всех неугодных им лиц и подготовить покушения на советских должностных лиц и командиров Красной Армии. Подпольная радиосвязь была децентрализована таким образом, что отдельные командиры Армии Крайовой могли осуществлять непосредственную связь с эмигрантским лондонским правительством.

Вся реорганизация была закончена к июню. Был создан новый нелегальный штаб под руководством генерала Окулицкого, и местные командиры Армии Крайовой получили точные инструкции о действиях в новых

условиях. Все было готово к проведению варшавского восстания в сотрудничестве с немецкой военной оппозицией.

Вот в каких условиях Красная Армия 22 июня 1944 г. начала свое большое наступление на центральном фронте, в результате которого немцам было нанесено сокрушительное поражение. Большие группы немецких войск попадали в мешки и уничтожались, и фронт быстро продвигался к границам Польши.

Столица Западной Украины — Львов была освобождена одновременно со Станиславом 26 июля, а за два дня до этого русскими был занят первый крупный польский город Люблин. 27 июля был освобожден Белосток, расположенный несколько севернее, и в конце месяца фронт придвинулся к Висле.

Польские отряды народных партизан под командованием Роля-Жимерского немедленно вступили в действие. 22 июля Национальный совет Польши, состоявший из представителей демократических партий, объявил в городе Холм о восстановлении независимой Польской республики. Был сформирован Польский комитет национального освобождения, который позднее установил свое местопребывание в Люблине. Польские дивизии генерала Сигизмунда Берлинга, которые входили в состав Красной Армии, поступали в распоряжение штаба Роля-Жимерского; этот штаб стал центром народной армии, созданной из польских партизан.

В этой обстановке эмигрантское правительство в Лондоне и командование Армии Крайовой вынесли решение о том, что Армия Крайова, несмотря на провал «верхушечной оппозиции» в Германии, должна «самостоятельно» выступить в Варшаве 1 августа.

Чрезвычайно характерно, что генерал Бур-Комаровский и его советчики выбрали именно этот момент, когда каждому было ясно, что первая фаза наступления Красной Армии приближается к концу. В течение шести недель Красная Армия непрерывно продвигалась вперед и преодолела за это время расстояние в 500—600 километров — от Смоленска до Вислы. Было совершенно ясно, что в этом наступлении должен был быть сделан перерыв, для того, чтобы Красная Армия могла укрепить свои линии коммуникаций, проходившие по опусто-

шенным немцами районам, и произвести перегруппировку для дальнейшего наступления. Первая цель уже была достигнута. Красная Армия дошла до Вислы и создала там свои предмостные укрепления для дальнейшего продвижения вперед.

Нужно сказать, что линия Вислы считалась наиболее укрепленной позицией немцев на всем восточном фронте. Подступы к Варшаве были сильно укреплены и защищались свежими немецкими войсками. Чтобы убедить Варшаву от разрушения, советское командование отказалось от лобовой атаки на столицу Польши и решило вытеснить обороняющиеся немецкие силы путем целого ряда обходных операций — охвата клещами немецких войск севернее и южнее города. Однако в северном направлении правый фланг русской армии в Восточной Пруссии еще не продвинулся достаточно далеко. Кроме того, как было ясно каждому военному специалисту, генеральное наступление на линию Вислы могло быть предпринято только свежими, отдохнувшими войсками. Поэтому на варшавском фронте наступило временное затишье.

Именно на это затишье и рассчитывал командующий польской Армией Крайовой Бур-Комаровский, когда он отдал приказ подразделениям своей армии начать вооруженное восстание в польской столице в 17 часов 1 августа 1944 г. По его плану Армия Крайова не должна была действовать совместно с Красной Армией, а, наоборот, ее задачей было затруднить дальнейшее продвижение русской армии в Польшу.

Если кто-либо сомневался в профашистской позиции штаба польской Армии Крайовой, то эти сомнения совершенно рассеялись после ознакомления с приказом Бур-Комаровского, который был издан накануне восстания — 30 июля 1944 г. Враждебное отношение Бур-Комаровского к русским нашло в этом приказе предельно ясное выражение. В приказе говорилось:

«Советский Союз стремится самостоятельно решить все польские проблемы, и это находится в полном согласии с политическими установками Советского Союза».

Дальше делался намек на русскую помощь партизанам и люблинскому правительству:

«С одной стороны, советские войска являются могучим союзником против немцев, но с другой стороны, они опасны, поскольку они могут сломить нашу принципиальную и независимую позицию...»

В своем приказе генерал Бур-Комаровский прямо предостерегал свои войска от «необдуманного» контакта с советским командованием. Этот контакт мог быть установлен только в особом случае — «в случае крайней тактической необходимости». Командирам Армии Крайовой далее напоминалось, что в своих отношениях с русскими они обязаны строго следовать директивам эмигрантского правительства в Лондоне «и что они не могут брать на себя каких бы то ни было долгосрочных обязательств». Руководители Армии Крайовой не желали пойти даже на договоренность о простом военном сотрудничестве с русскими. В приказе содержалось прямое запрещение вести какие-либо политические переговоры с русскими, «так как разногласия во взглядах и целях между поляками и русскими настолько велики, что всякие переговоры были бы бесцельны».

Никто не может утверждать, что Армия Крайова стремилась к сотрудничеству с русскими. С самого начала генерал Бур-Комаровский и его приспешники считали своей главной политической задачей дискредитацию советского правительства и командования Красной Армии в глазах польского населения и еще больше в глазах общественности Западной Европы. Несмотря на то, что само эмигрантское правительство и командование Армии Крайовой не пожелали уведомить русское командование о подготовке варшавского восстания, и несмотря на то, что не было заключено никаких предварительных соглашений о координировании действий Армии Крайовой с наступательными операциями Красной Армии, реакционное польское радио лицемерно жаловалось на то, что Армия Крайова в Варшаве не получает сколько-нибудь значительной помощи от русских.

Польские фашистские генералы, подготовлявшие авантюру в Варшаве, стремились одновременно оклеветать Советский Союз. Их преступная политика стоила населению польской столицы огромных и совершенно ненужных жертв. О действительном положении вещей они предпочитали умалчивать. Умалчивали, например,

о том, что провалились их расчеты на «верхушечную оппозицию», вследствие чего не удалось осуществить первоначальные планы совместных польско-немецких действий, направленных на то, чтобы остановить дальнейшее продвижение Красной Армии.

Суть дела состояла именно в том, что руководители Армии Крайовой и польской реакции вовсе не были расположены принимать русскую помощь. Более того, они делали все возможное, чтобы ставить всяческие препятствия на пути оказания этой помощи. Это ясно обнаружилось во время восстания и особенно в сентябре, когда русская армия сделала попытку облегчить положение населения Варшавы.

Если бы Бур-Комаровский и его штаб были намерены вступить в контакт с приближавшейся Красной Армией, они должны были бы поставить перед собой в Варшаве только одну стратегическую цель: овладеть восточной частью города и любой ценой удерживать берега Вислы и мосты через реку, чтобы соединиться с русскими в восточном предместье Варшавы — Праге. Но Армия Крайова поступила иначе. Ее подразделения закрепились в старом городе, а когда началось немецкое контрнаступление, отступили в западные районы столицы. Руководство Армии Крайовой отнюдь не стремилось пробиться к русским позициям.

Неопровержимые доказательства того, что Армия Крайова пыталась помешать освобождению Варшавы, были получены в сентябре, во время последней фазы варшавского восстания. Здесь польская реакция выложила карты на стол.

11 сентября части Красной Армии совместно с дивизией Берлинга нанесли сильный удар на центральном участке фронта непосредственно под Варшавой. События развивались успешно. 14 сентября первые советские подразделения уже заняли предместье Варшавы — Прагу. От польской столицы их отделяла только Висла. Появилась возможность спасти население Варшавы от кровопролития. Все зависело от того, удастся ли своевременно подвезти с Востока достаточное количество снаряжения передовым частям по длинным и сильно поврежденным путям сообщения. Но тут события приняли неожиданный оборот.

17 сентября Армия Крайова предприняла новые операции. Несмотря на отчаянное положение в Варшаве, они были направлены не против немецких войск. Вместо этого нелегальные подразделения Армии Крайовой начали производить систематические нападения на линии связи Красной Армии. Это было именно в тот момент, когда операции по освобождению Варшавы находились в полном разгаре. Польская реакция действовала в соответствии с директивами, привезенными в мае из Лондона генералом Окулицким.

Чтобы уяснить себе события последующих недель, необходимо твердо помнить о профашистских настроениях руководства Армии Крайовой и эмигрантского правительства. Дальнейшее развитие событий в Польше полностью сорвало маску с этих людей.

6 сентября 1944 г. Польский комитет национального освобождения в Люблине, стремясь активизировать освободительную борьбу польского народа, предпринял одно из наиболее прогрессивных мероприятий в польской истории XX столетия. В этот день в Люблине был издан декрет о проведении широкой аграрной реформы в освобожденных районах Польши. Эта реформа положила конец господству в стране 6 тысяч семей польских магнатов и 19 тысяч крупных польских помещиков. Это привилегированное меньшинство распоряжалось ранее почти 45 процентами польских земель и держало в своих руках наиболее плодородные сельскохозяйственные районы страны.

Крупным помещикам, носившим мундир польских генералов, эта демократическая реформа пришлась, конечно, не по вкусу. Они желали сохранить свои феодальные поместья во что бы то ни стало. Польские помещики отчаянно цеплялись за феодальный общественный строй в деревне. Аграрная реформа люблинского правительства была воспринята ими как смертельный удар тем социальным группам, которые составляли опору Армии Крайовой и эмигрантского правительства в Лондоне. По мнению польских реакционеров, всему виной была Красная Армия.

Именно в свете всего этого следует рассматривать предательские действия Армии Крайовой, предпринятые ею 17 сентября 1944 г. Реакционные силы готовились к нанесению удара по интересам народных масс Польши.

Стремясь вбить клин между польским народом и его великим русским союзником, они решили прибегнуть к националистическим трюкам. Первоочередной задачей реакции был подрыв авторитета люблинского правительства, отдавшего землю польским крестьянам. Армия Крайова стала проявлять особую активность в Западной Украине и в Западной Белоруссии. Борьбу за привилегии польских помещиков решено было проводить под маской защиты старых, несправедливых восточных границ Польши.

Штаб Армии Крайовой в бывших польских восточных областях приступил к предварительной подготовке. Начальник штаба Армии Крайовой в столице Западной Украины Львове генерал Феликс Янсон позднее сообщил, что он уже в июле 1944 г. присутствовал на совещании в Варшаве, созванном в связи с организационной перестройкой Армии Крайовой, и тогда же он получил инструкции от генерала Бур-Комаровского и Окулицкого. Об инструкциях в отношении Западной Украины Янсон сообщил:

«Наши задачи сводились к следующему: оставить наши отряды в тылу, сохраняя кадры и проводя боевую подготовку; они должны быть готовы, в случае необходимости организовать восстание против Советского Союза... Об этом были даны прямые директивы — создавать боевые группы и диверсионные команды для проведения террористических актов против противников Армии Крайовой и против представителей советского командования... Надо отметить, что я в Варшаве получил специальное указание о том, что террористические действия против офицеров и солдат Красной Армии и против советских властей должны были выполняться с особой осторожностью и ответственность за эти убийства следовало сваливать на украинских националистов...»

Еще до варшавского восстания была начата подготовка к этому в Западной Белоруссии и в столице Литвы Вильнюсе. В Вильнюсе было организовано специальное представительство эмигрантского правительства, возглавлявшееся Федоровичем. В Белоруссии обосновались различные штабы Армии Крайовой, а в местечке Дитрики один из офицеров Армии Крайовой, Любиковский, организовал специальную школу саботажа и диверсий, в которой обучалось 200 человек.

Проведение диверсионных актов генералы Бур-Комаровский и Окулицкий назначили на 17 сентября 1944 г. — день пятой годовщины воссоединения Западной Украины и Западной Белоруссии с Советским Союзом. Таким образом они предъявили свои притязания на эти области. В это же время Красная Армия предприняла попытку спасения Варшавы. Однако руководители Армии Крайовой предпочитали пожертвовать жизнью трудящихся масс населения столицы и ни в коем случае не желали отказаться от владений польских помещиков в восточных областях. Борьба за классовые привилегии польских феодалов превратилась в прямое предательство польского народа.

Имеется целый ряд подробнейших рапортов местных командиров Армии Крайовой, которые 17 сентября проводили эти операции. Один из командиров Армии Крайовой в Белоруссии, полковник Любиковский, докладывал о своей подрывной деятельности:

«3 сентября 1944 г. я отдал приказ командирам подразделений Рагнеру, Крыц и Оркану и проинструктировал их насчет проведения диверсий в ночь с 17 на 18 сентября в знак протеста против вступления Красной Армии на польскую территорию... Я получил письменный рапорт об исполнении моего приказа от Рагнера, который информировал меня, что он провел двенадцать актов саботажа: организовал два крушения поездов, взорвал два моста и повредил железнодорожный путь в 8 местах. ...»

Командир подразделений Армии Крайовой, находившихся в другом районе Белоруссии, — офицер под кличкой «Труд» — 9 сентября отдал приказ, аналогичный приказу Любиковского. О характере актов саботажа, намечавшихся на 17 сентября, он говорит следующее:

«Это должны были быть обычные операции: организация крушений поездов, подрыв грузовиков, порча железнодорожных путей, поджоги мостов и разрушения складов. Все это должно было выполняться в секретном порядке...»

Два человека из подразделения Армии Крайовой, называвшегося «Сибиряк», приводят подробности о своих диверсиях в тылу у русских. Один из них по имени Календо рассказывает, что в ночь с 17 на 18 сентября он

вместе с другими людьми из этого подразделения, действуя по приказу командира подразделения Ягельского, взорвал железнодорожную линию между станциями Неман и Новая Ельня.

Луказиевич, также принадлежавший к группе «Сибиряк», дополняет:

«Я входил в состав подразделения «Сибиряк» и дважды принимал участие в подрыве товарных поездов на железнодорожном участке между Вильно и Лидой».

Вот несколько штрихов, характеризующих подрывную деятельность Армии Крайовой в Белоруссии. Все эти диверсионные акты проводились с целью парализовать подвоз снаряжения для частей Красной Армии, которые в этот период пробивались вперед, стремясь спасти от истребления жителей Варшавы. Немецкие отряды СС, зверски уничтожавшие население польской столицы, получали исключительно ценную помощь от Армии Крайовой, находившейся под командованием генерала Бур-Копмаровского! Эта предательская тактика красноречиво характеризует организаторов варшавского восстания. Все эти факты, естественно, тщательно замалчиваются западной пропагандой.

В Западной Украине части Армии Крайовой, находившиеся под командованием полковника Янсона, предприняли целый ряд аналогичных актов саботажа, чтобы помешать действиям Красной Армии против фашистских войск. К «подвигам» Армии Крайовой, между прочим, относится взрыв моста на главной железнодорожной линии между Львовом и Тарновом и попытка уничтожить мосты через Днестр.

Параллельно с этими актами саботажа Армия Крайова начала одновременно широкую кампанию убийств из-за угла солдат и офицеров Красной Армии и ведущих работников вновь избранных органов власти. Только за период с июля 1944 г. по 25 мая 1945 г. в тылу Красной Армии жертвами фашистских банд из Армии Крайовой пали 95 офицеров, 134 человека младшего командного состава и 364 солдата. Кроме того, было ранено 219 советских военнослужащих. Террор в отношении гражданского населения проводился в аналогичных масштабах.

Трагический конец варшавского восстания представляет собой особую главу. Помешав Красной Армии освободить столицу Польши, генерал Бур-Комаровский в конце сентября начал, через посредство графини Тарновской, переговоры с начальником немецкого карательного корпуса в Варшаве, разрушителем польской столицы генералом фон дем Бахом. Переговоры касались капитуляции Армии Крайовой. Об этом рассказывает генерал Окулицкий:

«В конце сентября 1944 г. главнокомандующий Армии Крайовой генерал Бур-Комаровский вел переговоры о капитуляции Варшавы с командующим немецкими войсками в Варшаве обергруппенфюрером СС фон дем Бахом. Бур-Комаровский назначил помощника начальника второго — разведывательного — отдела главной ставки полковника Богусловского представителем главного командования Армии Крайовой на переговорах.

Когда Богусловский в моем присутствии докладывал об условиях капитуляции, выдвинутых немцами, он сказал, что фон дем Бах считает, что для поляков было бы целесообразно прекратить вооруженную борьбу против немцев, ибо главным врагом Польши и Германии является Советский Союз. Когда я встретил Бур-Комаровского за день до капитуляции, я сказал ему, что фон дем Бах, возможно, прав. Бур-Комаровский присоединился к моему мнению...»

Когда началось варшавское восстание, части польской Народной армии в столице под командованием полковника Станявского присоединились к борьбе против немцев. Однако при капитуляции Бур-Комаровского они были предательски брошены на произвол судьбы. В условиях капитуляции Бур-Комаровский оговорил, что военнопленными будут считаться только солдаты Армии Крайовой. Солдаты Народной армии и гражданские лица, принимавшие участие в боях, были принесены в жертву нацистским палачам. Генерал Бур-Комаровский зашел так далеко в своем предательстве, что согласился на требование немцев о том, чтобы два подразделения Армии Крайовой участвовали в подавлении восстания и истреблении тех, кто будет продолжать сопротивление до последней минуты или сделает попытку пробиться к Красной Армии.

Подразделения Народной армии находились в полном неведении относительно капитуляции частей Бур-Комаровского и вследствие этого предательства понесли огромные потери. Все же командиру частей Народной армии полковнику Станявскому с небольшой группой удалось пробиться к позициям Красной Армии в предместье Варшавы — Праге.

Деятельность Армии Крайовой не прекратилась после этого позорного предательства генералом Бур-Комаровским борющегося польского народа. Генерал Леопольд Окулицкий, после капитуляции скрывшийся в подполье, с 1 октября 1944 г. приступил к исполнению обязанностей главнокомандующего Армии Крайовой. Он направил все свои усилия на подготовку к борьбе против Советского Союза. Эта деятельность была развернута реорганизованной подпольной организацией «Неподлеглоść» («Независимость»), которая была создана из остатков Армии Крайовой. Против Советского Союза в это время велась двойная игра. С одной стороны, англо-саксы и реакционное польское эмигрантское правительство вели переговоры с Москвой и люблинским правительством, а с другой стороны, то же самое эмигрантское правительство и командование польской эмигрантской армии давали совершенно ясные директивы Армии Крайовой оказывать Красной Армии вооруженное сопротивление. Таким путем они оказали значительную помощь немцам.

Вплоть до генерального наступления Красной Армии в январе 1945 г., главным занятием Армии Крайовой были саботаж, террор и шпионаж. В течение долгого времени Армия Крайова была одним из важнейших рычагов анти-советской разведывательной деятельности англо-саксов. После варшавского восстания эмигрантское правительство дало Армии Крайовой совершенно ясные директивы о продолжении шпионской деятельности. 11 ноября 1944 г. эмигрантское правительство послало Окулицкому и местным командирам Армии Крайовой следующие инструкции:

«После ликвидации варшавского центра разведка прекратила посылку ежемесячных телеграфных донесений. Поскольку знание военных планов СССР и данные об его вооруженных силах совершенно необходимы для того,

чтобы предусмотреть дальнейшее развитие событий в Польше, вам надлежит заполнить эту брешь посылкой разведывательных донесений в соответствии с инструкциями разведывательного отдела главной ставки».

Требовались подробные сведения обо всех перемещениях русских войск, о доставке снаряжения, об укреплениях, о вооружении Красной Армии, о расположении аэродромов и посадочных площадок, о работе оборонной промышленности и о положении на немецко-русском фронте. После этой инструкции шпионские донесения стали ежедневно посылаться в Лондон через радиостанции Армии Крайовой.

Зимой 1944/45 г. ждали нового наступления русских в Польше. Поэтому польское эмигрантское правительство 8 декабря 1944 г. направило генералу Окулицкому подробные инструкции относительно позиции Армии Крайовой в случае удачного русского наступления, которое освободило бы Польшу от немцев. Решение эмигрантского правительства по этому поводу было вынесено еще 14 октября 1944 г. Вот что Окулицкий рассказывает о содержании полученных им директив:

«Приказ генерала Копанского о сохранении в Польше тайного штаба Армии Крайовой был издан с целью сохранить командный состав Армии Крайовой, а также деньги, вооружение и снаряжение для вооруженной борьбы против временного правительства и Красной Армии...»

Окулицкий уточняет свою дальнейшую позицию по отношению к русским следующим образом:

«В своих директивах местным командирам Армии Крайовой я подчеркивал, что Красная Армия является оккупационной армией, которая пришла на смену немцам. Польское подпольное правительство проводило аналогичную нелегальную работу, направленную против Красной Армии...»

В заключение директивы эмигрантского правительства говорилось:

«Лица, которые проговорятся об этом решении, будут строго наказаны». В декабре на тайном совещании с представителями эмигрантского правительства Окулицкий обсуждал эти лондонские директивы, в результате чего были намечены практические пути для проведения

в жизнь этого решения. Руководители Армии Крайовой и эмигрантское правительство таким образом считали себя в состоянии войны с Советским Союзом и решили воевать с Красной Армией — освободительницей Польши от нацистов.

В декабре 1944 г. войска западных союзников, как известно, потерпели довольно серьезное поражение на западном фронте. Немецкая армия неожиданно отбросила англо-саксов на арденнском фронте. 6 января 1945 г. Черчилль обратился к Сталину со следующей просьбой о помощи:

«На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях.. . Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января, и любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным».

По сравнению с первым периодом войны картина резко изменилась. Теперь уже англо-саксы с нетерпением ждали «второго фронта». Наступление англо-саксов на западном фронте приостановилось — они опасались нового немецкого удара через Бельгию по побережью Ла-Манша. Но Западу пришлось ждать только один-единственный день. Уже 7 января Сталин ответил, что на центральном фронте идет подготовка к большому наступлению во второй половине января 1945 г. Благодаря этому отпадала необходимость в отступлении западных союзников.

Русское наступление было назначено на 20 января, но вследствие критического положения на западном

фронте, оно было начато раньше. 12 января 1945 г. Красная Армия прорвала фронт. Польша была освобождена в течение нескольких недель. Русские достигли Одера — исходной позиции для наступления на Берлин.

19 января 1945 г. — два дня спустя после освобождения Варшавы и в день вступления Красной Армии в бывшую столицу Польши — Краков — командующий Армии Крайовой предпринял новые предательские действия против советских войск. В этот день генерал Окулицкий с санкции эмигрантского правительства послал следующую директиву всем местным командирам Армии Крайовой о позиции Армии Крайовой во время будущих военных операций:

«Обстоятельства и ситуация таковы, что дальнейшие обычные выступления Армии Крайовой должны рассматриваться как излишние. В настоящий момент наши отряды должны быть рассеяны». Далее говорилось следующее:

«1. Все тяжелое вооружение должно быть передано на склад «Б-14».

2. Все старое и негодное к употреблению оружие должно быть передано командованию Красной Армии. Это должно быть проведено таким образом, чтобы заставить представителей Красной Армии поверить, что наши отряды вышли из подполья.

3. До каждого солдата и офицера должна быть доведена инструкция о том, что:

а) он не имеет права присоединяться к войскам люблинского правительства, так как это — самозванное правительство; единственно законным правительством Польши является польское правительство в Лондоне, которое уже принесло присягу и которое признано во всем мире;

б) каждый, кто будет призываться на службу в армию люблинского правительства, должен немедленно скрыться в леса, а в том случае, если его все же завербуют, он должен дезертировать и явиться к местному командиру Армии Крайовой;

в) согласно приказу командования Армии Крайовой, призывающийся должен немедленно сообщить об этом по указанному ему адресу. Отказ выполнить это влечет за собой военный суд и казнь за измену;

г) под угрозой предания военному суду всем солдатам и офицерам запрещается занимать какие-либо должности в учреждениях люблинского правительства.

Каждому офицеру и солдату этот приказ должен быть объявлен под расписку.

4. Всем вашим подчиненным должно быть разъяснено, что большевики продолжают оставаться единственным врагом Польши. Они хотят превратить Польшу в свою республику, чтобы затем сослать всех поляков в Сибирь.

5. Все ваши подчиненные должны быть оповещены о том, что недалек тот день, когда поляки при помощи Великобритании и США захватят власть в свои собственные руки, и тогда наша клятва перед родиной будет выполнена».

Здесь ясно изложены планы командования Армии Крайовой и эмигрантского правительства, целью которых было, с одной стороны, показать свою готовность к сотрудничеству и свою лояльность по отношению к Советскому Союзу путем формального роспуска Армии Крайовой, а с другой стороны, форсировать подготовку к вооруженному нападению на русских, громивших нацистских агрессоров. Истинной целью польских фашистов и польской реакции было спровоцировать третью мировую войну вслед за второй.

Стремление натравить всю Западную Европу на Советский Союз проходит красной нитью через всю деятельность Армии Крайовой в последние месяцы войны. Она продолжала свою подрывную деятельность против Красной Армии во время наступления русских в Германии, организуя акты саботажа и террора. Уже в декабре 1944 г. руководители «диверсионного отдела» при главном командовании Армии Крайовой отдали специальный приказ о продолжении саботажа и террора против частей Красной Армии в Польше.

Этот приказ не остался на бумаге. В период с 1 января по 30 мая 1945 г. было убито из-за угла не менее 317 русских офицеров и солдат и 125 человек было ранено. Не только на бумаге, но и на деле польские фашисты подчеркивали, что к русским войскам, принесшим Польше свободу от нацистского ига, они относятся как к «оккупационным войскам».

Ко времени окончания войны польская реакция установила самые дружественные отношения с нацистами, несмотря на чудовищные преступления, совершенные этими последними против польского народа. На фашистскую Германию польская реакция смотрела как на своего потенциального союзника. Командир Армии Крайовой в районе города Станислава в Западной Украине майор Герман рассказывает об одной беседе, которая состоялась в этот период во Львове между ним и его начальником—полковником Феликсом Янсоном:

«В последний раз, когда я встретил Янсона как-то в период между декабрем 1944 г. и февралем 1945 г., он мне сообщил, что получены инструкции от главнокомандующего Армией Крайовой генерала Окулицкого. Окулицкий писал, что как Германия, так и Польша рассматривают Советский Союз как своего общего врага, поскольку Германия стремится к реваншу над Советским Союзом, а Польша пытается вновь присоединить к себе те территории, которые она не признает принадлежащими Советскому Союзу. Польша и Германия имеют общие интересы и могут стать союзниками в будущей войне против Советского Союза...»

Та же самая «философия» поджигателей войны содержится и в одной из последних инструкций, посланных* генералом Окулицким своим подчиненным. 22 марта 1945 г. командующий Армией Крайовой направил командующему частями Армии Крайовой в Западной Польше полковнику под кличкой «Славбор» директиву следующего содержания:

«Если Советский Союз одержит победу над Германией, это не только поставит под угрозу интересы Англии в Европе, но и устрасит всю Европу. Если англичане будут руководствоваться своими собственными интересами в Европе, они вынуждены будут мобилизовать войска всей Европы против Советского Союза. Ясно, что мы должны будем занять место в первых рядах этого европейского антисоветского блока. Невозможно также представить себе этот блок без участия Германии, контролируемой англичанами.. .»

Польские фашисты широко прибегали к антисоветской клевете, чтобы усилить враждебность западных держав к Советскому Союзу. Один из членов подпольного .

«правительства» в Польше фашист-католик Ясюкович признался в этом после того, как он был арестован в 1945 г.

«Чтобы дезинформировать британское правительство и побудить его оказывать более активную помощь польскому правительству в Лондоне, мы посылали в Лондон тенденциозные клеветнические сообщения. Мы боялись, что если мы сами не будем добиваться международного вмешательства в польскую проблему, то решение этой проблемы запоздает, а его нужно было ускорить. Мы считали, что наша информация вызовет такое ускорение. ...»

Однако польским фашистам и реакционерам пришлось пережить немало огорчений и разочарований, так как и Черчилль, и Рузвельт на Ялтинской конференции в январе 1945 г. согласились принять «линию Керзона» в качестве основы для окончательной польско-советской границы, и, таким образом, несколько миллионов украинцев и белорусов смогли вновь объединиться со своими братьями, живущими в Советском Союзе.

В этой связи нелегальная католическо-фашистская газета «Варшавски глос народовы» писала 21 февраля 1945 г.:

«Это конец обмана и конец Польши. Но где же слово, данное нашими союзниками? Где предсказывавшийся конфликт между русскими и англо-саксами? .. Англо-саксы уже много раз вводили нас в заблуждение. Мы давно знали, что они ведут сложную игру с Россией, за которой мы в качестве зрителей следили, затаив дыхание. Каждая новая конференция приносила новое разочарование. Каждая новая речь самого Черчилля вызывает все большее разочарование. Крымская конференция является самым крупным из всех разочарований. Когда же закончится эта действующая на нервы ужасная игра? Когда же, наконец, союзники схватят за горло Россию?»

Приверженцы польского диктаторского режима готовились расчистить путь для новой захватнической войны в Европе. Широкие массы польского народа сорвали эти планы фашистов и разгромили силы фашизма, препятствовавшие демократизации страны.

27 марта 1945 г. Красная Армия обезвредила руководителей польских фашистских сил, занимавшихся подрывной деятельностью против Красной Армии, которая тем временем готовилась к решительным боям за Берлин. Генерал Окулицкий и его приспешники из Армии Крайовой были арестованы.

Армия Крайова действовала отнюдь не в интересах Польши. Она была орудием агрессивной политики Запада. Армия Крайова и эмигрантское правительство были лишь проводниками политического курса англо-саксов, стремившихся установить антибольшевистский кордон у западных границ Советского Союза.

ГОРЯЧЕЕ НАЧАЛО „ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ“

Крах фашизма на Балканах и политика западных держав в Восточной Европе

Мало кто отдает себе отчет в тех трудностях, которые создались для Красной Армии на восточном фронте в связи с тем, что восточноевропейские сателлиты Гитлера приняли участие в разбойничьей войне «Третьего рейха». Дело не в численности вооруженных сил этих государств. Их войска в большинстве случаев отличались весьма невысокими боевыми качествами. Тем не менее участие в войне восточноевропейских государств имело большое стратегическое значение.

Так, участие в войне Финляндии означало, что линия восточного фронта удлинялась на тысячу километров. Участие Румынии в немецком нападении точно так же означало дополнительное удлинение фронта минимум на 500—600 километров. Кроме того, не менее 22 румынских дивизий участвовало в боях на южном фронте, в то время как Хорти поставил еще 14 дивизий.

В начале 1944 г. в Румынии для всех стало более или менее ясно, что война проиграна. Обещания немцев о передаче румынам всей обширной территории между реками Прут и Буг на Украине и об объявлении Одессы румынским портом утратили всякую ценность. В 1943 г. Украина была постепенно очищена от врагов, и в начале 1944 г. фронт стал быстро придвигаться к границам Румынии.

19 марта 1944 г. войска под командованием маршала Конева форсировали северную часть Днестра и вступили на территорию Бессарабии. 26 марта Красная Армия достигла старой государственной границы Румынии — реки Прут. Четыре дня спустя была освобождена столица Буковины — Черновицы. Главной задачей русских в этом

наступлении было создание предмостных укреплений на западном берегу реки Прут. Это было осуществлено 17 апреля на Галацкой дуге и 28 апреля недалеко от города Яссы.

Одновременно советское правительство начало действовать и на дипломатическом фронте. 12 апреля 1944 г. Румынии были предъявлены условия перемирия, предусматривавшие восстановление советско-румынской границы 1940 г.

Ввиду отчаянного военного положения Румынии румынский диктатор Антонеску, видимо, начал колебаться. Он считал необходимым обсудить вопрос о предложении мира с королевским домом и с руководителями старых буржуазных «исторических» партий. Весьма показательно, что небезызвестный англофил д-р Юлиус Маниу, руководитель так называемой национально-крестьянской партии, энергично настаивал на отклонении русских предложений о мире. Он усиленно рекомендовал Антонеску продолжать войну, «так как Красная Армия еще далеко...» Румыния была ввергнута в войну против Советского Союза не только личными усилиями диктатора Антонеску. Вокруг Антонеску группировались ярые фашисты и лидеры старых буржуазных «парламентских» партий. Нужно отметить, что диктатура Антонеску объединяла людей с пронемецкой ориентацией и англофилов.

Антонеску пришел к власти, даже не прибегая к государственному перевороту. Правящие круги Румынии приветствовали установление диктатуры, при помощи которой они рассчитывали продлить жизнь буржуазно-феодальной румынской монархии.

Англофил д-р Маниу уже в 30-х годах популяризировал фашистские порядки, установленные в Германии и Италии, пытаясь преподнести их в качестве образца для Румынии. На выборах 1937 г. он не скрывал своих профашистских взглядов и полностью солидаризировался с фашистской «Железной гвардией». В дни кризиса в сентябре 1940 г. он был одним из вдохновителей установления фашистского режима Антонеску, пришедшего на смену обанкротившейся «королевской диктатуре» Кароля, существовавшей с 10 февраля 1938 года.

Ввиду того, что англо-саксонская пропаганда позднее пыталась представить Юлиуса Маниу и его сообщников

как непримиримых противников фашистской диктатуры, необходимо привести некоторые убедительные факты из румынской действительности, целиком опровергающие этот миф. Тогда станет ясно, что представлял собой этот протезе англо-саксов на Балканах. О предистории установления в Румынии 6 сентября 1940 г. фашистской диктатуры обанкротившийся диктатор Антонеску рассказал на суде после войны:

«Я договорился с господином Маниу и другими о своей политике...»

Д-р Юлиус Маниу, который сам выступал в качестве свидетеля на суде, отнюдь не опровергал этого и объяснил свои переговоры с Антонеску следующим образом:

«Я имел полномочия войти в контакт с маршалом Антонеску и обсудить с ним соглашение, о котором говорилось в моем мандате. Мы договорились с ним о встрече в Плоешти. Эта встреча действительно состоялась. Там у меня был разговор с маршалом Антонеску. Он ознакомил меня со своими планами, и я, со своей стороны, рассказал ему о своих. Мы договорились, что не примем мандата короля Кароля и, в случае его отречения, будем участвовать в правительстве, но не уточнили, кто должен быть премьер-министром».

Как известно, Антонеску пришел к власти, чтобы сотрудничать с немцами, после того как король Кароль вынужден был отречься от престола во время кризиса, последовавшего за передачей Венгрии северной части Трансильвании. В этих условиях кулацкая партия Маниу пришла на помощь фашистскому диктатору. Маниу сам рассказывает о своей деятельности следующее:

«Маршал Антонеску предложил мне, чтобы несколько моих людей вошли в правительство в качестве экспертов. После этой встречи я дал согласие на то, чтобы два авторитетных эксперта из национально-крестьянской партии вошли в правительство Антонеску...»

Эта «мирная» коалиция между руководителями национально-крестьянской партии и фашистом Антонеску позже приняла еще более интимный характер. 8 октября 1940 г. заместитель председателя этой партии Михалаке снова вступил в переговоры с Антонеску, в результате чего была достигнута договоренность между обеими сторонами: национально-крестьянской партии была обеспе—

чена полная свобода действий при диктатуре Антонеску. Девять представителей партии Маниу вошли в правительство Антонеску и заняли в нем ведущие посты.

Англофил Маниу и его друзья таким образом принадлежали к той категории буржуазных «демократов», которая во время войны служила опорой фашистской диктатуры! То же самое относится к банковским и промышленным магнатам, заправлявшим так называемой либеральной партией, которая издавна подвизалась в роли лакея французского финансового капитала.

Руководители румынских «исторических партий», однако, не только помогали диктатору Антонеску прийти к власти. Они также способствовали превращению румынского народа в поставщика дешевого пушечного мяса для гитлеровской разбойничьей войны против Советского Союза. За несколько дней до нападения на своего восточного соседа Антонеску вызвал приспешника Маниу Иона Михалаке, рассказал ему о предстоящей войне и предложил этому лидеру кулаков пост заместителя премьер-министра в своем правительстве. Правда, Маниу и его единомышленники были слишком осторожны, чтобы принять это предложение, но морально они всецело поддерживали захватническую войну. 18 июля Юлиус Маниу разослал циркуляр функционерам своей партии, в котором следующим образом характеризовал свое отношение к войне:

«Присоединяясь к общественному мнению, румынская национально-крестьянская партия одобряет уже начавшиеся военные действия, имеющие целью освобождение Бессарабии, Буковины и румынского населения по ту сторону Днестра, и горячо приветствует достигнутые результаты. Необходимо всячески содействовать руководителю государства, ориентация которого как во внешней, так и во внутренней политике говорит о его решимости соблюдать интересы страны в условиях любой политической обстановки».

«Исторические партии» всячески подчеркивали свою солидарность с агрессивной политикой Антонеску, а заместитель председателя национально-крестьянской партии Ион Михалаке и председатель партии либералов Георг Братиану демонстративно объявили о своем желании принять участие в походе на Украину и записались

добровольцами в армию. Братиану, служивший офицером связи между немецким и румынским штабами, был даже награжден Гитлером «Железным крестом». Михаиле же отблагодарили тем, что предоставили в его распоряжение русских военнопленных, которые должны были работать батраками в его имении.

Проанглийские «демократы» из «исторических партий» были, таким образом, ярыми сторонниками грабительской войны против своего великого социалистического соседа.

Традиционная западная ориентация «исторических партий» была приспособлена к создавшейся обстановке. Эти партии, разумеется, не помышляли о каком-либо активном сопротивлении политике войны и хозяйничанию немецких войск в стране. В отношении Гитлера и компании они держали себя вполне корректно и дружелюбно. Юлиус Маниу для обеспечения собственной безопасности даже трудился над разработкой подробнейших меморандумов в адрес фюрера, в которых он делал практические предложения о координации действий при построении «нового порядка» в Европе.

Западная ориентация национально-крестьянской партии проявлялась двояко. Юлиус Маниу и компания непрерывно поддерживали связь с английской «Интеллидженс сервис», которая таким образом была подробно информирована о развитии событий в Румынии. Полученными от англичан сведениями главы кулацкой партии делились с правительством Антонеску, которое в уплату за это терпимо относилось к их связям с англосаксонским лагерем. На суде в мае 1946 г. небезызвестный начальник полиции Антонеску — Эжен Кристеску, — между прочим, привел небольшой трогательный рассказ о политической жизни в «старой доброй» Румынии:

«Я поддерживал прямую и косвенную связь с господином Маниу. У него был друг в Трансильвании Тулиу Горинеану, член апелляционного суда, который состоял у меня на службе. Маниу хорошо знал этого человека и доверял ему. Через этого сановника юстиции он часто присылал мне важные сообщения, полученные им из-за границы, а также политические документы, касающиеся Румынии. Все эти документы и информацию я передавал лично маршалу Антонеску».

Типичная старорумынская картина. Даже во время войны немецкий и англо-саксонский политические аппараты настолько сработались, что по обоюдному согласию была даже организована маленькая общая контора по оказанию взаимных политических услуг, которая служила шпионско-разведывательным центром этих воюющих сторон. Здесь знали только одного настоящего врага — страну социализма.

Другим участком деятельности Маниу и его сторонников служили финансовые манипуляции, в которых они выступали от имени английского капитала. Когда началась война, англичане были вынуждены покинуть Румынию, где у них остались весьма солидные «интересы» в нефтяной и прочих отраслях промышленности. Они все же позаботились о том, чтобы оставить в Румынии уполномоченных для защиты своих финансовых интересов до тех пор, пока опять не наступят «нормальные времена». Видные руководители партий либералов и кулаков имели в военное время весьма значительный побочный заработок благодаря тому, что они являлись директорами и членами правлений контролируемых англичанами компаний.

Поэтому отнюдь не случайно, что англофил Маниу еще в апреле 1944 г. всячески отговаривал Антонеску от принятия выдвинутых русскими условий перемирия. Руководители «исторических партий» желали, чтобы Румыния капитулировала перед западными державами. Вывод был короткий и ясен. Следовало капитулировать лишь тогда, когда англо-саксонские войска будут готовы войти в Румынию. Поэтому в Лондоне и Вашингтоне вполне одобряли позицию д-ра Маниу, занятую им в апреле 1944 г.

Летом 1944 г., за несколько недель до крупного русского наступления на румынском фронте, можно было наблюдать активизацию деятельности Черчилля на Балканах. Этот старый тори еще не потерял надежды завладеть богатствами Балкан и Дунайской долины.

Этим летом даже воинственно настроенные болгарские фашисты потеряли всякую надежду на немецкую победу. Они вынуждены были начать маневрировать, чтобы хоть как-нибудь выпутаться из этой авантюры. 3 июня бывший министр земледелия в правительстве

диктатора Филова, а позже болгарский посланник в Берлине Багрянов сформировал слегка подновленное фашистское правительство, которое сделало попытку установить контакт с английским штабом в Каире. Англичане подхватили эту инициативу. 2 августа они заставили Турцию порвать дипломатические отношения с Германией. Через этот «черный ход» можно было контрабандным путем ввести британские войска, которые могли бы принять капитуляцию Болгарии, после того как будет достигнута договоренность об этом.

13 августа в Риме состоялась встреча Уинстона Черчилля с Тито. Мы теперь знаем, что целью этой встречи было склонить предателей югославских партизан к тому, чтобы они не препятствовали британской высадке на побережье Далмации.

Далее, нам известно, что Черчилль одновременно дал инструкции штабу в Каире о том, чтобы «во-время» обеспечить британский десант в Греции. Эта акция немного запоздала, так как Черчилль должен был получить санкцию Рузвельта для осуществления этого проекта, обсуждавшегося на Квебекской конференции в сентябре 1944 г. Окончательный приказ о проведении этой высадки был дан 14 сентября.

Одним из звеньев этого плана вторжения на Балканы были попытки добиться капитуляции Румынии перед западными державами.

В связи с этим «исторические партии» для видимости изменили свою тактику. Они вдруг заявили, что принимают предложение находившихся в подполье румынских коммунистов об объединении всех политических сил, готовых содействовать освобождению Румынии от ига гитлеровской Германии. В результате переговоров между различными партиями 20 июня 1944 г. был создан блок, в который вошли национально-крестьянская партия Маниу, либералы, социал-демократы и коммунисты и целью которого был скорейший вывод Румынии из войны.

Вновь испеченный «конспиратор» — д-р Маниу — между тем продолжал свою двойную игру. Конечно, он отнюдь не собирался активно участвовать в антифашистском блоке, тем более, что он должен был из лояльности предупредить об этом Антонеску. В архивах

фашистского правительства имеется небезинтересная запись, датированная 2 августа 1944 г., где говорится буквально следующее:

«Все, что вы мне посылали, я сообщал г-ну Маниу, который информировал меня о том, что создан национально-демократический блок, куда входят национально-крестьянская партия, либералы, социал-демократы и коммунисты.

Г-н Татареску не принадлежит к этому блоку, так как он участвовал в фашистском блоке и в свое время вышел из либеральной партии».

Эти слова подписаны лично премьер-министром Антонеску. Ясно, что д-р Маниу был далек от мысли о восстании. Руководители «исторических партий» в это время с ведома правительства Антонеску послали старого придворного интригана князя Стирбея в британский штаб в Каире, чтобы выяснить, какие условия капитуляции предлагают союзники.

Англичане в этот решающий момент, видимо, действовали одновременно во многих направлениях. Чтобы заполучить на свою сторону фашистскую Венгрию, они поспешили согласиться на то, чтобы она сохранила часть своих территориальных приобретений, сделанных во время войны.

Эти осложнения привели к нерешительности и колебаниям среди румынской реакции. И так как румынские войска продолжали вместе с немцами свои активные враждебные действия на фронте против Советского Союза, Красная Армия 20 августа 1944 г. начала свое большое наступление, имевшее целью освободить Балканы от фашизма.

Сила и темпы наступления в направлении Яссы—Кишинев в августе 1944 г. сразу опрокинули все расчеты румынских и англо-саксонских реакционеров в отношении капитуляции фашистской Румынии. До самого последнего времени существовала твердая уверенность, что сильная немецкая армия в южной Бессарабии и у границ Румынии сумеет, по крайней мере на некоторое время, сдержать русских и не допустить их до жизненно-важных центров Румынии. Но дело приняло совершенно другой оборот. В течение недели большую немецкую военную группировку «Южная Украина» советские

войска целиком вывели из игры, а 15 немецких дивизий были окружены в котле в Южной Бессарабии. 3 сентября эта операция была совершенно закончена. В руки русских попало значительное количество немецкого снаряжения и остатки 15 немецких дивизий во главе с генералами, в то время как остатки 7 других дивизий бежали в глубь Румынии.

После полного разгрома немецкой южной армии Красной Армией, стремительно продвигавшейся по румынской территории, стало совершенно очевидно, что фашистская диктатура доживает последние дни. Неминуемо должен был наступить политический крах. 23 августа 1944 г. произошел переворот и обанкротившийся режим маршала Антонеску был свергнут.

На западе пытались распространить легенду о том, что фашизм в Румынии свергли представители «исторических партий». Однако это совершенно неверно. Реакционные главари этих партий, наоборот, старались любой ценой сохранить «преемственность управления государством», чтобы не допустить возникновения в стране широкого народного движения за свободу и демократию. С этой целью руководители «исторических партий» до последнего момента поддерживали фашистский режим Антонеску.

Еще 23 августа Юлиус Маниу и представитель партии либералов Братиану совещались с Антонеску в его вилле, расположенной в окрестностях Бухареста, где они пришли к полной договоренности как с ним, так и с «главой государства». При этом они обещали диктатуре свою поддержку. Во время процесса Антонеску в 1946 г. сам Маниу, выступая в качестве свидетеля, заявил, что он считал, что «Антонеску еще пользовался достаточным моральным авторитетом, чтобы заключить перемирие...»

Поэтому переворот 23 августа оказался довольно неожиданным для руководителей «исторических партий». Маниу во время следствия показал:

«Я не знаю, что произошло в ночь на 23 августа. Мне ничего не было известно о развитии событий. Только на следующее утро пришел Аурель Леукутия и рассказал обо всем случившемся...»

Так как на фронте и внутри Румынии все еще находились большие немецкие силы, русские продолжали свое победоносное наступление. 30 августа Красная Армия заняла весь важнейший нефтяной район Плоешти, а днем позднее победоносная русская армия вступила в Бухарест. Освобождение Румынии от немецко-фашистского ига было закончено.

Рухнуло не только немецкое господство на Балканах, но также агрессивные англо-саксонские планы закабаления всей Восточной Европы, вплоть до советских границ. Победы Красной Армии вызвали бессильную злобу империалистических заправил. Их злоба была настолько велика, что американская авиация за несколько часов до вступления советских войск в Плоешти предприняла варварскую бомбардировку нефтяных районов города с одной только целью, — чтобы они не попали в исправном состоянии в руки русских. Известный советский писатель Вадим Кожевников, который сопровождал наступающие советские войска в Румынии, позже дал образное описание этих событий:

«В августе 1944 года вместе с частями Советской Армии я оказался в городе Плоешти, в центре нефтяной промышленности Румынии. Немцы заблаговременно удрали из этого города. Мы вошли в него почти без боя. Но город дымился в развалинах. Особенно сильно пострадали рабочие кварталы и нефтяные предприятия. Это накануне, перед самым нашим приходом потрудились американская бомбардировочная авиация, верная коварной тактике, разработанной в недрах Уолл-стрита.

Советские солдаты и офицеры спасали из-под обломков безвинные жертвы. Наши госпитали развернули свою работу, оказывая помощь населению.

На нефтеперегонном заводе «Тележен», принадлежавшем румыно-американскому обществу, мы увидели разбитые цехи, машины, нефтецистерны, бензобаки. Среди развалин работали румынские рабочие, пытаясь спасти остатки горючего.

Тяжелой походкой, в мокрой от нефти одежде к нам подошел один из рабочих и сказал хриплым, усталым голосом:

— Мы ждали вас. Все эти дни, когда американские директора и инженеры бросили завод, мы работали,

готовя больше горючего для ваших танков, чтобы вы могли преследовать немцев. Вот видите, что тут произошло, — и румынский рабочий горестно развел руками.

— О каких американцах говорите вы? — спросили мы его.

— Я говорю, — сказал румынский рабочий, — б владельцах завода, о его хозяевах — американцах и англичанах. Ведь они оставались здесь и работали на немцев, получая такие барыши, какие раньше никогда не получали; они подняли уровень производства выше довоенного. А вот, когда узнали, что приближается Красная Армия, они приказали нам бросить работу. Когда же мы этого не сделали, они сказали: «Вам будет плохо!» И нам действительно было плохо, когда прилетели их самолеты и стали нас бомбить.

— Где же сейчас находятся эти ваши хозяева?

— О, они, наверное, сейчас у себя дома — здесь, неподалеку.

Вместе с этим рабочим мы поехали в кварталы новеньких особняков, украшенные звездными и полосатыми американскими флагами, где, стоя у парадных дверей, бурно приветствовали проходящих советских солдат и офицеров разнокалиберные джентльмены с красными гвоздиками в петлицах и американскими сигаретами в зубах.

— Вон видите этого — горбоносого, он угощает сейчас вашего солдата сигаретами, — сказал румынский рабочий, — при немцах он с помощью тайной охраны выдавал гестапо тех рабочих, которые призывали к борьбе, к саботажу, чтобы прекратить войну против Советского Союза. Его имя Сайкс. Сайкс говорил, что получает от своего хозяина деньги за нефть, и поэтому его обязанность — получать больше нефти и наказывать тех, кто этому мешает. А кому продают хозяева нефть — это, мол, не его дело. Он говорил, что если б немцы пускали ее в ход, чтобы жарить на огне детей, то и это его не касалось бы. Сайкс говорил нам, что он — настоящий американец и плюет на политику.

Так, здесь в Плоешти мы заглянули в жестокие глаза этих «настоящих» американцев»¹.

¹ „Правда“ от 17 ноября 1948 г.

Надо прямо признать, что вступление Красной Армии в Румынию совершенно не входило в расчеты британских и американских нефтяных монополий. На переговорах о заключении мирного договора румынский делегат д-р Маурер 10 сентября 1946 г. сообщил, что большое американское общество «Романо-Американа», обладавшее акционерным капиталом в 1,5 миллиарда лей, за один только 1943 год получило 726 миллионов лей чистой прибыли. Этот год нельзя считать потерянным и для британского концерна «Астра-Романа», который, обладая капиталом в 2,5 миллиарда лей, получил за год 840 миллионов лей чистой прибыли.

Главным «клиентом» англо-саксонских нефтяных монополий в Румынии была немецкая армия, ведшая войну против СССР. Уполномоченными англо-саксов в правлениях больших нефтяных компаний были руководители румынских «исторических партий». Разве они не соблюдали интересов Запада во время войны? Ведь немецкая агрессивная армия исправно и бесперебойно снабжалась нефтью. А когда Красная Армия уже находилась на подступах к Плоешти, нефтяные промыслы решили разрушить, не считаясь с тем, что это нанесет большой ущерб румынской экономике.

На первых порах агентам англо-саксов в Румынии удалось при содействии королевской династии сформировать временное правительство, в большинстве своем состоявшее из реакционных генералов и представителей «исторических партий». Такими были быстро сменявшие друг друга правительства князя Стирбея, генерала Сатмареску и позднее генерала Радеску. Русская оккупация страны способствовала тому, что румынский рабочий класс и массы трудящегося крестьянства впервые в истории Румынии получили возможность свободно организовывать свои силы, и они использовали эту возможность, чтобы добиться уничтожения в Румынии старого социального строя. Они требовали создания настоящей народной демократии и свержения господства эксплуататоров.

Пребывание в Румынии Красной Армии имело решающее значение для внутривнутриполитического развития страны. Уже через пять месяцев после вступления Красной Армии в Румынию было ликвидировано суще-

ствовавшее до тех пор засилье привилегированных групп и «исторических партий».

Рабочие и безземельные крестьяне воспользовались своей свободой для того, чтобы создать свои собственные политические массовые организации, защищающие их интересы. Румынская рабочая партия, которой было обеспечено легальное существование, в течение этих месяцев превратилась в ведущую политическую силу в стране. В сотрудничестве с рабочей партией росла новая партия трудящихся крестьян — фронт земледельцев, — выдвинувшая требование коренной аграрной реформы. Эта партия постепенно превратилась в большую и влиятельную организацию, насчитывавшую в своих рядах сотни тысяч румынских крестьян.

Перестройка политической жизни Румынии вскоре привела к расколу в рядах «исторических партий». В старой национально-крестьянской партии начались разногласия по вопросу об аграрной реформе. Откололось левое крыло партии под руководством Антона Александреску, стоявшее в оппозиции к реакционному курсу, проводившемуся д-ром Маниу и его единомышленниками. Это была новая крестьянская партия, к которой примкнуло большое количество крестьян-середняков, искавших сотрудничества с левыми партиями.

Реакционное правительство генерала Радеску, испуганное народным движением, сделало попытку подавить его путем установления новой военной диктатуры. Участие румынских войск в продолжавшейся войне против немцев саботировалось; значительная часть войск была оставлена в тылу с целью подавления народного движения. В феврале 1945 г. этот внутрирумынский кризис достиг своего кульминационного пункта.

Профашистская деятельность правительства, следовавшего указке англичан, развивалась в двух направлениях. Вначале реакционные элементы в правительстве Радеску попытались помешать продвижению Красной Армии на венгерском фронте. Они саботировали снабжение румынских дивизий, которые участвовали в наступлении, и большое количество войск задержали в тылу. Одновременно так называемые «батальоны Юлиуса Маниу», обильно пополняемые фашистскими головорезами,

пытались дезорганизовать тыл в Трансильвании, терроризируя венгерское население.

Радеску и его приспешники из «исторических партий» пытались разжечь гражданскую войну в Румынии. Организовывались фашистские разбойничьи налеты на новые легальные рабочие организации. Главный орган рабочей партии — газета «Скынтейя» и другие рабочие газеты также подвергались налетам. Была даже сделана попытка покушения на вновь избранного председателя румынских профсоюзов Георге Апостола. Одновременно реакция стремилась вытеснить представителей левых партий из правительства. Демократически настроенное население столицы решительно выступило против произвола фашистов. 24 февраля 1945 г. сотни тысяч жителей Бухареста участвовали в демонстрации перед королевским дворцом, требуя создания нового, демократического правительства.

В этот день Радеску и руководители «исторических партий» показали свое истинное лицо: демонстранты были встречены пулеметным огнем. Шесть человек были убиты на месте. Было много раненых. Эта кровавая расправа, а также провокационные увольнения из армии целого ряда демократически настроенных офицеров усугубили политический кризис. В связи с такой ситуацией советское правительство потребовало неукоснительного соблюдения условий перемирия. Оно решительно выступило против подготавливавшегося в Румынии нового фашистского переворота.

27 февраля 1945 г. в Бухарест прибыл Вышинский для переговоров о ликвидации кризиса и обеспечения спокойствия в тылу Красной Армии. Результатом этих длительных переговоров явилось создание 6 марта первого народно-демократического правительства Румынии под руководством д-ра Петру Гроза — председателя партии трудящихся крестьян — Фронт земледельцев. Влияние демократических партий в этом правительстве значительно возросло. Новое правительство включало представителей шести различных румынских партий. В правительство Гроза вошли социал-демократы и коммунисты как представители рабочего класса. Крестьяне были представлены фронтом земледельцев и крестьянской партией Антона Александреску. В новое коали-

ционное правительство вошли, кроме того, две буржуазные партии: румынская «народная партия» и крыло национально-либеральной партии, возглавлявшееся Георгом Татареску.

Только профашистские «исторические партии» Манну и Братиану стали в оппозицию к новому правительству.

Одним из первых мероприятий правительства Петру Гроза было решительное наступление на феодальные порядки, господствовавшие в румынской деревне. Уже 22 марта 1945 г. в Румынии была проведена большая земельная реформа, благодаря которой 1,4 миллиона гектаров помещичьей земли было передано безземельным румынским крестьянам. Был расчищен путь для последовательного демократического развития одной из самых отсталых стран Европы.

Первый кабинет Петру Гроза не был социалистическим. Это была широкая демократическая коалиция с довольно значительной буржуазной прослойкой. Это, тем не менее, не помешало западной пропаганде начать разнузданную клеветническую кампанию против нового румынского правительства, как только профашистские «исторические партии» оказались отстраненными от власти.

Как видно из факта бомбардировки англо-саксами нефтяных районов Плоешти буквально накануне прихода туда русских, «холодная война» в Восточной Европе стала довольно горячей еще до капитуляции Германии. Бомбардировка Плоешти не была случайностью или недоразумением. Она, наоборот, была продуманным шагом англо-саксов, пытавшихся помешать продвижению советских войск в Европу. Вскоре последовал целый ряд новых аналогичных действий англо-саксов, направленных против Красной Армии.

С особенным цинизмом эта «холодная война» проводилась англо-саксами во время освобождения советскими войсками Чехословакии, которая обладала наиболее развитой промышленностью среди всех дунайских стран. Известный советский журналист Заславский в июле 1947 г. поместил в журнале «Новое время» интересное описание действий американцев на последнем этапе второй мировой войны. Американцы попытались уничтожить наиболее важные чехословацкие промышленные

предприятия, как только стало ясно, что эта страна будет освобождена русскими.

Первые крупные разрушительные действия были направлены против обувных фабрик Бати в Злине. Они начались после восстания словацких партизан 29 августа 1944 г., за которым последовало освобождение советскими войсками Карпат. Журналист Заславский рассказывает:

«В течение всей войны американские и английские самолеты здесь не появлялись, хотя все фабрики Бати работали на немецкую армию и их разрушение нанесло бы чувствительный ущерб гитлеровцам.

В конце ноября 1944 г. исход войны обозначился. В разрушении фабрик Бати не было ни нужды, ни военного смысла. Во всяком случае, уж если уничтожать, то надо было бомбить те заводы, которые вырабатывали оружие. Между тем в один памятный рабочим ноябрьский день были основательно разрушены самые большие десятиэтажные корпуса, производившие обувь.

Теперь многие здания уже восстановлены. Будут восстановлены все. Заводы работают в полном порядке и лучше, чем до войны. Но не только население Злина, а и всей Чехословакии получило наглядный, предметный урок международной политики. Память об американской авиации, уничтожившей национальное предприятие Чехословакии, не скоро изгладится».¹

Американцы пытались ослабить Чехословакию, опасаясь, что после войны она пойдет по пути социализма. Кроме того, они стремились уничтожить одного из самых серьезных европейских конкурентов американской обувной промышленности. Позднее они предприняли аналогичные разбойнические акты против заводов Шкода в Пльзене. Об этом рассказывает Заславский после своей поездки в Чехословакию в 1947 г.:

«Шкода в течение всего военного времени был одним из основных поставщиков вооружения для немцев. Заводы работали полностью, с перенапряжением, используя всю мощность оборудования. Продукция была исключительно военная. Совершенно естественно, что во время войны жители Пльзена непрерывно поглядывали на небо,

¹ .Новое время", 1947 г.; № 29, стр. 24

ождая со страхом, но и с надеждой появления английских и американских бомбардировщиков. Жить тогда в Пльзене — значило жить в кратере действующего вулкана.

Но — бывают же чудеса на свете! — ни один английский или американский самолет не появился на пльзенском небе. Производство не прекращалось ни на час.

Во время войны чехи не могли питать дружественных чувств к Шкоде. Если бы спросить их, они высказались бы за разрушение заводов. Но война подошла к концу. Немцы были разбиты. Они собирались бежать из Пльзена, как уже бежали из других городов Чехословакии. Теперь же чехами владело другое опасение: они боялись, как бы перед уходом, в последний день, немцы не взорвали заводов, которые должны стать собственностью чехословацкого народа.

Надо полагать, что немцы действительно собирались взорвать и уничтожить заводы, но не успели. Заводы были разрушены американцами 25 апреля 1945 года, буквально накануне капитуляции немцев, когда война уже по сути прекратилась и немцы на западном фронте бежали, продолжая сопротивляться только на восточном фронте. Не было уже никакой надежды, никакого военного смысла в разрушении заводов, которые почти прекратили к этому времени свою деятельность.

25 апреля — этот день не забудут пльзенцы — над городом появилось 400 американских бомбардировщиков. В течение 40—50 минут они бомбили заводские корпуса Шкоды. Зачем? На этот вопрос Чехословакия не получила до сих пор ответа. Но разрушение самого крупного промышленного предприятия страны нельзя назвать бессмысленным. В нем был совершенно определенный смысл. Это была стратегия конкуренции.¹

Не продиктованное никакими военными соображениями разрушение Плоешти, фабрик Бати в Злине и заводов Шкода в Пльзене было лишь звеном в начавшейся в последние месяцы войны «холодной войне» против социализма в Европе. Борьба против страны социализма была начата англо-саксами как раз в то время, когда советские войска продвигались к центру Европы,

¹ "Новое время", 1947 г. № 29. стр. 21—22.

который тем временем хотели превратить в руины. Это было важным звеном в планах англо-саксонского империализма.

Народное восстание в Болгарии. Двурушничество титовской клики и английская политика в Греции

После капитуляции фашистской Румынии Красная Армия быстро продвинулась к болгарской границе на Дунае и оказалась у преддверья Балкан. На Балканах нарастало вооруженное сопротивление народов немецкой оккупации и местным профашистским правительствам. Пришел час освобождения народов Балкан. В какой форме должно было произойти это освобождение?

Правящие круги в столице Болгарии Софии считали, что попытка Багрянова создать «умеренное» фашистское правительство не оправдала себя. В самую последнюю минуту пришлось прибегнуть к новому маневру, чтобы спасти то, что еще могло быть спасено. После закулисных переговоров один из бывших лидеров партии аграриев Константин Муравьев 2 сентября 1944 г. образовал новое правительство. В основном в состав этого правительства входили остатки потерпевших банкротство кулацких лидеров из так называемого «народного блока». Этот блок в начале 30-х годов около двух лет правил Болгарией и проводил крайне реакционную политику, самовольно устранив из Народного собрания Болгарии 32 представителей рабочих и демократически настроенных крестьян и распустив городской совет в Софии только потому, что большинство его членов принадлежало к Болгарской коммунистической партии. Террор продолжался. В правительстве Муравьева всем управляли профашистски настроенные, выгнанные из партии аграриев кулаки типа Димитра Гитчева и Атанаса Букова, а также профашистские деятели вроде Мушанова.

Первым актом нового правительства была посылка делегатов в британский штаб в Каире с настоятельной просьбой предоставить Болгарии возможность капитулировать перед англо-саксами. Делегаты просили верховное командование британской восточной армии немедленно послать войска в Болгарию через Турцию. На

тот случай, если для этой цели не найдется свободных войск, Муравьев и компания просили о временной оккупации страны Турцией, пока власть в Болгарии не пала еще в руки Отечественного фронта.

Фактически англо-саксы не вели никаких военных действий против Болгарии и лишь формально находились с ней в состоянии войны. Несмотря на это, британское верховное командование в Каире решило немедленно направить через Турцию несколько высших офицеров в Болгарию; они должны были принять «капитуляцию» Болгарии или, вернее сказать, помочь удержаться новому реакционному режиму Константина Муравьева.

Однако быстрое развитие событий опрокинуло все расчеты Муравьева и англичан. 8 сентября крупные русские силы двинулись из Румынии через Дунай, и в тот же день руководители болгарского антифашистского Отечественного фронта решили свергнуть фашистский режим, терроризировавший болгарский народ, начиная с 9 июня 1923 г.

Чтобы представить себе размах народного движения в Болгарии в сентябрьские дни 1944 г., весьма полезно будет ознакомиться с историей борьбы болгарского народа против фашизма в стране в годы царствования немецкой династии Кобургов.

Начиная с 1923 г. более 100 тысяч болгар из 6-миллионного населения страны пало жертвой фашистского террора. Кроме того, за этот же период 1 550 тысяч болгар были заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря за антифашистскую деятельность. Именно в Болгарии за эти бурные годы фашистами был поставлен своего рода европейский рекорд: каждый четвертый житель Болгарии подвергся репрессиям за политическую деятельность. Нужно сказать, что количество жертв фашизма будет еще больше, если принять во внимание малолетних. Поэтому нет ничего удивительного в том, что болгарский народ единодушно выступил против фашистских палачей и их приспешников.

Красной Армии не пришлось «завоевывать» Болгарию. Вступление ее частей на временный мост через Дунай послужило сигналом к восстанию болгарского народа, который смел с политической арены последние

остатки ненавистного старого режима. Эти сентябрьские дни показали, что жестокая партизанская война и упорная подпольная революционная работа не были напрасными. Последний бой был выигран благодаря исключительной организованности и сплоченности народных масс Болгарии.

Решение о проведении сентябрьского восстания было принято на заседании ЦК Болгарской коммунистической партии 2 сентября, и тогда же был установлен недельный срок для того, чтобы сконцентрировать все вооруженные отряды для генерального наступления на столицу и другие крупные города страны. Перед восстанием было мобилизовано все рабочее население в стране: начиная с 5 сентября во всех крупных городах Болгарии организовывались забастовки и массовые демонстрации протеста против правительства Муравьева, и уже 7 сентября важный рудный район близ Перника целиком находился в руках вооруженных рабочих подразделений.

Решающую битву за власть Отечественный фронт начал 9 сентября 1944 г. В то время как крупные силы коммунистов-партизан занимали Софию, революционные военные подразделения захватили правительственные здания и арестовали министров и фашистских генералов. В тот же день партизанами были заняты все другие крупные болгарские города. Власть в провинции перешла в руки местных комитетов Отечественного фронта.

После удачно проведенного вооруженного восстания к власти сейчас же пришла коалиция партий, входивших в Отечественный фронт: коммунисты, социал-демократы, крестьянская партия и партия «Звено». Первым премьером в новом правительстве был руководитель партии «Звено» генерал Кимон Георгиев, которого позднее сменил Георгий Димитров. Вступление Красной Армии в Софию 14 сентября было отпраздновано как большое народное торжество. Освобожденный болгарский народ приветствовал своих освободителей и союзников в общей борьбе против фашизма.

Восстание 9 сентября означало провал британских планов вторжения на Балканы через Турцию и Болгарию. Разочарование и злоба Черчилля в связи с тем, что болгарский народ опрокинул все его агрессивные планы,

нашли яркое выражение в заявлении, сделанном им в палате общин 28 сентября 1944 г. В этом заявлении Черчилль злобно клеветал на болгарский народ.

Несколько недель спустя англо-саксонская пропаганда неожиданно переменяла тон. Она попрежнему возмущалась болгарскими, но теперь на новую власть в Болгарии вдруг посыпались упреки за «самовольную» расправу с гитлеровскими приспешниками и болгарскими военными преступниками. Последних неожиданно стали изображать как «истинных демократов», которых преследовали эти «варвары-коммунисты», не питавшие никакого уважения к «инакомыслящим».

Двойную игру англо-саксов в Болгарии можно наглядно проследить, если ознакомиться с инструкциями, данными англичанами своим агентам в Болгарии. Среди них в первую очередь нужно назвать бывшего лидера аграриев Димитрова (Гемето), который после 9 сентября вернулся в Болгарию из Каира со свежими английскими инструкциями. В течение нескольких месяцев он занимался вредительской деятельностью, используя для этого свой пост генерального секретаря аграрной партии. С самого же первого дня его основной задачей было расколоть Отечественный фронт и изолировать болгарских коммунистов.

Когда широкие массы болгарских крестьян единодушно примкнул к коммунистам, Димитров (Гемето) начал вербовать в аграрную партию фашистские элементы несмотря на то, что Отечественный фронт дал входящим в него партиям совершенно ясное указание не принимать в свой состав бывших фашистов. Один из доверенных людей Гемето—Стефанов, являвшийся руководителем одного из местных отделений аграрной партии, рассказывал, что еще 14 октября 1944 г. Гемето передал ему следующие инструкции по организационной работе:

«Наша организация должна стать массовой организацией. Мы должны вербовать в нее как можно больше членов. Поэтому вы ни в коем случае не должны обращать внимание на протесты коммунистов и на различные циркуляры, которые издаются от имени Отечественного фронта и предписывают не принимать фашистов в члены партии. Каждый человек может стать членом

нашей организации, потому что она должна быть массовой организацией, чтобы мы могли противостоять коммунистической партии и остановить распространение большевизма...»

В конце декабря 1944 г. Гемето передал Стефанову новые инструкции:

«Он подробно разъяснил мне, что политика Отечественного фронта, основанная на тесном сотрудничестве между коммунистами и аграриями, является ошибочной и что Болгария много выиграет, если будет проводить осторожную политику. Его друзья за границей («Интеллидженс сервис»!) обещали ему полную моральную и материальную поддержку, если аграрная партия поржет с коммунистической партией.

Далее он сказал:

«Болгария является земледельческой страной, и крестьяне сами должны управлять ею».

Он проинструктировал меня также насчет того, как следует бороться с коммунистической партией и как координировать нашу деятельность с другими партиями в борьбе против большевизма... как агитировать крестьян...»

Гемето вел особенно энергичную кампанию за то, чтобы представители аграрной партии подрывали Отечественный фронт, уходя из его комитетов.

Другой задачей Гемето и его единомышленников было сорвать участие болгарских войск, командный состав которых был основательно очищен от фашистских элементов, в войне на стороне русских. На этом поприще Гемето объединился с руководителем крайне правого крыла болгарской социал-демократии Кристо Пастуховым. Они совместно проводили нелегальную пораженческую пропаганду среди войск. Их демагогическая агитация была тем более вредна, что Болгария по условиям перемирия взяла на себя совершенно определенное обязательство предоставить свои вооруженные силы для борьбы против фашизма.

Между тем поведение Гемето, продиктованное ангlosаксами, настолько скомпрометировало руководителей аграриев внутри Отечественного фронта, что на совещании лидеров аграрной партии, состоявшемся 20 и 21 января 1945 г., было решено снять Гемето с поста генераль-

ного секретаря. На этот пост был назначен один из его тайных приспешников Никола Петков, который в то время был еще членом правительства.

Споры внутри аграрной партии по вопросу о сотрудничестве с Болгарской коммунистической партией продолжались и в следующие месяцы — вплоть до съезда партии, который состоялся 8 и 9 мая 1945 г. На съезде правое англофильское крыло потерпело полное поражение. Был избран новый руководящий состав партии во главе с более демократическими деятелями — такими, как Александр Оббов, Стефан Тончев и Георгий Трайков, и съезд решительно высказался за поддержку Отечественного фронта и нового правительства. Попытки англофилов восстановить болгарских крестьян против рабочих и фашизировать аграрную партию окончательно провалились.

Враждебная по отношению к Болгарии позиция английского премьер-министра Уинстона Черчилля во время восстания 9 сентября объяснялась не только тем, что были задеты английские интересы в Болгарии. Вступление Красной Армии в Болгарию помешало реализации заранее задуманной интриги, в которой главная роль предназначалась предателю Тито — платному агенту англо-американцев.

Когда Черчилль и Тито 13 августа встретились в Риме, они разработали план совместных действий; однако они не предвидели быстрого продвижения советских войск в Румынии и Болгарии, и поэтому их план был окончательно опрокинут победоносным восстанием болгарского народа 9 сентября.

Принятию этого плана предшествовало постепенное превращение клики Тито в агента англо-саксонских империалистов. Документально доказано, что клика Тито уже в самый ранний период войны проводила активную антисоветскую политику в тесном контакте с руководителями англо-американской разведки.

Проникновение клики Тито в коммунистическую партию Югославии объясняется целым рядом причин. Одна из них заключалась в обособленности этой партии и незначительном пополнении ее рядов в течение ее многолетнего подпольного существования. Начиная с 1921 г. партия непрерывно находилась в подполье.

Враги коммунизма в Югославии имели возможность забрасывать своих агентов в партию, не в малой мере опираясь на троцкистские элементы, проникшие в партию. Если присмотреться к пропаганде, распространяемой кликой Тито, то сразу станет ясно, что в ней нет ничего нового или оригинального. Она является повторением троцкистско-бухаринских «теорий».

Это и не удивительно, так как многое указывает на то, что главари клики Тито всегда были скрытыми троцкистами и бухаринцами. Они лишь сумели замаскироваться, после того как были разоблачены их русские вдохновители.

Уже в дни войны в Испании Тито пытался забросить троцкистских провокаторов в интернациональную бригаду. Во время процесса Райка в Будапеште в 1949 г. было доказано, что в 1939 г. во французском лагере святого Киприана в Гурсе, в котором содержались интернированные борцы за свободу Испании, действовала провокаторская югославская троцкистская группа, руководителями которой, по свидетельству Райка, были ставший впоследствии у Тито генералом Темпо Вукманович, Коста Надь и Милич. Райк затем сообщил, что эти люди в лагере поддерживали связь с различными агентами разведок западных держав. Это не помешало названным выше лицам во время войны оказаться на руководящих постах в партизанской армии Тито.

Следует ознакомиться, между прочим, с тем, как Черчилль в годы войны характеризовал Тито и его людей в своих публичных выступлениях. Его отношение к клике Тито было совершенно другим, чем, например, к ЭЛАС и болгарским партизанам, не говоря уже о польских коммунистах. Мы знаем, что британский премьер-министр в начале 1944 г. пожертвовал своим бывшим послушным слугой Михайловичем в пользу Тито. В своей речи, произнесенной 22 февраля в палате общин, Черчилль заявил:

«В течение долгого времени я с особым интересом следил за деятельностью маршала Тито и всячески старался — стараюсь и теперь — оказывать ему помощь.

Один мой молодой друг, стипендиат Оксфордского университета капитан Дикин [теперь подполковник] спустился на парашюте в Югославии год тому назад

[27 мая 1943 г.] и в течение 8 месяцев жил при главном штабе маршала Тито. Однажды они оба были ранены одной и той же бомбой и сделались друзьями... На основании докладов подполковника Дикина мы можем составить себе ясное представление о всей этой борьбе и лицах, руководивших ею. Прошлой осенью мы послали [в Югославию] довольно большую миссию под руководством нашего уважаемого храброго депутата от Ланкастера — бригадного генерала Фицроя Маклина. Он был в Каире вместе с министром иностранных дел и со мной, чтобы сделать там доклад, а теперь снова спустился на парашюте в Югославии. Я могу заверить палату, что будет сделано все возможное для того, чтобы поддерживать маршала Тито и его храбрый корпус. Маршал писал мне во время моей болезни (в декабре 1943 г.), и с тех пор я нахожусь с ним в дружеской переписке. Мы намерены поддерживать его и оказывать ему всевозможную помощь при условии, что он также будет сотрудничать с нами...»

Из этого явствует, что Тито в последние годы войны поддерживал самые тесные личные связи с лидером британских консерваторов. Вряд ли было также случайностью и то, что Черчилль послал к Тито в качестве своего личного представителя одного из руководителей британской военной разведки генерала Маклина. В своем заявлении от 24 мая 1944 г. премьер-министр Черчилль приводит новые пикантные подробности о своих переговорах с Тито:

«Мы объявили себя горячими сторонниками маршала Тито вследствие его героической борьбы против немцев. Мы посылаем ему — и намерены посылать в дальнейшем — как можно больше военного снаряжения, а также вступить с ним в самый тесный контакт. В понедельник я имел удовольствие вести длинный разговор с генералом Велебитом, который был здесь по служебному поручению маршала Тито. Мы договорились с ним, чтобы маршал послал сюда своего личного военного представителя с тем, чтобы мы могли быть в курсе всех событий и настроений в Югославии. Таким образом, помимо уже существующих связей через штаб генерала Вильсона в Алжире у нас будет налажена и другая, параллельная связь...

Вождь югославских патриотов маршал Тито почти совершенно отказался от своих коммунистических воззрений. Он неоднократно заявлял, что он совершенно не собирается отменять право собственности или изменять общественный строй в Сербии...»

Здесь на сцене появляется так называемый «генерал» Владко Велебит — одна из самых темных личностей из ближайшего окружения Тито. Выдававший себя за «коммуниста», Владко Велебит, видимо, пользовался особым расположением Черчилля. Когда Велебит был назначен позднее посредником Тито в переговорах между партизанами и королевским югославским эмигрантским правительством, Черчилль в своей речи от 2 августа 1944 г. охарактеризовал его как «прекрасного солдата и мыслителя».

Во всяком случае Велебит обладал почти феноменальной способностью угождать направо и налево. В 1939 г. он вступил в компартию и в своем особняке в Загребе установил в 1940 г. один из радиопередатчиков Тито. Он, видимо, находился в хороших отношениях с оккупационными властями и хорватскими фашистами. Во всяком случае бывший командующий югославскими военно-воздушными силами генерал Перо Попивода рассказывает следующее о деятельности Владко Велебита в Загребе:

«В начале 1942 г. троцкисту Вукмановичу удалось перевезти без всяких затруднений Карделя и нынешнего министра строительства Словении Ивана Мачека поездом из Сараева в Любляны. По дороге Кардель и Мачек решили заехать в Загреб и оставались там больше двух месяцев. Они «скрывались» в доме Владко Велебита. Мачек позже рассказывал партизанам, что он однажды подписался под фальшивым документом своей настоящей фамилией и что усташы (хорватская квислинговская полиция) обнаружили это, но Велебит его «спас»...»

Во время процесса Райка в 1949 г. югославский шпион Лазарь Бранков весьма красочно дополнил рассказ о деятельности Велебита. Восторг Черчилля в отношении этого «солдата и мыслителя» становится вполне понятным, когда читаешь следующее:

«Как известно, генерал Велебит являлся завербованным британским агентом. Генерал Велебит был уполномо-

моченным Тито и передавал англичанам весь материал, который югославская разведка собирала во время войны. Среди этого материала были также сведения о Красной Армии. Данные в архиве УДБ¹ свидетельствуют об этом».

Вот что пишет о миссии Велебита в Лондоне один прекрасно осведомленный агент британской «Интелли-дженс сервис». В своих воспоминаниях, передававшихся Би-Би-Си во время войны, Брюс Локкарт рассказывает о своих личных связях с Владко Велебитом в этот период:

«Он великолепно говорил по-английски и произвел хорошее впечатление на моих коллег, главным образом потому, что он постоянно подчеркивал, что в армии Тито коммунисты составляют не более 5 процентов. Он представил внушительный список кадровых офицеров и видных людей, не являющихся коммунистами, которые служили под знаменем Тито. Когда мы остались с ним наедине, он признался с еще большей откровенностью, что партизанские дружины состоят из коммунистов, но он заверил меня, что Тито держит себя совершенно независимо. Он хочет перекинуть мост между Востоком и Западом. Таким путем он может укрепить свои собственные позиции...»

Характер миссии Велебита и враждебная позиция Тито по отношению к Советскому Союзу уже в этот период были совершенно ясны. Таким образом и объясняется сближение Тито с англо-саксами и его личная переписка с Уинстоном Черчиллем, начавшаяся с декабря 1943 г.

День спустя после речи Черчилля в палате общин — 24 мая 1944 г. — произошли некоторые события, которые еще больше усилили зависимость клики Тито от англичан. 25 мая в главной ставке Тито в городе Дрвар в Западной Боснии внезапно появились немецкие парашютисты. Перо Попивода рассказывает:

«Известно, что после десанта немецких парашютистов Тито отказался атаковать вражеские линии и собирался сдать немцам. Но Сретен Жуйович и Арсо Иованович заставили его, угрожая пистолетами, покинуть пещеру,

¹ УДБ—титовская охранка. — *Прим. ред.*

где размещался его штаб. Партизанам был хорошо известен этот случай, после которого Тито возненавидел Жуйовича и Иовановича...»

После этого Тито разместил свой штаб на острове Вис у побережья Далмации, где его охранял британский флот и где он вместе со своей кликой целиком подпал под влияние генерала британской разведки Мамина и сына британского премьер-министра Рандольфа Черчилля, которого отец использовал для дальнейшего нажима на Тито. Постепенно штабы армии Тито, находящиеся в различных районах Югославии, попали под контроль британских «советников».

При такой обстановке Тито и Черчилль встретились 13 августа в Риме, чтобы обсудить развитие событий на Балканах на последнем этапе войны. О чем они договорились? Об этом сообщает Лазарь Бранное:

«План Черчилля... предусматривал занятие англо-американцами Адриатического побережья. Тогда это было совершенно излишним, так как партизаны уже заняли большую часть побережья и крепко держали его в своих руках, но Черчилль считал необходимым расширить свое влияние в Югославии и окружающих государствах. Ему удалось заручиться поддержкой Ранковича, Джиласа и Карделя. Но среди членов главного командования возникла горячая дискуссия. Однако Тито дал свое согласие на это предложение, так как он предполагал, что англичане так или иначе займут Югославию. Поэтому следовало поддерживать хорошие отношения с англичанами и американцами. Советское командование придерживалось иной точки зрения в этом вопросе и дало Тито соответствующий совет. Тито уступил и поэтому расстроилась запланированная Черчиллем оккупация англичанами побережья Адриатического моря и Балкан».

Предполагаемая высадка на побережье Адриатического моря была нужна Черчиллю, чтобы проникнуть в Хорватию, откуда он рассчитывал двинуться к границам Венгрии, где уже производился соответствующий нажим на старого Хорти, которого пытались склонить на выступление против немцев. 15 октября 1944 г. Хорти объявил в своей речи по радио о выходе Венгрии из блока стран «оси». Это привело к немедленному немецкому вмешательству в Будапеште и аресту Хорти. Власть была

захвачена немецким агентом Салаши. Вскоре Венгрия была освобождена от немецкого ига Красной Армией, которая продвигалась из Румынии по долине Дуная.

Под впечатлением победоносного наступления Красной Армии в Румынии Тито в последний момент был вынужден на время приостановить свои тайные переговоры с англо-саксами. Он слишком хорошо знал, что все симпатии югославского народа и партизан находятся на стороне Советского Союза.

Вскоре после этого встал вопрос о том, должны ли партизаны принять русскую помощь, чтобы освободить восточные районы страны. Лазарь Бранков приводит по этому поводу следующие интересные подробности:

«Дело в том, что Тито и югославская армия в то время не были в состоянии быстро освободить Белград и Сербию, и Тито пришлось просить о помощи. Но военный уполномоченный англичан и американцев Маклин и полковник Гамильтон намеревались через Карделя, Джи-Ласа и Ранковича настоять на том, чтобы Тито ни при каких обстоятельствах не просил помощи у Красной Армии, которая тогда находилась уже недалеко, в Румынии и Болгарии. По этому вопросу произошел горячий спор. Тито колебался, но понимал, что своими собственными силами он не сможет освободить Белград и Сербию».

В этот период позиции клики Тито были довольно шатки. Одно крыло в руководстве югославской коммунистической партии во главе с Сретенем Жуйовичем и Андрием Хебрангом последовательно боролось против антисоветской позиции Тито и его проанглийской ориентации. Ту же позицию занимали начальник главного штаба Тито Арсо Иованович, командующий военно-воздушным флотом Перо Попивода и ряд других партизанских вождей. С этим коммунистическим крылом партии Тито зверски разделался в 1948 г. Жуйович и Хебранг были арестованы палачами Ранковича. Арсо Иованович был убит, а Попивода удалось бежать за границу. Ранкович и компания еще во время войны широко использовали свою власть, чтобы убрать с дороги лучшие пролетарские кадры компартии. Об этом рассказывает Бранков:

«Часто случалось, — партизаны много говорили об этом еще в 1944 г., — что людей, придерживавшихся левой ориентации, являвшихся сторонниками Советского Союза и не питавших склонности к сотрудничеству с англо-саксами, направляли в такие места, где их ждала верная смерть...»

Такому физическому уничтожению во время войны подверглись лучшие пролетарские кадры в югославской компартии, многие стойкие коммунисты, в то время как новые пополнения делали социальный состав партии все более пестрым.

Клика Тито таким образом уже во время войны систематически подготавливала свое предательство. В первый период после окончания войны показное «расположение» Тито к СССР объяснялось необходимостью считаться с любовью югославского народа к Советскому Союзу, а также возникавшими порой конфликтами между Тито и западными державами, которые довольно бесцеремонно обращались со своими югославскими марионетками.

В сентябре 1944 г. Тито все еще не осмеливался сделать решающего шага. Он маневрировал, но против своего желания был вынужден установить контакт с победоносной Красной Армией.

8 октября Красная Армия совместно с реорганизованной болгарской армией начала наступление на север от Дуная, и 21 октября Красная Армия вступила в Белград. В освобождении Южной Сербии и Македонии участвовала болгарская армия, которая продвинулась к албанской границе. В Албании тем временем партизанские войска Энвера Ходжи совместно с подошедшей Красной Армией завершили 29 ноября очищение страны от немецких оккупационных войск. Окончательно рухнул еще один англо-американский план, касающийся Балкан.

Единственным местом в Юго-Восточной Европе, где Уинстону Черчиллю удалось осуществить свои планы, была несчастная Греция.

Некоторые пытались изобразить англичан как освободителей греческого народа от нацистского ига. Однако это совершенно не соответствует действительности. Фактически Красная Армия и реорганизованные болгарские войска заставили немцев очистить оккупированную ими страну. Англичане не добились победы над немецкой

армией в Греции. Во время отступления немцев из страны происходили только незначительные столкновения между немцами и англичанами. Греция была бы освобождена, даже если бы в стране не было ни одного английского солдата. ЭЛАС вполне справилась бы с этим делом.

Решение Черчилля о высадке английских войск в Греции было принято в августе 1944 г., одновременно с конспиративными переговорами с Тито в Риме. Черчилль сам рассказал об этом в своей речи от 27 октября 1944 г.:

«Когда я посетил Италию,.. я после длительного совещания с генералом Вильсоном договорился с ним о том, чтобы как можно скорее начать подготовку к возвращению в Афины королевского правительства г-на Папандреу, а для начала я советовал этому правительству переехать из Каира в Казерту, где оно будет находиться в тесной связи с главнокомандующим...»

В своей речи о Греции, произнесенной в палате общин 8 декабря того же года, Черчилль опять остановился на предистории британской оккупации этой страны и рассказал следующее:

«Около 16 августа. ., когда стало совершенно ясно, что положение немцев в Греции становится безвыходным, вследствие продвижения русских вдоль черноморского побережья на Румынию и Болгарию, а также вследствие продвижения англо-американских армий на итальянском полуострове и в связи с растущими силами маршала Тито и его партизан, я предложил тогда президенту (Рузвельту) собрать войска и вторгнуться в Грецию».

Черчилль отнюдь не скрывает истинных целей этой акции. Это была интервенция, открытое вмешательство во внутренние дела маленькой союзной страны.

«Я отдавал себе отчет в том, что если сразу же после ухода немцев из Греции не будет создано правительство, ЭАМ и коммунисты, вероятно, попытаются занять столицу и захватить власть...»

Цель английской экспедиции в Грецию в 1944 г. состояла отнюдь не в том, чтобы выгнать немцев — они сами ушли, — а в том, чтобы помешать греческому народу взять власть в свои руки. После восстания в Болгарии 9 сентября, Вильсон 14 сентября получил приказ ускорить проведение операции.

Далее в игру вступило реакционное крыло греческого эмигрантского правительства Папандреу; 22 сентября оно без ведома министров — членов ЭАМ — официально «попросило» послать британские войска в Грецию.

Английская высадка была произведена 5 октября на Пелопоннесе, около Патраса. 10 октября англичане уже находились в Коринфе. Греческий принц Петр Глюксбургский позднее рассказывал в Лондоне, что в период продвижения англичан по Греции действовало своего рода «джентльменское соглашение» между ними и немцами. Англичане продвигались постепенно, по мере того как немцы очищали страну. 14 октября англичане вступили в Афины, а 1 ноября они заняли Салоники. В это время значительно севернее, в югославской части Македонии, шли жестокие бои между отступающими немцами и новой болгарской армией.

Так началась кровавая трагедия греческого народа. Англичане грубо нарушили свои обещания, данные ими ЭАМ и левым греческим партиям. Чтобы удостовериться в этом, достаточно обратиться к речи Черчилля от 24 мая 1944 г., где он сам говорит о соглашении между греческими партиями, заключенном в мае 1944 г. — перед тем как было образовано правительство Папандреу. Черчилль говорил:

«После длительных прений на конференции в Ливане была достигнута полная договоренность о том, что все партии будут представлены в новом правительстве, которое займется созданием греческой национальной армии, в которую вольются все партизанские силы, с тем чтобы при помощи этой армии прогнать врага из страны или, еще лучше, уничтожить его там».

Однако в конце ноября, когда британские войска закрепили свои позиции в Греции, картина совершенно изменилась. Вопреки обещаниям признать ЭЛАС как часть греческой национальной армии, британский генерал Скоби издал приказ о том, чтобы ЭЛАС — единственная греческая военная организация, непрерывно боровшаяся за освобождение греческого народа от немецкого ига — сдала свое оружие, в то время как вооруженные силы короля сохранили за собой свое оружие, чтобы использовать его против греческого народа!

В знак протеста против наглого нарушения англичанами своих обещаний и против их вмешательства во внутренние дела Греции из правительства Папандреу вышли министры — члены ЭАМ, что привело к падению этого правительства, в то время как греческий народ поднялся на защиту своей армии и своих суверенных прав.

Восстание греческого народа было подавлено вооруженными силами англичан еще до окончания войны. Черчилль наглядно показал всей Восточной Европе как англичане понимают «демократию», как они «уважают» заключенные договоры и права малых государств на свободу и независимость. Англия силой навязала Греции монархо-фашистский режим, опирающийся на иностранные штыки. Таким образом была восстановлена реакционная монархическая диктатура.

«Холодная война» началась именно в результате попыток империалистических государств восстановить в Восточной Европе старые порядки, не считаясь с борьбой народов против фашизма. В этой пробе сил, происходившей за кулисами второй мировой войны, империализм потерпел поражение в большинстве стран Восточной Европы, несмотря на все свои ухищрения и попытки насадить в этих странах «пятые колонны». Главной причиной поражения империализма послужило то, что он опирался в этих странах исключительно на старые, отживающие силы общества, обреченные историей на гибель.

В послевоенное время борьба между реакцией и прогрессом выразилась во все разгоравшейся «холодной войне» в Европе.

Те самые государства, которые во время войны защищали интересы империализма в Восточной Европе в тесном союзе с самой черной политической реакцией и фашизмом, теперь пытаются прикрыться этикеткой «западных демократий». На деле же они попрежнему стремятся закабалить страны, народы которых свергли эксплуататоров и вступили на путь социализма, чтобы навеки освободиться от национального, экономического и социального гнета.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издательства	3
<i>Глава первая. Первоначальные восточные планы Гитлера и Гутенберга</i>	5
Что представляла собой немецкая „верхушечная оппозиция“?	5
Подрывная деятельность нацистов за границей.	14
Мюнхен и Данцигский кризис.	24
<i>Глава вторая. Мюнхенский курс</i>	37
Когда Англия предложила Гитлеру новый раздел мира	37
Основные пункты нового мюнхенского проекта	43
Переговоры с Россией — маскировка.	50
<i>Глава третья. Продолжение мюнхенского курса</i>	57
„Вычеркнутая“ глава первого периода второй мировой войны.	57
Некоторые результаты проекта третьего мюнхенского сговора.	72
План Галифакса — тормоз в освободительной борьбе чехословацкого народа.	81
<i>Глава четвертая. Англо-французские планы нападения на СССР</i>	90
Финская кампания как предлог для „европейского крестового похода“ против страны социализма.	90
Подготовка к наступлению на фронте от Петсамо до Баку	104
Традиционные пути западных держав к нефти.	111
<i>Глава пятая. Черчиллевские планы создания „Дунайско-Балканской федерации“</i>	129
Возрождение версальских планов установления „санитарного кордона“ в Восточной Европе.	129
Эмигрантские правительства и лондонский „Крестьянский интернационал“.	135
<i>Глава шестая. Внутренние фронты и второй фронт</i>	147
„Первый филиал“ Черчилля — Югославия.	147
„Интеллидженс сервис“ за работой.	160
Британское проникновение в Болгарию и Венгрию	172

<i>Глава седьмая. Заговор 20 июля 1944 г.</i>	169
Снова „верхушечная оппозиция“.	189
1943 год — год упущенных возможностей для „верхушечной оппозиции“.	197
Бомба против Гитлера.	208
<i>Глава восьмая. Тайны польского внутреннего фронта</i>	219
Польское эмигрантское правительство в Лондоне и Армия Крайова.	219
Катынская провокация и ее германские и польские вдохновители.	228
Так выглядело на деле варшавское восстание.	236
<i>Глава девятая. Горячее начало „холодной войны“</i>	260
Крах фашизма на Балканах и политика западных держав в Восточной Европе.	260
Народное восстание в Болгарии. Двуручничество титовской клики и английская политика в Греции.	277

Художник *А. И. Шербаков*
Редактор О. В. БОГДАНОВ
Технический редактор *А. И. Никифорова*
Корректор О. В. *Малых*

Сдано в производство 1/IX 1952 г.
Подписано к печати 22/X 1952 г.
А-07605. Бумага 84x108¹/₃₂ = 4,6 бум. л.
15,1 печ. л. Уч. издат. л. 15,7. Изд. № 7/1767.
Цена 10 р. 40 к. Зак. 3739.

4-я тип. им. Евг. Соколовой
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР
Ленинград, Измайловский пр., 29.